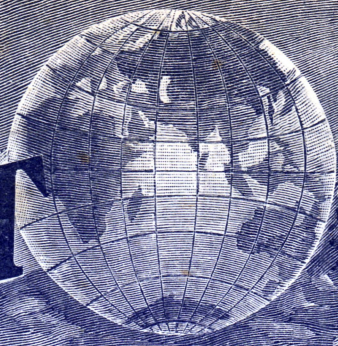

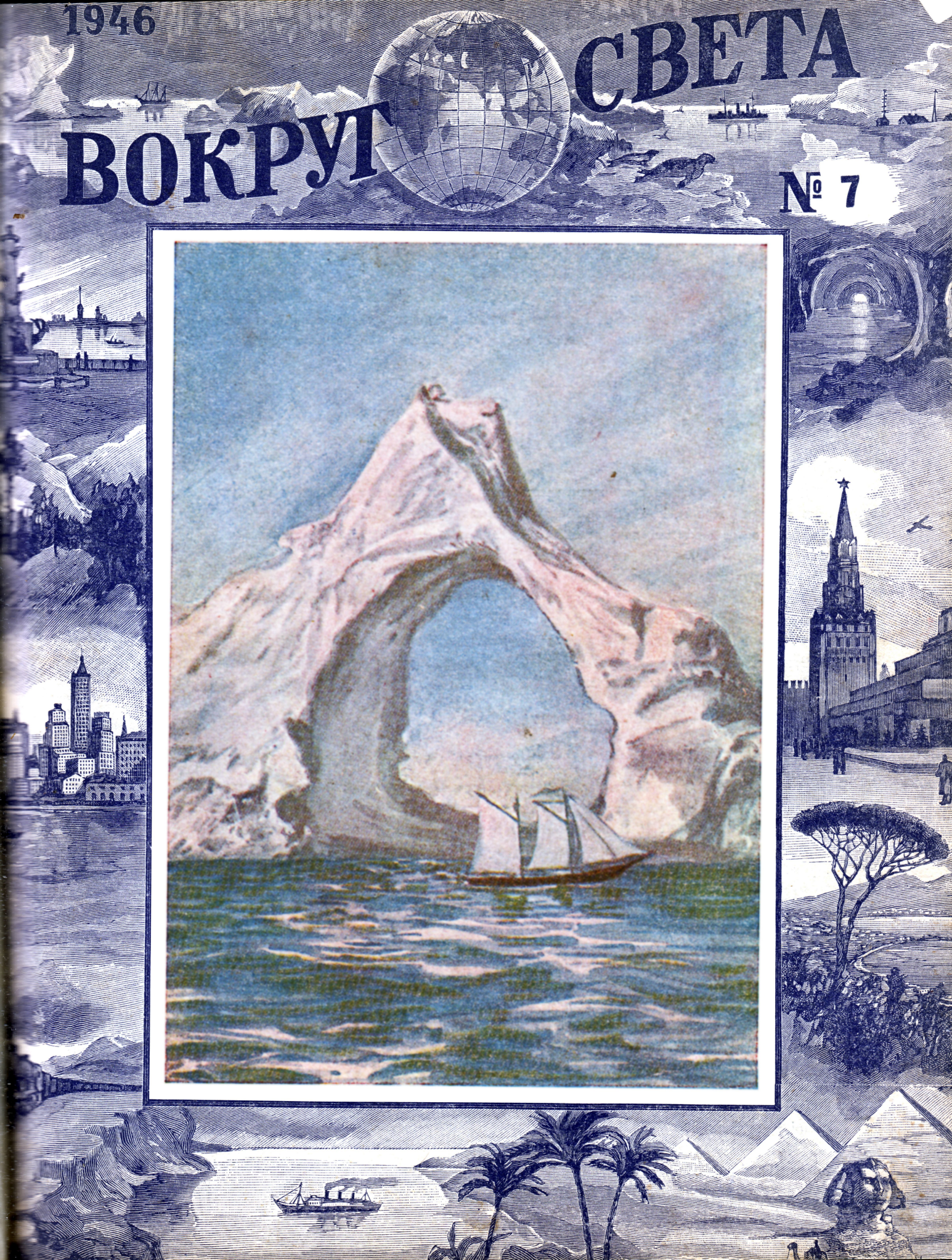
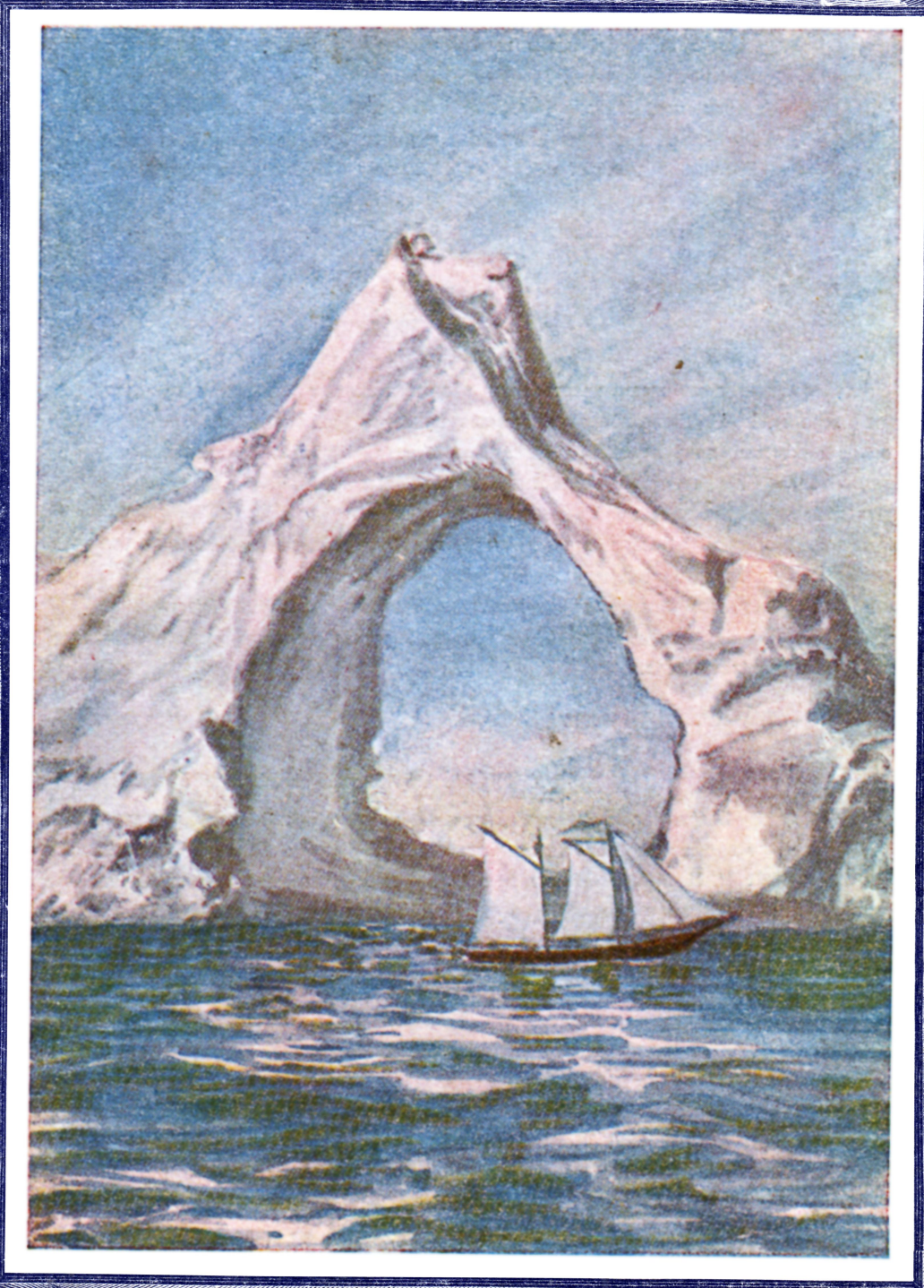
1946

СВЕТА

ВОКРУГ

№ 7

Наша Летопись

ВОЗВРАЩЕНИЕ ФРИТЮФА НАНСЕНА

Пятьдесят лет назад весь мир облетело известие о возвращении Фритюфа Нансена из его похода на «Фраме». Великий исследователь три года скитался в полярных морях, пока в июне 1896 года не встретился на Земле Франца Иосифа с экспедицией Джаксона. На торжественной встрече в Бергене герой Арктики провозгласил тост за Россию. В русских полярных областях пролегли его пути 1893—1896 годов. Нансен в своей речи почтил память русских полярников XVIII века — братьев Лаптевых, Прончищева, Овцына.

ДЕКАБРИСТЫ-МОРЕПЛАВАТЕЛИ

В 1821 году будущие декабристы участвовали в замечательных плаваниях русских военных кораблей. М. Кюхельбекер находился на борту шлюпа «Аполлон», отправленного в плавание вокруг света — из Кронштадта в Ново-Архангельск (Аляска). По приходе в Северную Америку «Аполлон» совершил плавание в Калифорнию и крейсерский поход по проливам Аляски.

Н. Бестужев в 1821 году побывал в Гибралтаре, где был свидетелем массовых казней сподвижников испанского революционера Риэго.

К. Торсон был участником знаменитого похода Ф. Беллинсгаузена к берегам Антарктиды, когда русскими были открыты Берег Александра I и новые острова. Это произошло тоже 125 лет назад.

ГАРИБАЛЬДИЕЦ НА НОВОЙ ГВИНЕЕ

Бывший солдат освободительной армии Гарibaldi, генуэзец Мария д'Альбертис прославился, как исследователь Новой Гвинеи. Свои работы он начал одновременно с Н. Н. Миклухо-Маклаем в 1871 году. Кстати, эти путешественники встречались друг с другом в Сингапуре, после своего первого пребывания на Новой Гвинее. Д'Альбертис провел там в общей сложности восемь лет. Его перу принадлежит двухтомное описание страны папуасов.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АМУРА

Инженер-полковник Д. И. Романов может по праву считаться одним из создателей проекта Великого Сибирского пути. Ровно сто лет назад он отправился на Амур. Романов исследовал Амурский край. Он прошел пешком всю трассу будущего телеграфа и наметил направление железных дорог на Дальнем Востоке. Им было составлено несколько важных строительных проектов. Впоследствии Д. И. Романов исследовал просторы Бухары и Хивы и горы Кавказа.

1946

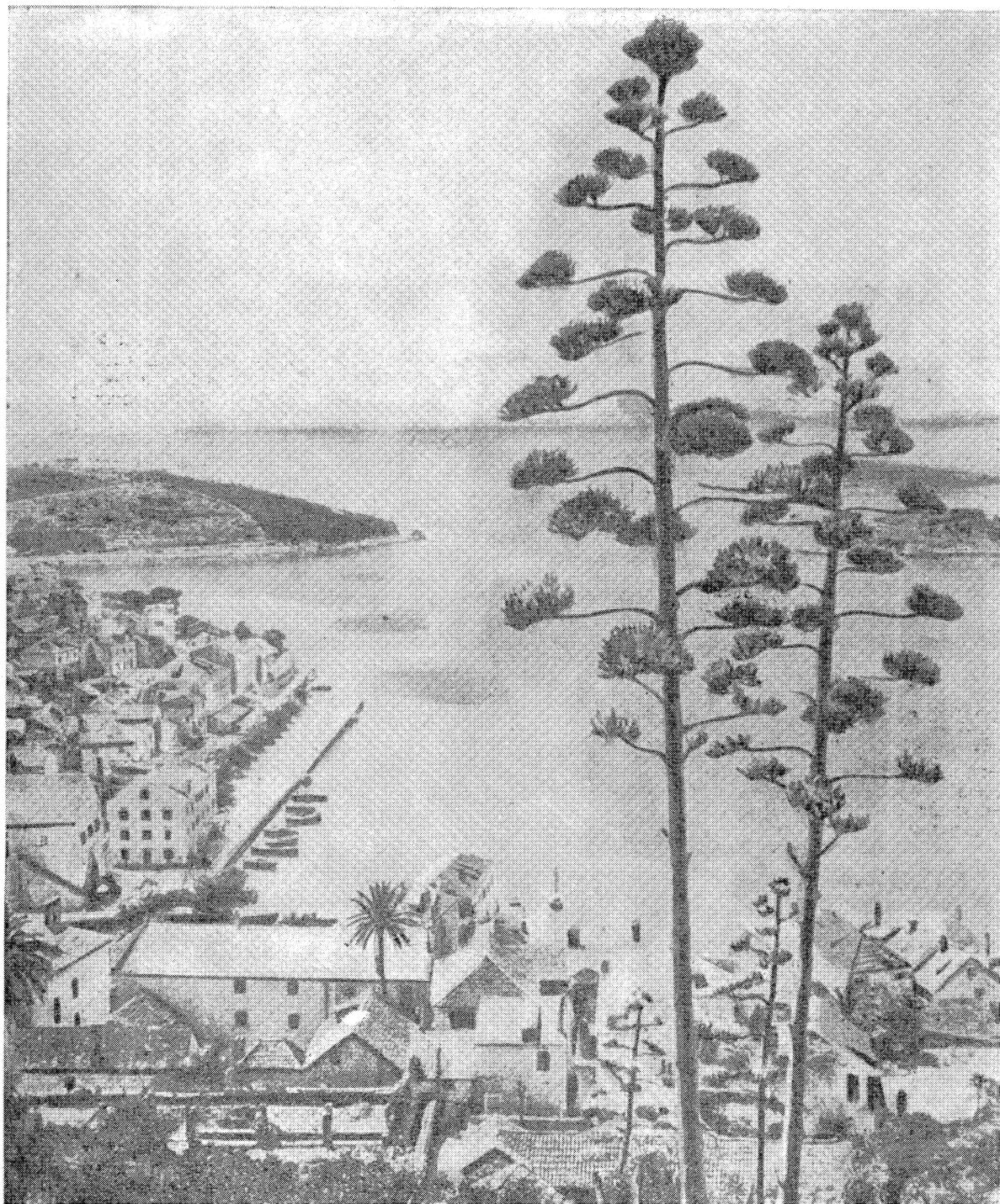
ВОКРУГ СВЕТА

Журнал основан в 1861 году

№ 7

Июль

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

Югославия. Побережье Адриатического моря.

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРЕЖДЕ И ТЕПЕРЬ

Академик В. Н. ОБРАЗЦОВ

Как известно, герой одного из популярных романов Жюль Верна, Филиас Фог, совершил свое кругосветное путешествие в 80 дней. При этом он претерпел множество опасных приключений, за которыми мы с замиранием сердца следили в юности, перелистывая страницы увлекательного романа.

Но читатели Жюль Верна редко задумываются над тем, что удивительные похождения его героев были бы неосуществимы, если бы эти люди не пользовались могущественными средствами техники — железными дорогами, пароходами, воздушными шарами или подводными лодками.

Пешком и под парусом

В самом деле, что было, когда человек передвигался только пешком? Знал ли он мир?.. Конечно, нет.

Из научных сочинений о жизни первобытных людей, из рассказов путешественников о дикарях Центральной Африки мы знаем, что их передвижения происходили в пределах одной-двух сотен километров. Дикие животные обычно кочуют в таких же пределах.

Появление лодок и пирог — речных и парусных морских — резко увеличило пределы этого передвижения. С появлением этих средств транспорта начались далекие путешествия народов древности по Нилу, Тигру и Евфрату, по великому водному пути «из варяг в греки» — от Новгорода через Киев до Кон-

стантинополя. Однако водный путь не распространял своего влияния очень далеко в сторону суши, так как двигаться сухим путем по лесам и болотам было крайне затруднительно. Все новые завоевания, новые открытия, все последующее знакомство человека с географией своей страны шло по рекам. Огромные лесные и горные районы оставались неисследованными.

Двигаться по рекам было не только легче, но и безопаснее, чем по глупым лесам. Вот почему, например, когда Глеб Муромский в 1015 году отправился на съезд князей близ Киева, он не мог ехать прямым путем, а поднялся по Клязьме до переправы на Днепр и далее до Дорогобужа по Днепру к Смоленску.

«До переправы» — значит, что суда перетаскивались по сухому месту волоком. А Владимир Мономах

в своем поучении к детям в 1105 году с гордостью сообщал, что он дважды в жизни пробрался к Киеву через леса напрямик (через вятичей). По тем временам это казалось незаурядным подвигом.

Те глухие, «нехоженые» места, куда нельзя было добраться водою, народные поверья населяли фантастическими чудовищами; в угрюмой темноте дремучих лесов древнему человеку мерещились то Соловей-разбойник, то Змей-Горыныч, то Баба-Яга («Яг» — по-фински лес). Благодаря непроходимости болот и лесов неисследованные пространства представлялись человеку более обширными, чем они были на самом деле.

Появление морских судов — вначале парусных, то есть зависящих от присутствия ветра, — открыло возможность путешествий по морям, а со времен Колумба и через океан.

Так начался переворот в изучении географии. С конца XV века и до конца XVIII века длится время великих открытий. Это та завлекательная эпоха, о которой мы иногда вспоминаем, говоря: «Как жаль, что теперь нечего стало открывать...» Действительно, начиная с этого времени, на карте все меньше оставалось «белых пятен». Пределы географических знаний сильно расширились, но эти знания касались опять-таки только прибрежной полосы. Перешагнув через океан, человек еще не проник в глубь материков. Путешественники еще не знали Центральной Африки, Центральной Азии,

В. Н. Образцов в своем рабочем кабинете.—Фото Б. Громова.

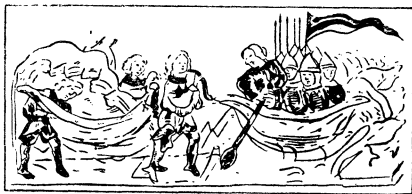
центральных районов Борнео, Китая, Тибета, Северной Индии и всей огромной Сибири. В те времена в головах людей сложилось странное с нашей современной точки зрения понятие о расстоянии. Его исчисляли по времени проезда. Добраться до Гибралтара от Алеппо (на расстоянии 4 500 километров) было проще и легче, чем попасть из Москвы на Урал (1 800 километров) или из Алеппо в Персию (1 700 километров).

И все же мир начал как бы уменьшаться в своих размерах, потому что все меньше оставалось на карте неизвестных, неисследованных странств.

Паровоз и пароход

Но вот в 1825 году появляется новое средство транспорта — железные дороги. Они быстро растут: за сто лет их протяженность достигла 1 300 000 километров. Они покрыли Соединенные Штаты Америки, прошли через южную часть Австралии, пересекли Сибирь и забрались даже в нетронутый ранее Китай.

Доступными становятся также районы, о которых раньше огромному большинству ученых, путешественников, разведчиков недр приходилось только мечтать. В наш век, век самолета и автомобиля, мы

Перенесение лодок волоком. (Кенигсбергская летопись.)

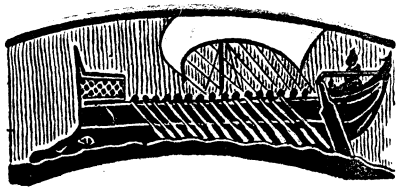
иногда забываем о том, что и теперь железные дороги несут на себе основную тяжесть перевозок первоначального народнохозяйственного значения. Велика роль железнодорожного транспорта и в деле освоения природных богатств в отдаленных от центра районах нашей страны.

Мне пришлось в 1918 году быть участником экспедиции в районе нынешней Коми АССР, изучавшей вопросы разработки лесных богатств республики. Край был девственный, совершенно не изученный; связь с внешним миром существовала только зимой, когда болота замерзали и когда с далекого севера приходили местные жители — ненцы — на оленях.

Здесь уже давно была найдена нефть. Но попытки разработки нефти на реке Ухте при царской власти не удавались.

Только в советское время началась разработка нефти, появились изыскатели — геологи; был здесь найден и уголь.

Во время Отечественной войны вступила в строй железная дорога

Изображение древнегреческого корабля, нарисованное на древней вазе.

Котлас — Ухта — Воркута. Северный конец ее прошел уже в Заполярье, дошел до Большеземельской тундры и вскоре дойдет, вероятно, до океана — там залегают лучшие пласты угля.

Когда в 1945 году мне пришлось вновь посетить эти места, я был поражен ростом края и его своеобразной, суровой красотой, в особенности вблизи тундры, куда подходят отроги Уральских гор.

Когда после этого я представляю себе, что в ближайшие 10—15 лет будет построена новая дорога, которая перережет вновь всю Сибирь, пройдет через вечную мерзлоту и близ Камчатских сопок, то я невольно думаю и о том, какие перспективы для любителя географии и юного путешественника открывает в будущем эта дорога и сколько таких заповедных, влекущих своей нетронутой красотой мест нам предстоит еще бережно, по-хозяйски изучать.

Расширяя площади и объекты изучения, железные дороги способствовали также и развитию альпинизма.

В древние времена в Греции, Риме и Индии горные вершины совершенно не находили исследователей и даже пугали простых, рядовых людей. Даже такая невысокая гора, как Олимп, считалась в античной Греции обителью богов, и долгое время никто не осмеливался туда подниматься. Совершенно неприступными считались вершины Альп и Гималаев.

Первые попытки подняться на эти горы начались только в половине XIX века, и немало смельчаков поплатилось при этом жизнью. Только в 1875 году был основан первый Альпийский клуб (в Англии). Первое восхождение на Монблан было совершено в 1787 году Соссюром, а на Эльбрус в 1829 (недостоверно) и затем только в 1867 году. На Гималаях до сих пор еще имеется немало мест, куда не ступала нога человека, а такая вершина, как пик Сталлина, — высочайшая вершина Памира — была открыта только при советской власти. Железные дороги как бы приблизили к нам эти отдаленные районы, и вслед за первыми исследователями сюда потянулись путешественники и альпинисты.

Важнейшие географические открытия были осуществлены в XV—XVIII веках на парусных судах. Но только благодаря появлению паро-

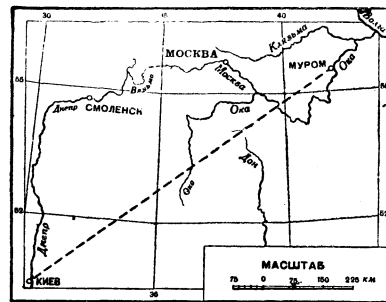
хода и широкому развитию океанского плавания явилась возможность начать новые открытия в Арктике и Антарктике.

С изобретением ледокола открылась возможность проникнуть в ранее недоступные районы Арктики. Славный ледокол «Ермак» вписал первую страницу в историю русских экспедиций на ледоколах в арктических водах.

Автомобиль

Появление в начале XX века автомобильного транспорта имело огромное значение для развития географических знаний.

Свобода в выборе времени для путешествия и в выборе желательного направления создает много преимуществ для путешественника на автомобиле. Мне думается, что в недалеком будущем у нас получат распространение автомобили, имеющие гриппы-домики, едущие вместе с автомобилем, в которых устраиваются нары и кухня и перевозятся палатки и всякий другой багаж. На таком автомобиле можно будет проникнуть в самые дальние места и ве-

Путь Глеба Муромского в Киев по Клязьме и Днепру. Пунктиром показано расстояние от Муром до Киева по прямой.

сти исследование мало изученных районов.

За последнее время созданы автомобили-амфибии, могущие переплывать реки. Такие автомобили, поставленные на шесть осей, обладают способностью взбираться на крутые откосы гор или насыпей. В пустынях и степях можно пользоваться автомобилем, не соорудив для этого специальных дорог. Всем нам памятна выдающийся автомобильные экспедиции советского ученого, академика А. Е. Ферсмана в глубь Каракумов.

Самолет и вертолет

Последние достижения в технике транспорта относятся к авиации. Здесь Жюль Верн уже далеко отстал от достижений нашего века. Герои его романов пересекали пространство много медленнее, чем пилоты современных самолетов. Средние скорости самолетов теперь составляют 300—500 километров в час, а высшие превышают 700 километров.

Если Филас Фог у Жюля Верна объехал земной шар в 80 дней, то на теперешнем самолете можно объехать его при безостановочном полете в 80 часов, то есть в 24 раза быстрее.

Однако и такая скорость еще далека от возможного предела.

Благодаря развитию авиации мы делаем все больше новых открытий и подробнее изучаем нашу страну. Вспомним замечательный полет наших летчиков-полярников на Северный полюс или сквозные перелеты советских летчиков через полюс в Америку.

Наша связь с северной Сибирью через Ледовитый океан уже осуществляется самолетами. Война показала, что на самолетах можно перевозить целые воинские соединения. Самолет позволяет летать над вершинами гор и, таким образом, исследовать труднодоступные горные хребты. Две фотографии, снятые одновременно с двух самолетов, передвигающихся на известном расстоянии и высоте, позволяют не только получить план местности, но даже определить высоты всех точек, построить так называемые горизонталы. На этом основана целая наука фотографической съемки, так называемой аэрофотосъемки.

Самолеты применяют при поисках залежек тюленей; с помощью авиации находят китов, а также косяки идущей по океану рыбы. Самолеты облегчают зверобойный промысел и рыболовство в океане.

Новейшие оптические приборы, применение ультрафиолетовых лучей и радиосвязи позволяют управлять самолетами даже в ночной темноте и в тумане. С помощью системы так называемых радиолокаций мы можем направлять движение самолетов в определенные точки для посадки на землю и судов — в соответственные порты.

Авиация позволяет передвигаться с большой скоростью по кратчайшему расстоянию. Путь по железной дороге из Тбилиси в Москву еще недавно составлял свыше 3 тысяч километров. Самолет проходит его по кратчайшему расстоянию (около 1500 километров). Но, что важнее всего, увеличенная скорость резко сокращает время пути. Вспомним, что в 1800 году (около 150 лет назад) скорость передвижения не превышала обычно 10 километров в час, а средняя скорость пассажирского движения в 1900 году достигала 50 километров в час. Если в настоящее время скорость авиации выражается в 300 километров в час, то тем самым величины земных расстояний за полтора года лет как бы сократились для нас в 30 раз.

Обычные самолеты требуют для разгона и посадки большой, длинной, специально оборудованной площадки или водного участка. За время

Великой отечественной войны советскими конструкторами был создан особый самолет-геликоптер, в котором часть пропеллеров расположена горизонтально. Это позволяет геликоптеру не только вертикально подниматься и опускаться, но даже держаться неподвижно в воздухе. Геликоптеры — это будущие воздушные автомобили. Они позволяют взлетать или садиться на крышу дома в городе, в небольшом садике и т. п. и стать индивидуальным средством транспорта.

Пути сообщения в новой пятилетке

Новые широчайшие возможности дальнейшего изучения нашей страны, ее недр, ее морей, рек и лесов раскрывает послевоенный пятилетний план.

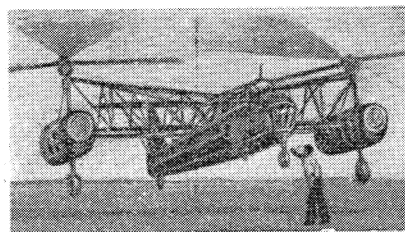
Скорость передвижения по всем видам транспорта резко возрастает. Мы можем рассчитывать при непрерывном полете перенестись с самой западной до самой восточной окраины нашей родины в одни сутки. Замечательно, что полеты по кратчайшему пути совсем не будут совпадать с нашими железнодорожными направлениями. Если железнодорожный путь из Москвы во Владивосток имеет длину около десяти тысяч километров, то путь самолета между двумя этими пунктами по кратчайшей линии составит всего 6600 километров и пройдет от Москвы на Березов, Туринскую базу (близ Полярного круга), Олекминск и только отсюда на Владивосток. Путь самолета между Москвой и Чукоткой пройдет над Ледовитым океаном.

Путешествия по воздуху, благодаря применению новейших технических средств, станут возможными в течение всего года, а на важнейших магистралях — даже и ночью.

Число действующих самолетов гражданской авиации будет резко увеличено. Это расширит возможность полетов в любые районы страны, удешевит и ускорит воздушное сообщение.

Так же резко, вдвое против довоенного, возрастает автомобильный парк.

Одновременно с грузовым парком возрастет и легковой. Условия

Геликоптер.

работы автодорожного транспорта значительно облегчаются.

Сеть усовершенствованных автомобильных дорог увеличивается на 11,5 тысячи километров. Перевозка грузов на короткие расстояния будет производиться не по железной дороге, а на автомобилях.

Значительно возрастает и наш морской транспорт. Наши морские порты сильно расширяются. Уже сейчас мы ежедневно читаем в газетах о рейсах наших кораблей в Индийском или Тихом океанах, у берегов Бразилии или в Гвинейском заливе.

К концу пятилетия наш морской флот увеличится на 600 000 тонн. Все чаще на широкую дорогу океанов будут выходить суда нашего торгового флота.

Растет и значение нашего Северного морского пути, наших северных азиатских городов, в будущем больших портов, как Салехард в устье Оби, Игарка на Нижнем Енисее, Тикси, близ устья Лены, и т. д.

Наш речной транспорт вновь восстанавливает все разрушенные пути и порты, повышает протяженность водных путей до 115 000 километров, восстанавливает разрушенное войною пассажирское движение по Днепру, Западной Двине, Ладожскому и Онежскому озерам.

Наконец, наш железнодорожный транспорт растет по своей мощи, по скорости движения, по качеству паровозов и вагонов, по электрификации, по увеличению своей сети. Объем перевозок железных дорог в 1950 году превысит довоенный уровень на 28 процентов. Половина рельсовых путей сменятся тяжелыми рельсами. Строится 7230 километров новых линий в Казахстане, на Алтае и в других районах страны.

Развитие средств сообщения раскрывает новые горизонты перед учеными-путешественниками, географами, геологами. Конечно, мечта о межпланетном путешествии в ракетном корабле чрезвычайно заманчива, но и на нашей старой земле есть немало пространств, хотя и нанесенных на карту, однако еще слабо изученных.

Задача ученого-путешественника состоит не только в том, чтобы зайти туда, где не ступала еще нога человека.

Ведь появление новых дорог, расширение наших географических знаний позволяют нам и теперь находить новое, неизнанное до сих пор в местах, уже нанесенных на карту. Мы открываем рудные, нефтяные, угольные месторождения, мы вызываем к жизни новые районы. Научные экспедиции, изыскания для строительства железных дорог в лесах и горах, поиски руд дают нам такую же радость достижений, какую получали люди, впервые открывшие еще не исследованные страны.

ФИЛИПП НАСЕДКИН

Рисунки из путевого альбома
художника Н. Дорохова

За Карпатами густые облака неожиданно и круто оборвались. Перед нами, глубоко внизу, раскрылась панорама земли, изрезанной тонкими и кривыми линиями рек, с редкими селами, одинокими двориками и лесистыми, запорошенными снегом холмами. Мы жадно припали к окнам, и летчики, будто угадав наше желание, повели самолет на снижение.

Кто-то вдруг горячо и громко воскликнул:

— Белград!.. Смотрите, Белград!..

Я увидел широкую, подернутую рябью, реку. Извиваясь, она тянулась по равнине. Это был Дунай, легендарный Дунай, о котором поется в песнях. Сейчас он выглядел сумрачно, неприветливо, а вода в нем была не голубая, а какая-то серо-зеленая. Потом, следуя глазами по реке, я увидел вдаль город. Еще несколько минут — и он был под нами.

На аэродроме нас встретили представители молодежных организаций. Они подхватили меня под руки и втиснули в лимузин. Кроме меня и шофера, который назвал себя Витомиром, в автомобиль сели девушка-сербиянка с глазами цвета перспелой вишни и с приветливой улыбкой на круглом лице и смуглый, мужественного вида черногорец. Девушку звали Брана Перович, а черногорца — Ико Миркович.

— Это хорошо, что вы приехали под Новый год, — обратилась ко мне Брана, как только лимузин выскользнул из ворот аэродрома. Она хорошо говорила по-русски и лишь неправильно делала ударения. — Оч-чень хо-ро-шо! Сегодня мы встречаем Новый год. Первый Новый год нашей республики. Он должен быть счастливым. Правда?

Она весело засмеялась.

— Ты так смеешься, другарица¹ Брана, что можно подумать, будто Новый год уже сидит вот здесь, рядом с нами, — шуточно заметил черногорец, мешая русские и сербские слова.

Белград возник за крутым поворотом. Раскинувшийся на холмах между Савой и Дунаем, он уже светился бледными в редких сумерках электрическими огнями. Высокие белые дома, вставая друг за другом, гордо

возвышались над равниной, тянулись к сероватой выси неба.

Черногорец тронул меня за локоть и, показывая в сторону, тепло и почтительно сказал:

— Тито!..

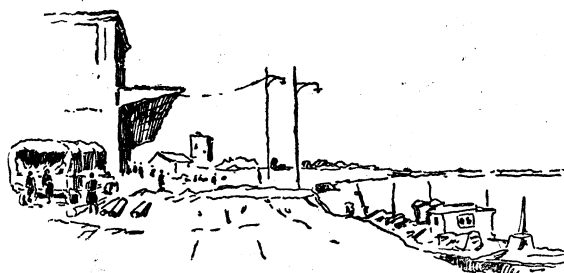
Там, на окраине Белграда, куда показывал черногорец, темнела роща. В центре ее, еле различимые глазом, белели стены дворца. Вокруг него, будто светлячки в лесу, мерцали в легкой вечерней дымке огоньки.

— Раньше в этом дворце жили Карагеоргиевичи, — произнес Ико. Глаза его радостно блеснули: — А теперь там живет и работает маршал Тито... Наш Тито!..

Перебивая друг друга, они стали рассказывать мне о Тито все, что знали, что слышали, что думали, и, слушая их возбужденные голоса, легко было понять, что маршал Тито занимает главное место в их жизни...

Было уже поздно, когда мы подъехали к гостинице «Москва». Оставшись один, я раздвинул шторы среднего окна. Внизу в зареве огней лежал город. Чуть маячила Сава. С улицы доносились звон трамвая и громкие звуки радиоконцерта. Мысли мои прервал стук в дверь. Я обернулся и увидел на пороге молодого человека.

Он вошел с застенчивым, даже робким видом. Это казалось странным для такого высокого, широкопле-

По дороге в Белград. У переправы через Дунай.

¹ Друг, друже, другарица — товариш.

что, крепкого человека. Закрыв за собой дверь, он снял коричневую поношенную шляпу, протянул мне широкую ладонь и сказал на ломаном русском языке:

— Здравствуйте, товарищ. Я есть Митя Вошняк. Не слышали? Вот я и есть самый Митя. Будем вместе... То есть я вас буду сопровождать, как переводчик... Зовите меня просто — друг Митя.

Краснея и улыбаясь, он переступал с ноги на ногу.

— Если вас интересует, — я журналист, — продолжал он. — Пишу так кое-что, членом редколлегии газеты состою. Может, слышали, «Омладина» называется?..

Я пригласил моего нового знакомого раздеться и сесть. Удобно расположившись в мягком кресле, он без всякого побуждения с моей стороны рассказал о себе. Я узнал, что он словенец, что мать и отец его и сейчас живут в Словении, в маленьком городке Птуе, пристроившемся у старой римской дороги. Недавно ему исполнилось двадцать три года, и всего неделю тому назад он женился на черногорке. С сорок первого года, со дня восстания Югославии против немцев, друг Митя все время был в партизанах. Об этом свидетельствовал партизанский значок, красовавшийся на левом кармане его лыжной куртки.

Мы беседовали долго. Для меня в жизни друга Мити Вошняк, крепкого широкоплечего юноши из Словении, было привлекательно то, что эта нехитрая жизнь была похожа на жизнь десятков и сотен тысяч югославских юношей, с оружием в руках отстаивавших свою свободу и право на существование. Поэтому я готов был слушать его сколько угодно, но он поднялся и, виновато улыбнувшись, сказал:

— Заговорил я вас, а нам пора. — Видя мое недоумение, он пояснил: — У нас будет вечер. Встреча Нового года. Ничего особенного — концерт, танцы. Товарищи вас приглашают. Я пришел за вами, понимаете?

Мне хотелось побыть одному, отдохнуть с дороги, собраться с мыслями, но я не решился отклонить приглашение. Через четверть часа мы были в гимназии и по широкой мраморной лестнице поднимались вверх, откуда доносились ладные звуки аккордеона и звонкие, веселые голоса молодежи.

Белград. Улица Пашича.

Небольшой низкий зал, куда мы вошли, был набит народом. К нам подошли уже знакомые мне Брана и Ико.

Брана подхватила меня под руку и, энергично расталкивая людей, повела к импровизированной сцене. Концерт самодеятельности близился к концу. Маленькая девочка в коротеньком ситцевом платьице, с красным бантом в жгуче-черных косичках, громко декламировала стихи. Ей дружно аплодировали. Девочку сменил рабочий типографии. Он пел протяжные партизанские песни. Его также наградили громкими аплодисментами. Потом на сцену поднялся высокий юноша и под аккомпанемент аккордеона спел несколько русских песен.

После концерта молодежь танцевала «коло». Взявшись за руки, юноши и девушки встали в круг и под звуки аккордеона часто и слаженно притопывали ногами, подскакивали на месте, плавно кружились. Лица их горели задором и такой чистой радостью, что казалось, вот-вот обретут они крылья и взлетят, как свободные соколы. «Коло» — любимый национальный танец югославов. Его танцуют все — и взрослые, и дети, и старики. Особенной популярностью этот народный танец пользовался среди партизан. Нередко голодные, разутые и раздетые, преследуемые врагами, партизаны в краткие минуты досуга не забывали о своем любимом танце.

Пришел Рато Дугонич — руководитель молодежи Югославии. В прошлом он — первоклассный футболист, бесстрашный партизан. Нас познакомили. Он ни слова не говорил по-русски, но с помощью Браны и друга Мити у нас с ним сразу завязалась беседа.

— Югославия — небольшая страна, это правда, — говорил Рато, мягко выговаривая слова. — Но чтобы хорошо ознакомиться с ней, одного месяца мало. Очень мало! — Он подумал, посмотрел себе под ноги. — Два месяца — по десять дней на республику. Это — минимум. А мы хотим, чтобы русские люди видели у нас все — и хорошее и плохое. — Он снова замолчал, задумался, потом продолжал: — У нас много интересного. Мы ведь не просто восстанавливаем разрушенную страну. Мы строим новое государство, какого еще не было на Балканах. Мы строим народное государство!

Когда он произносил эти слова, его худощавое, открытое лицо светилось каким-то внутренним светом. Я часто потом встречался с Рато, и всякий раз, когда он говорил о строительстве новой Югославии, лицо его так же загоралось...

Ровно в полночь, возвещая о наступлении Нового года, в зале на минуту погас свет. Таков здесь обычай. В полной темноте слышались дружные возгласы:

- Живно Новый, счастливый год!..
- Живно друг Сталин!..
- Живно маршал Тито!..

Когда снова вспыхнули яркие плафоны, украшенные разноцветными флажками, перед нами предстала девушка в белом переднике, с подносом в руках, на котором искрилось золотое вино в высоких бокалах.

Рато взял бокал первым.

— За Новый, счастливый год! — сказал он громко и высоко поднял бокал.

— За нашу народную республику! — воскликнула Брана.

— За вечную дружбу русских с югославами! — крикнул черногорец Ико, своим сильным голосом покрывая шум в зале.

Опять аккордеон заиграл «коло», и опять молодежь, схватившись за руки, пустилась в пляс.

Я простился с Рато, Браной и Ико. Друг Митя послушно двинулся следом за мной.

Мы шли пешком по безлюдным улицам Белграда. Наши шаги гулко отдавались в тишине. Изредка где-то возникали всплеск музыки, дружная песня, славившая Новый год и молодую республику.

Друг Митя предложил пройти на могилы красноармейцев. Я охотно согласился. Мы свернули в переулок и вышли на улицу короля Александра. С темного неба срывались снежинки, кружились, сверкая в тусклом свете электрических фонарей. Мы шли медленно. Через несколько минут мы остановились у невысокого холмика, обнесенного решетчатой изгородью. На постаменте, освещенном снизу ярким желтым светом, были написаны имена советских солдат и офицеров, сложивших свои головы за этот славянский город.

— Здесь похоронен один ваш геройский сержант из Сибири, — сказал друг Митя, держа шляпу в руках. — Он воевал в Югославии, дрался за Белград. Где-то в Венгрии он был смертельно ранен. Когда умирал, просил похоронить его здесь, в нашем городе...

Стояла глубокая ночь, когда, распрощавшись с другом Митей, я поднялся к себе. В номере было душно. Я открыл окно на улицу, лег, но уснуть не мог. Я думал о безвестном сержанте из Сибири. Свобода этого мирно спящего города была куплена ценой его светлой жизни и жизнью многих его товарищей. Память о них не померкнет в Югославии...

Я уже засыпал, как вдруг услышал одинокий, хриплый гудок автомобиля. Тотчас, словно по команде, на него откликнулся многоголосый, звонкий хор петухов. Столица народной республики просыпалась, чтобы начать новую жизнь в новом году.

2

На следующий день мы с другом Митей поехали осматривать город. Погода стояла теплая, безветренная, ярко светило солнце. Выпавший ночью снег растаял.

Белград — современный европейский город. Жителей в нем около трехсот пятидесяти тысяч. В большинстве своем — это рабочие мелких предприятий и кустарных мастерских, чиновники государственных и общественных учреждений, работники гостиниц и ресторанов, торговцы, люди свободных профессий. Одеты белградцы бедно. То и дело видишь на ногах жечичин неуклюжие солдатские ботинки, заштопанные чулки. Многие девушки ходят в мужских костюмах. Зимних пальто почти не видно, хотя зима здесь достаточно сурова для летней одежды.

— Бедный народ, что и говорить, — сказал друг Митя, словно угадывая мои мысли. — Немцы обворовали! — Но тут же добавил: — Правда, и до войны, при монархии, жили бедно... Рабочие и мелкие чиновники, конечно, а не буржуазия. Буржуазия и сейчас неплохо живет.

В городе немало разрушений, хотя на первый взгляд они не очень заметны. Правая сторона центральной улицы короля Александра снесена почти целиком. Перед отступлением немцы взрывали дома, сожгли целые кварталы. В нижней части города, на берегу Савы в течение шести дней шли упорные бои. В этом районе немцы оказывали частям Красной Армии самое жестокое сопротивление. Тем не менее, чтобы избежать больших разрушений, советское командование не применяло здесь артиллерии.

После осмотра центральных районов мы поехали в Дединье. Это живописный пригород Белграда. Здесь расположены виллы богатей. Многие из этих роскошных особняков теперь перешли в собственность государства. Их прежние хозяева частью сбежали вместе с оккупантами, частью арестованы и осуждены за активную помощь фашистам.

Несколько таких вилл правительство передало детскому дому имени Саша и Тамара. Мы приехали в

Белград. У входа в театр.

этот детдом в самый разгар веселья: в нем была новогодняя елка — первая елка в истории Югославии.

Директор дома, Елена Ковач, пожилая женщина, приветливо поздоровалась с нами.

— Кто такие Саша и Тамара? — спросил я.

— Саша и Тамара? — переспросила Елена Ковач. — Саша и Тамара — русские брат и сестра. Они родились в Белграде, выросли в нем, никогда не были в России, но всегда оставались русскими. Когда пришли немцы, Саша и Тамара не покорились им. Они вступили в подпольную организацию молодежи и повели против фашистов борьбу всеми доступными средствами. Немцам удалось поймать Сашу и Тамару. Их долго мучили, пытали, а под конец зверски убили...

Разговор прервала девочка с курчавой головкой. Краснея от смущения и от того, что ей плохо удается скрыть это смущение, она подошла к нам и протянула маленькую худую руку.

— Здравствуйте! — сказала она преувеличенно громким голосом. — Меня зовут Стана, я пионерка. Я живу и учусь здесь, в детском доме Саша и Тамара. У меня нет папы и мамы. Папу и маму убили немцы.

Стали подходить другие ребята, и вскоре нас со всех сторон окружила пестрая ребячья толпа. Робко и застенчиво воспитанники дома называли свои имена, рассказывали, как попали в детский дом. Их здесь свыше трехсот человек, и все они круглые сироты.

Я слушал эти осиротевших малышей и чувствовал, что в словах их звучит гордость — гордость за своих отцов и матерей, не пожалевших во имя республики жизни.

Одеты ребята были плохо, в старые заштопанные костюмы, обуты и того хуже. Но и эту одежду и обувь

В городе Великая Кикинда.

работники детдома собрали среди населения. Это скромная жертва народа, ограбленного фашистами. Государство пока не в состоянии обеспечить детдом даже самым необходимым. В Югославии свыше миллиона детей-сирот, нищих, беспомощных.

Мы обошли всю виллу, переходя из комнаты в комнату. В спальнях тесно стояли кровати. Они были аккуратно застелены разноцветными одеялами, но постельного белья не хватало, мало было и подушек. Ребята спят по-двое. Везде строгая чистота, порядок, но, кроме кроватей, в комнатах ничего нет — ни столиков, ни тумбочек, ни табуреток. Здесь чувствуется нужда. Детей приучают бороться с ней терпением и дисциплиной и твердо верить в будущее. И, в самом деле, когда смотришь на маленьких обитателей роскошных министерских особняков, когда слушаешь их гордые голоса, невольно проникаешься их глубокой верой в то, что их будущее будет светлым и радостным потому, что оно осыщено кровью их родителей.

3

— Вот туда посмотрите, дружка, вот туда, — сказал мой шофер Витомир, показывая вправо. — Видите — бараки? Вот, вот... Раньше там был концентрационный лагерь...

Откинувшись на спинку сиденья, он держал одной рукой баранку руля, а другой — то показывал на серые, мрачные здания, то приглаживал назад непокорные волосы.

— В этом лагере немцы мучили партизан и коммунистов, — продолжал Витомир, притормаживая машину. — Наших лучших людей, борцов за свободу. И если б вы только знали, как мучили!..

Лицо его передернуло судорога. Будто желая поскорей уехать от этого страшного места, он дал полный газ. «Мерседес» рванулся и с огромной скоростью помчал нас по главной, асфальтированной дороге.

— А теперь там разная фашистская сволочь сидит! — сказал Витомир с нескрываемой злобой. — Так им и надо. Жалко — не я там начальник. Я бы им показал.

В машине, кроме Витомира, друга Мити и меня, ехал молодой парень из Главного комитета союза молодежи Сербии: Он был серб, родился и вырос в этих местах и ехал с нами в качестве «сопровождающего». У него было три имени: собственное — Добрица, партизанское — Геджа и еще крестьянское — Джуджа. Друг Митя соединил все эти имена в одно, и получилось Геджа-Джуджа-Добрица. Так, к его заметному удовольствию, мы и называли нашего нового спутника во все время путешествия по Сербии.

Широкое и гладкое, как стекло, асфальтированное шоссе Будапешт — Салоники белой лентой стлалось по равнинам, пересекало холмы, поросшие редкими низкорослыми деревьями, огибало невысокие покатые горы. Мы ехали через Шумадию¹. Так называется округ в центральной Сербии. Когда-то здесь были густые леса. Сплошными массивами они тянулись на десятки километров. Теперь на их месте росли редкие чахлые кусты. Еще турки, во времена своего нашествия на Балканы, беспощадно вырубили могучие деревья, чтобы лишить сербских повстанцев возможности укрываться в лесу. Немцы следовали примеру турок. Они уничтожали целые лесные районы. Но ни повстанцев времен борьбы с турками, ни партизан в освободительной войне с фашистской Германией не остановили эти варварские меры. Повстанцы и партизаны прятались в селах и городах, за горами и холмами, которых так много в Шумадии, и неожиданно наносили врагу жестокие удары...

Мы вылезли из машины. Впереди всех, насвистывая, шагал Геджа-Джуджа-Добрица. За ним шел я, за мной громыхал коваными сапогами друг Митя. Витомир остался наверху, на шоссе, и, как только мы вылезли из автомобиля, разлегся на сиденье.

Узкая стежка бежала под горку. Сумерки с каждой минутой сгущались, и деревня Брачин все плотнее затягивалась серой мглой. Внизу вспыхивали редкие огоньки. Вокруг было тихо. Только где-то в отдалении, в невидимом ручье или у берегов реки, монотонно плескалась вода. Мы направлялись к ближайшей хате.

На шум наших шагов испуганно затряскалась дворняжка и тотчас куда-то убежала. Мы подошли к низенькой, плоскокрышей, квадратной хате, и Геджа-Джуджа-Добрица постучал в дверь.

На пороге появилась пожилая сербиянка. За спиной ее, мигнув, погас свет, — очевидно, лампу задуло сквозняком. В темноте слышались неясные детские голоса.

— Что вам надо? — по-сербски, довольно недружелюбно, спросила нас женщина.

Геджа-Джуджа-Добрица объяснил, что мы хотим поговорить с хозяином, извинился за беспокойство. Секунду-две сербиянка стояла в раздумьи, потом отступила назад и сказала:

— Молим²... Только хозяина дома нету. Где-то зубы точит... Но он скоро придет, вы подождите... — И, повернувшись в темноту, строго крикнула: — Эй, вы там!.. Что свет не зажигаете!..

Ей ответил слабый голос девочки. Вслед за тем вспыхнула спичка. Сгибаясь в дверях, мы вошли в хату.

— Садитесь, будьте гостями, — сказала сербиянка, продолжая, однако, настороженно рассматривать нас.

Мне она подала расшатанную табуретку, друг Митя и Геджа-Джуджа-Добрица уселись на землю возле стены.

¹ Шума — по-сербски лес.

² Молим — пожалуйста.

— Извините, живем небогато, — сказала женщина. — Куча¹, видите, маленькая, плохая...

Действительно, хата была совсем маленькая — четыре шага из угла в угол. Посредине, на проволоке, висел пузырек с горящим фитилем. Он качался из стороны в сторону, разбрасывая по хате слабый свет. Тени прыгали по почерневшим от копоти и пыли стенам.

Сербянка стояла у порога, опустив худые руки. На ней была старенькая черная юбка с полосатой латкой на подоле и грубая домотканная рубаха. На вид ей можно было дать лет за сорок, — лицо в глубоких морщинах, глаза поблекшие, впалые, обведенные темными кругами.

— Как тебя зовут, другарица? — спросил друг Митя.

— Меня? — переспросила она и вытерла рот тыльной стороной ладони. — Меня зовут Драгица. А по фамилии — Михайлович. А вот их, — она кивнула в сторону двух девочек, сидевших на дровах у печки, — их зовут Нада и Рада... Наши дочки...

Девочки смутились, потупили взгляд. Им было лет по четырнадцати-пятнадцати, не больше, и трудно было сказать, которая из них старшая. Черные вьющиеся волосы, яркие иссиня-черные глаза, круглые, покрытые матовым загаром лица, пухлые и чуть вывернутые красные губы — все это делало их похожими друг на друга.

— А вас-то как зовут? — обратилась хозяйка к другу Мите.

Пока друг Митя и Геджа-Джуджа-Добрица рассказывали Драгице, кто они и откуда, я рассматривал внутреннее убранство жилища сербского крестьянина. В хате было тесно и нечисто. На земляном полу валялись какие-то тряпки, стружки. В углу, на дощатом настиле, спали дети, укрытые дерюгой. У стены, возле порога, стоял примитивный ткацкий станок, который здесь называют «позор». На трех кривых ножках пристыла круглая железная печь, точь в точь похожая на нашу, известную под названием «буржуйка». В печке, потрескивая, горели коротко напиленные поленья. Едкий запах древесного дыма пронизывал душный, спертый воздух. В хате не было ни стола, ни стульев, ни скамеек. Кухонная посуда: горшки, ведра, чашки, ложки — в беспорядке валялась в углу, на полу. Маленькое оконце, наполовину заткнутое тряпками, было открыто снаружи ставнями.

¹ Куча — дом, хата.

Поговорив с моими товарищами, Драгица села за «позор».

— Детям на одежку, — сказала она, ловко метая челнок в зев основы. — Надо же чем-то голь прикрыть. Семья-то вон какая! Одних детишек — пятеро. А там еще стариков двое, отец и мать. А работников — муж да я, только и всего...

Она говорила короткими фразами в паузах между резкими ударами батана. Сидела она на отлете, согнувшись и вытянув длинные руки. Волосы ее растрепались и прядями падали на острые плечи.

— Спекулянтов развелось, как собак в деревне! Камень брось — в спекулянта попадешь. И что только народная власть смотрит?

Друг Митя и Геджа-Джуджа-Добрица стали объяснять Драгице, что не все сразу делается и что недалеко то время, когда и крестьяне будут получать товаров достаточно и по доступным ценам. Остановив станок, женщина внимательно слушала, подперев подбородок кулаком.

— Э-э, трудное время, трудное! — сказала она. — Ваша правда, сразу ничего не делается.

Распахнулась дверь, и в хату вошел высокий мужчина в овчинной жилетке поверх красной рубахи и в старых, потрепанных опанцах¹ с загнутыми носками. Это и был хозяин кучи, Илья Михайлович. Он запросто, по-дружески поздоровался с нами, присел у стены рядом с другом Митей и попросил закурить.

— А вы что глазеее? — неожиданно прикрикнул он на дочерей, сидевших у печки. — А ну-ка спать!.. Ишь ты, какие невесты!..

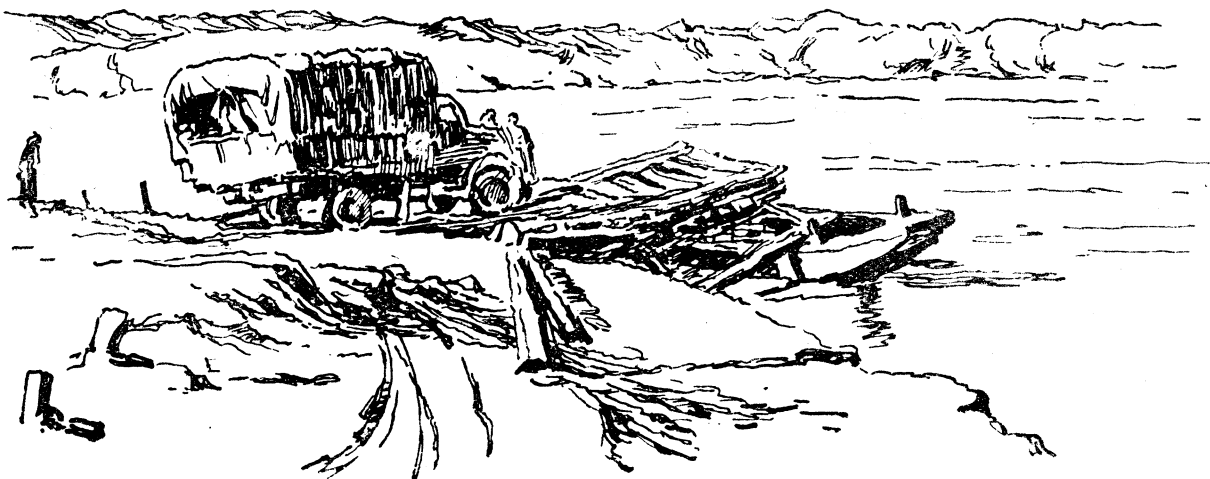
Нада и Рада молча расстелили тут же, где сидели, старенькие лоскутные одеяла и, не раздеваясь, легли головами к стене.

— Очень рад!.. Оч-чень рад! — повторял Илья Михайлович, потирая от удовольствия руки. — Ваши красноармейцы побывали у нас. Как же, побывали!.. Харроший народ, друже!.. Как они немцев из Сербии гнали, если бы вы видели!.. Любо было смотреть! Красивая работа, скажу я вам!

Говорил он быстро, оживленно, разрубая воздух ребром ладони и прищелкивая языком.

— Спрашиваете, как мы живем? — сказал он в ответ на вопрос переводчика. — Жена, наверно, рассказала? Да вы и сами видите...

¹ Опанцы — башмаки, сшитые из тонкой кожи.

Переправа через Тиссу.

Партизанка Любича Субботич.

Драгица что-то сказала мужу, не скрывая от нас своего недовольства. Я попросил друга Митю перевести мне ее слова.

— Она просит мужа, — перевел друг Митя, — поменьше болтать и хоть при русском человеке быть по-серьезней. Бойтесь, что вы, глядя на него, подумаете, что все сербские крестьяне легкомысленные балагуры.

Но слова жены не возымели никакого действия на Илью. Расстегнув овчинный жилет и расправив под поясом красную рубашу, он, улыбаясь, отвечал Драгице:

— Зачем лукавить, Драгица? Добрые люди не осудят, а русские, я слышал, любят веселых. Не могу, не желаю я себя принуждать! Меня и так много лет принуждали, — хватит!

— Земельная реформа у нас затянулась, что правда, то правда, — продолжал Илья Михайлович с видом человека, который хорошо знает, что теперь судьба его находится в его собственных руках. — К сожалению, это так. Кулаки в нашей деревне все еще посвистывают да вино попивают. Но скоро мы и до них доберемся! Теперь-то уж мы никому не позволим ездить на наших спинах!

— А в других районах уже разделили землю, — сказал Геджа-Джуджа-Добрица.

Партизаны в пути.

— Это в конце концов не так уж важно, — Илья пожал плечами. — Днем раньше, днем позже — какая разница? Важно, что есть такой закон. Вот что важно. И власть в руках народа... А разделить успеем, придет срок — и разделим.

Довольный, что его внимательно слушают, он с важным видом погладил усы, крикнул.

— Жизнь наша, братцы мои, только начинается. Вот эта бедность, — он обвел вокруг себя рукой, — эта бедность — наше прошлое. Я теперь богат! Да, мне принадлежат власть и свобода. А это, как вы сами знаете, самое большое богатство в жизни.

Уходили мы поздно ночью. Хозяйка на прощанье тепло и сильно пожала нам руки. Хозяин вызвался проводить нас до дороги.

На улице было темно. Друг Митя зажег карманный фонарь, и мы гуськом молча сле, овали за ним.

Это была первая крестьянская семья в Сербии, с которой я познакомился. Меня поразила не бедность, а бодрость духа этих людей, их уверенность в своем будущем.

4

Много селений проехали мы в те дни. Среди них были и крупные сербские села, свободно разбросанные в равнинах, и мелкие хутора, ютившиеся на холмах и у подножий невысоких гор, и маленькие районные городки с одной или двумя кривыми улицами и с высокой церковью на городской площади. Мы были в Моравском округе, расположенном в долине реки южная Моравы. Широкая и плодородная долина эта образует раздел Восточной и Западной Сербии и служит важным путем от среднего Дуная в глубь Балканского полуострова.

Долина южной Моравы, пожалуй, один из самых населенных районов Югославии. В экономической жизни страны эта долина имеет исключительно большое значение. Здесь — богатые посевные площади пшеницы, кукурузы, бобовых культур, обширные плантации виноградников, известные по всей Югославии фруктовые сады. Трудолюбивые сербы, живущие в этой долине, не без основания гордятся своим золотистым вином, румяными яблоками, чудесными сливами и грушами.

На обед в тот день мы останавливались в городе Ягдин. Это центр Моравского округа. Узкие, мощенные булыжником улицы, низенькие, одноэтажные дома выкрашенные в светложелтый цвет.

...Перед городом Гажань спустилась покрывка. Западной камеры у Витомира не было. Надо было заклеить дыру. Помочь Витомиру мы ничем не могли, а поэтому отправились в город пешком, условившись с Витомиром, что будем ждать его в ресторане на главной улице.

До города оставалось не более трех километров. На землю опустились земные сумерки. Дул сильный холодный ветер, уныло шумели кусты по сторонам дороги.

Некоторое время мы шли молча, занятые каждый своими мыслями.

Впереди блеснули лучи автомобильных фар. Громыха и звеня, мимо нас пронесся трехтонный грузовик. В кузове его, тесно сгрудившись, стояли солдаты с винтовками. Ветер донес обрывки песни. Мне почудилось, что я слышал слово «Сталин».

— Вы не ошиблись, — подтвердил друг Митя. — Они поют песню про Сталина: как друг Сталин научил друга Тито любить народ...

Геджа-Джуджа-Добрица запел эту песню. Она была протяжной и немного грустной, как и все сербские народные песни.

Голос у нашего спутника был мягкий, высокий, хотя и не сильный. Я не понимал слов, но чувствовал, что поет он о светлом будущем своего маленького, но героического народа.

Странствования молодого Горького

ПАВЕЛ БЕЗРУКИХ

1

«Превосходная должность — быть на земле человеком, сколько видишь чудесного, как мучительно-сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой!»

М. Горький

Теплый январский день. Солнце, по-весеннему ласково греет землю. Лазурным шелком стелется спокойная гладь Неаполитанского залива. Трепещущими чайками мелькают над ней белокрылые паруса рыбацких лодок. Покрытые лаврами, пиниями и лимонными деревьями, празднично зеленеют крутые берега залива. Местами они обрываются розоватыми отвесными кручами, но и по ним и по белым каменным оградам цепко карабкаются лианоподобные растения с красно-фиолетовыми кистями цветов. Влево в синеватой дымке темнеет силуэт острова Капри. Справа до облаков вздымается громада Везувия. Над ним, кажущееся неподвижным, застыло облако дыма. Чуть заметной желтой змейкой вдоль берега извивается полотно электрической железной дороги на Каstellямаре; полудугой развернулся живописный Неаполь.

Мы — Алексей Максимович, его сын, Макс, и я — беседуем в просторной кабине писателя в Сорренто на «Villa Sorita». Горький сидит за огромным столом у открытого окна. За его спиной полки с книгами. На столе простая чернильница, стопка белой бумаги, большая кипа писем и книжных бандеролей — их только что привезли с почты. Где-то совсем близко широко и волнующе зазвенела итальянская песня. Лирический тенор пел сложный мотив легко и свободно, как птица.

— Хорошо поют, черти, — добродушно улыбается Горький. — Вот еще на Украине у нас поют так же свободно, красиво и музыкально. Помню, в Мануйловке я целые ночи напролет слушал пение парубков и дивчат и никогда не мог наслушаться вдоволь.

Горький стал рассказывать о песнях волжан, донских и терских казаков, о мелодичных песнях грузин. Разговор перешел на путешествия.

— Хорошо бы попутешествовать, — говорит Горький, и глаза его вспыхивают.

Он встает и, заложив руки за спину, начинает ходить по кабинету.

— Очень хотелось бы, а по-настоящему так и не пришлось пока.

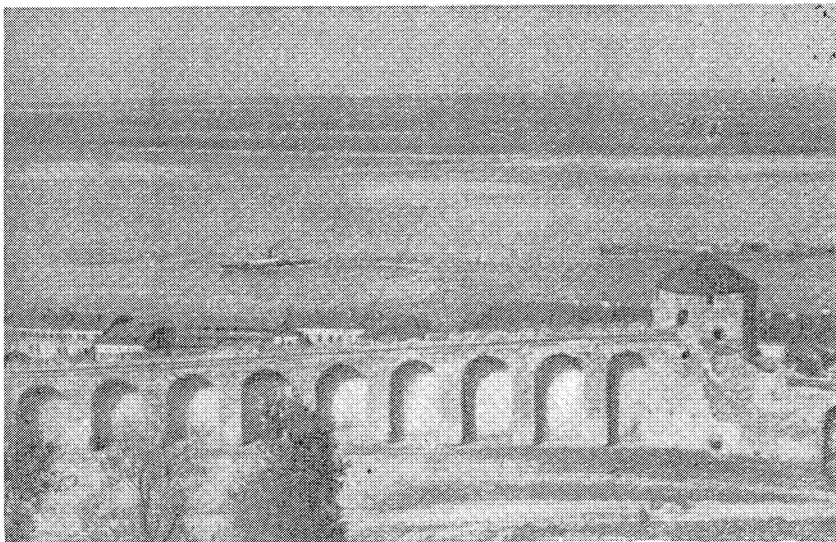
— Уж вы ли не попутешествовали? — удивляюсь я.

— Какие же это путешествия? Это так... странствования, скитания, по-

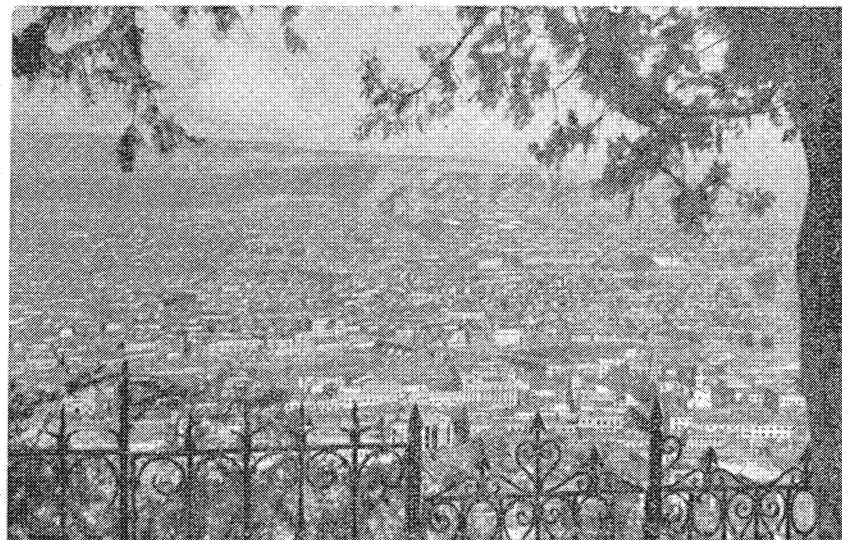
жалуй, поиски самого себя и... людей, разумеется, тоже. По этапу еще путешествовал, под надежной охраной, от Нижнего до Тифлиса. Да и за границей, по необходимости, странствовал. Вот скоро домой приеду, и тогда пушусь в путешествия. Поеду по городам, колхозам, стройкам, посмотрю, что стало на старых местах, по которым я бродил с мучительными и светлыми мыслями о

заре человеческого счастья. Всегда я верил и верю в Человека с большой буквы, и этот Человек пришел — могучий, волевой, многоликий... Может, знакомых ранних своих дней повстречаю. Где-то они, что с ними, куда повернула их жизнь, как они ею распорядились?..

Горький уставился невидящим взглядом куда-то в глубину комнаты и вздохнул.

Вид на Волгу в Горьком.

Панорама Тбилиси с горы Давида.

«Я обошел Поволжье, Дон, Украину, Крым, Кавказ, пережил неисчислимо много различных впечатлений, приключений...»

М. Горький

Н двадцати годам у молодого Алексея Пешкова накопилось множество разнообразных и сильных впечатлений. Он уже прошел через тяжелый труд «мальчика для услуг» в обувном магазине и на кухне у чертежника, уже вкусил «вольной жизни» на волжской пристани с боссяками. Потом был волжский пароход и повар, гвардии отставной унтер-офицер Михаил Акимович Смурый с его заветным сундучком, наполненным книгами. Среди бестолочи и суеты пароходной жизни — забываемые часы радостного волнения над книгой, когда родилась мечта увидеть широкий, многообразный, не похожий на окружающую жизнь мир. «Авантюрные» романы увлекали и волновали изображением незнакомой, стремительной жизни, обильной людьми и событиями, а «...иллюстрации раздвигали передо мной землю все шире и шире, украшая ее сказочными городами, показывая мне высокие горы, красивые берега морей».

Книги пробудили интерес к знанию, к науке. Но наука в стенах университета была тогда не для бедного парня без копейки в кармане.

«Университетами» Горького стала самая суровая, обнаженно-беспощадная жизнь, полная неожиданностей, тяжелого труда и борьбы. Множество разнообразных людей встречалось на его пути. Через них он пытался постигнуть мудрость бытия, жадно тянулся к ним и часто до боли, до слез, глубоко разочарованный, с тысячью неразрешенных вопросов замыкался в себе, взбудораженный, близкий к отчаянию.

Прошел он через тяжкий душевный разлад с самим собой и, как бы воскреснув для новой жизни, ринулся в скитания по России.

Юноша Алексей Пешков отправляется на Каспий. Здесь он находит работу в рыбацкой артели.

Беспредельная ширь бурного, неумолимого моря. Кипучая волна легко бросает рыбацьи суда. Увенчанные пенными гребешками серо-свинцовые валы, ветер, завывающий в снастях, ловкие, отважные рыбаки — все это навеивает мысли о свободе, о подвиге, о высоких творческих взлетах и бурной радости. По этим волнам струги Степана Разина ходили к персидским берегам.

«Хорошо бы в Персию поехать!» мечтает юноша.

Он делится своими думами с рыбаками. Те с явной насмешкой поглядывают на него и заводят разговор о своем близком, домашнем: о видах на улов и связанном с ним доходе, о покупке коровы и обновлениях для семьи, о земле, об урожае и опять о земле.

Кончив путину, юноша ушел в Моздокскую степь. О ее приволье охотно говорили рыбаки в артели, песни о ней складывали. Много верст исходил он среди гигантских скирд соломы и стогов сена, среди мелких хуторов и сел. Везде было одно и то же: широкие поля богатых землевладельцев и смехотворно-маленькие полоски бедноты. Сытое, бездумное благодущие одних, жалобы на «распроклятую жизнь» других. Смелого юноши боялись: чужой, неизвестный, может, «по волчьему билету» гуляет, беды потом не оберешься.

С гнетущим чувством неудовлетворенности покинул он моздокские просторы и махнул к себе на Волгу. Охватила непонятная усталость. Думалось «о тихой, одинокой жизни, без людей, о монастыре, лесной сторожке, железнодорожной будке, должности ночного сторожа где-нибудь на окраине города».

Был сторожем на станции Добринка Грязе-Царицынской железной дороги, заведывал в Борисоглебске метлами, мешками и брезентами, служил весовщиком на станции Крутая Волго-Донской ветки. Было много встреч, попадались отдельные люди, «взыскующие познания и устройства жизни», и среди них телеграфист Юрий. С ним они много говорили о жизни, читали и мечтали, но вокруг было все то же стоячее болото мешанства, духовного убожества и темноты.

Весной решил вернуться на родину. Маршрут лежал через Царицын — Борисоглебск — Тамбов — Грязань — Тулу — Москву — Нижний. Шел пешком, ехал на тормозных площадках товарных вагонов, в специальных «вагонах для скота» вместе с быками, которых везли на московскую скотобойню.

В Нижнем поселился на квартире вместе с двумя поднадзорными, познакомился с политическими ссыльными; среди них был светлый и ясный

В. Г. Короленко. Жандармы заинтересовались своевольным юношей, стали наводить справки. Всплыли казанские связи, подпольный революционный кружок в булочной Деренкова. Несмотря на безрезультатность обыска, А. М. Пешкова посадили в тюрьму, а через месяц освободили, учредив за ним секретный надзор.

Работая на пивоваренном заводе или развозя баварский квас, юноша не переставал мечтать о новом, настоящем, большом путешествии. Подталкивали и книги. Однажды прочитал сочинение Пржевальского о путешествии в Центральную Азию. Знакомый офицер-топограф увлекательно рассказывал ему о своих путешествиях по русскому Востоку.

— Вот бы мне с вами! Могу пешком хоть на тысячи верст, — предложил юноша.

— А почему бы и нет? — обрадовался офицер. Ему нравился крепкий, напористый, умный юноша. — В самом деле, Алексей Максимович, поступайте к нам в топографическую команду. На Памир отправимся. Вот где увидите подлинное величие горной природы.

Тут же было написано прошение и, с положительной надписью офицера, отправлено по инстанции.

В ожидании ответа юноша не без волнения стал исподволь готовиться в далекое путешествие. Ему уже мерещился интересный путь через оренбургские степи, казахские кочевья, Кызыл-Кумы, Среднюю Азию. В его пылком воображении возникали величественные снеговые хребты Памира, роскошные альпийские луга, грозные ледники, новые люди, иные небеса, пестрые дорожные встечи. Он повеселел и ожил, — осуществлялась давняя юношеская мечта.

Неожиданно пришел отказ. Путь в топографическую команду преградили жандармы: поднадзорных не берут. Огорченный юноша не мог больше оставаться в Нижнем.

А. М. Горький в Сорренто (1931 г.).

Снова перед ним легли пути-дороги. Шел сначала пешком по берегу Волги; а когда стало невмоготу, подработал на одной из пристаней денег и сел на пароход, доставивший его в Царицын. Заехал на станцию Филоново повидаться с сослуживцем по станции Крутая Юрным. Из Филонова опять отправился пешком по Донской области, ненадолго задерживаясь, ради заработка, в казацких хуторах и станицах. В Ростов на Дону пришел усталый, без копейки денег. В порту можно было получить работу — шла торопливая погрузка хлеба в заграничные порты. Здесь произошла любопытная встреча, о которой будет рассказано ниже.

Далее путь Алексея Максимовича лежал через Украину (Екатеринославская и Херсонская губернии) к Черному морю. Потом ходил по Бессарабии, дошел до Дуная и возвратился опять к Черному морю. Заработав в порту немного денег на дальнейший путь, он пешком отправился на Кавказ через Перекоп, Симферополь, Ялту, Керчь, Кубань, Черноморье, Терскую область, Военно-Грузинскую дорогу. В ноябре 1891 года пришел в столицу Грузии.

Много было различных приключений и встреч на этом большом пути. О них писатель рассказал в своих книгах.

Работая табельщиком Тифлиских мастерских Закавказской железной дороги, А. М. Пешков написал первый свой рассказ «Макар Чудра».

Восхищенный красотой мягкой грузинской природы, весной 1892 года он отправился в новое путешествие. Путь его лежит через Гори. Он спускается к Черному морю, работает на строительстве Сухумского шоссе и снова доходит до Кубани, затем возвращается в Тифлис. Там его ожидала большая радость: первый рассказ — «Макар Чудра» — был напечатан в газете «Кавказ».

В созвездии русской литературы зажглась яркая звезда писателя Максима Горького.

3

В теплое июньское утро 1928 года, мы с Алексеем Максимовичем отправились в Госиздат на совещание. Горький должен был делать доклад о проектируемых им новых изданиях.

Едва он ступил на тротуар у подъезда издательства на углу Софийки и Рождественки, навстречу ему шагнул высокий прямой старик с ясными голубыми глазами. В аккуратно подстриженной каштановой бороде старика негусто серебрилась седина.

— Кирей! — с радостным изумлением развел руками Горький.

— Я, Максимыч, — дрогнувшим баском ответил старик, широко улыбаясь. Два огромных человека — один в черном летнем пальто и ши-

рокополой итальянской шляпе, другой в коричневом бобриковом пиджаке, в высоких начищенных сапогах, с пестрым шарфом на шее — крепко обнялись и троекратно поцеловались.

— Жив, значит? — спросил Горький.

— Как видишь.

— Ну, вот и хорошо... — Торопливо ощупав карманы, Горький достал бумажник.

— Ты чего, Максимыч! — с испугом спросил мгновенно побледневший Кирей, отшатнувшись к стене дома.

Алексей Максимович в саду своей крымской дачи.

Горький внимательно посмотрел на Кирея и, смущенно отведя глаза, еще более торопливо сунул бумажник в наружный карман пальто.

— Я, того... Фу ты, чорт, бумажки мне нужен кусочек! — Он как-то суетливо погладил зарозовевшее лицо. — Адрес хочу тебе дать. Приходи ко мне... Можешь сегодня вечером?

Кирей достал толстую записную книжку и самопишущее перо...

В одну из последующих наших встреч Горький рассказал о Кирее:

— Лет около сорока назад работали мы с ним вместе в ростовском порту на погрузке хлеба. Таскали из пристанского склада в баржи мешки с зерном. Ростов на Дону рос тогда с невероятной быстротой. Стоя на удобных торговых путях, он обогащался за счет донского и кубанского хлеба, кожи, сала и шерсти. Ки-

рей был моложе меня лет на пять и выглядел щуплым, нескладным парнем. Был слух, что он сын петербургского синодального чиновника, был студентом Лесного института, откуда его исключили за строптивость. В голубых его глазах светился ум, но он ничем его не обнаруживал. В трезвом виде Кирей был очень застенчив, сторонился людей и угрюмо молчал, зато, выпив, дичал и лез в драку. Подрядчик ставил Кирея на насыпку и подачу мешков и платил на гривенник дешевле, чем другим грузчикам. В получку, напившись «в дым», Кирей лез к подрядчику с кулаками.

— Сквалыга, скупой рыцарь, копеечник, — кричал он на него, — крохобор, жмот!

Из Ростова Кирей неожиданно куда-то исчез, подравшись с постовым полицейским.

Лет десять спустя встретил я его в Нижнем. Оборванный, грязный и пьяный, пришел он ко мне.

— Дай рублевку! — потребовал грубо он.

Попытался я говорить с ним, хотел помочь на работу устроить.

— Брось ты мне проповеди читать, — огрызнулся Кирей. — В порядочные вышел... поучаешь. Я галах, галахом и останусь. Учить меня не имеешь права, без тебя обучили. Давай рублевку, што ль!

Он возмужал, раздался в ширину, огрубел, бороду запустил, как дремучий лес; на голове торпочилась копна спутанных волос неопределенно-грязного цвета. Глаза неукротимые, колючие, злые. Несмотря ни на что, нравилось мне в нем неумное, хотя и беспорядочное какое-то чувство протеста. Еще не раз приходил Кирей ко мне с требованием «рублевки» и не желал ничего слушать.

— Знаю, знаю, все знаю! Тут надо кулаком, зубами, дубьем, а не проповедями и книжками.

— Да ты послушай, — пытался я урезонить его.

— Замолчи Христа ради, надоело, — досадливо отмахивался он и убежал, зажимая в руке монету.

Последний раз мы встретились перед мировой войной в Киеве. Только что я сел за работу в гостиничном номере, как меня отвлекли назойливые звуки шарманки. Терпеть не могу этого инструмент! У меня от его нытья что-то вроде зубной боли начинается... Отложив перо, решил подождать, пока шарманчик уйдет дальше. Но тот, проиграв весь свой репертуар, снова завел какой-то скрипучий вальс, потом «Маруся отравилась», «Чудный месяц» и все остальное до конца. Проклиная в душе шарманку и ее изобретателя, я червно метался по комнате, не в силах ни о чем думать. А назойливые звуки продолжали истязать мой слух. Пробовал читать — ничего не выходило, а шарманщик в пятый или шестой раз повторяет свои истошные

Горький на Капри

Е. В. ВИКТОРОВА-ЛЮБАРСКАЯ

рулады. Не выдержал я этой пытки и вышел на улицу. На углу стоял ободранный шарманщик и, задрав бородатую голову вверх, пристально смотрел на мое окно, вертя ручку ненавистного сундука, на лакированном фасаде которого красовалось наименование фирмы: «Органный мастер Нечада. Одесса». Широкий ремень, перекинутый через плечо, ялотно прижимал к его телу ветхое тряпье, а сам шарманщик, казалось, стоял на трех ногах: подпорка шарманки стояла у него между ног.

— Вышел-таки, — сказал шарманщик, заметив меня.

— Ты, Кирей? — удивился и почему-то обрадовался я.

— Кто же еще на такое хамство способен? Сам собственной персоной. У швейцара спрашиваю: «Дома писатель Горький?» — «Дома. Не выходили-с еще, — отвечает лежебок чортов, а морда, как у старого кота, пухлая и сонная. «Не вышли-с, — говорю, — дрыхнуть-с изволят-с». — «Ну-ну, проваливай, чорт дразный!» отвечает крокодил в галунах, — засмеялся Кирей.

— Как живешь? — спрашиваю я.

— Как живу? Здорово! Видишь: вола за хвост верчу. От хозяина гуляю на интерес: доходы ему, убытки мне. Как говорят: «Рупь поставишь — два возьмешь, два поставишь — хрен возьмешь». А ты все пишешь, поучаешь? Впрочем, есть у тебя дельное, душевное. Ну, пиши, — разрешил он.

Дал я ему денег, и больше мы не встречались до нынешнего года. И, знаете, в какое неловкое положение попал я тогда, при встрече у Госиздата? — Горький собрал морщины на лбу. — По привычке полез за деньгами — и чуть не обидел старика. Факт! А Кирей после нашей киевской встречи проделал большой и хороший путь. Через год после этого он в Киеве столкнулся с рабочим-сормовичем, большевиком — когда-то они в Нижнем недолго вместе на пристани работали. Тот занялся им вплотную, ввел его в подпольный кружок. Кирей перестал пить и взялся за ум. В империалистическую войну Кирей на Западном фронте, будучи рядовым из ополченцев, работал в большевистской военной организации. В семнадцатом году вступил в Красную гвардию, потом был в Красной Армии. С Ворошиловым и Буденным до Варшавы поход проделал. Орденом Красного Знамени награжден. Сейчас директором крупного совхоза работает. Какие-то специальные курсы окончил, брошюру дельную по сельскому хозяйству написал. Зовут-то его, оказывается, не Киреем, как окрестили когда-то ростовские крючники, а Константином Лаврентьевичем.

— Вот она, яркая иллюстрация роли двух миров в человеческих судьбах, — сказал в заключение Горький.

Приехав на остров Капри в 1911 году, я поселилась в небольшом доме, по дороге на Пикаля Марина, возле виллы, где жил Горький.

Находясь по соседству с Алексеем Максимовичем, я имела возможность часто бывать в его обществе.

В ту пору Алексей Максимович любил выезжать на рыбную ловлю вместе с рыбаками и гостившими у него знакомыми и проводил в море по несколько часов.

Я также сопровождала его в этих прогулках на лодках.

Рыбаки очень уважали великого русского писателя и гордились его пребыванием на своем острове. Они пересказывали о нем много всевозможных случаев, свидетелями которых им доводилось быть.

Об одном таком случае, надолго сохранившемся в памяти местных жителей, я и хочу рассказать.

Было весеннее утро. Над островом дул холодный северный ветер — трамонтана. Когда дует трамонтана, небо становится темносиним, точно густо разведенная синька. Волны с грохотом разбиваются о северный скалистый берег.

В такую погоду, если подняться на вершину Монте Солярно и стагь лицом к Неаполю, то в прозрачном воздухе хорошо виден Везувий. Этот огромный вулкан после сильного извержения в 1906 году тихо дремлет, посылая из своего кратера в небо белесоватый дымок, похожий на дыхание спящего великана.

Отсюда также виден и весь Солярнский полуостров.

Слева в светлозеленых водах Неаполитанского залива возвышается островок Иски — вулканического происхождения, а с юга открываются изумрудные просторы Тирренского моря. Горные синие фиалки покрывают отвесные склоны, по которым мелькают голубые ящерицы (эти ящерицы сохранились только на острове Капри).

По каменным изгородям садов и виноградников, террасами опускающихся к морю, ниспадают гроздь глициний, образуя бледнофиолетовые каскады. Далеко виднеются темные шапки пиний, иссиня-зеленые кустарники мирты, серебристая листва оливы. Алыми пятнами рдеют цветы гранатовых деревьев, заливают низины золотом душистый дрок.

В это утро на берегу, защищенном от ветра высокими горами, было тепло, как летом.

Рыбаки готовили снасти для рыбной ловли. Дети играли на галечном пляже, заглушая своими голосами рокот прибоя. Женщины, сидя на камнях, занимались вязанием, штопанием белья и оживленно переговаривались между собой.

Крошечная девочка, лежа на животике, плескалась в теплой воде. Возле нее сидела мать. Прикрыв от солнца голову пеленкой, она дремала.

Мы застали эту обычную утреннюю картину, когда пришли с Алексеем Максимовичем на берег, чтобы присоединиться к рыбакам.

Рыбаки приветствовали Алексея Максимовича, как своего приятеля, а Констанцо и старый Аркуче стали суетиться у лодки, на которой он должен был ехать.

В это время кто-то испуганно вскрикнул:

— Рыба-собака!

Мы увидели в белой пене акулу. Она подплыла к самому берегу и лежала брюхом на гальке с открытой зубастой пастью почти у ног плескавшейся девочки. Акула ждала, очевидно, когда следующая волна прибоя подбросит ее настолько, чтобы ей можно было схватить свою жертву.

Все оцепенели от ужаса. Мать ребенка встrepенулась от дремы.

— Люизина! — закричала она так пронзительно, что эхо еще долго повторяло ее крик.

Алексей Максимович, схватив с лодки весло, бросился к акуле. Он ударил ее по голове с такой силой, что весло переломилось. Акула тотчас же исчезла в волнах. А спустя немного времени морской прибор выбросил на берег лежавшую белым брюхом кверху убитую акулу. Все были удивлены силе удара, потому что акула, даже смертельно пораженная ружейной пулей, нескорое теряет силы и уходит далеко в море.

Рыбаки и женщины с детьми на руках окружили Алексея Максимовича. Они старались выразить словами и жестами свое восхищение его необычайной силой и ловкостью. Мать Люизины со слезами на глазах благодарила Горького за спасение дочери.

Алексей Максимович в ожидании, когда будут готовы к отплытию лодки, улыбался и, внимательно осматривая убитую им акулу, объяснял своим русским друзьям:

— Да, это редкий экземпляр. Голубая акула! Такую не всегда можно встретить здесь. У этих мор-

ских хищников замечательные глаза. Они меняют цвет соответственно их настроению — то зеленые, то вдруг станут черными, а если ей что-нибудь подсунуть к пасти, они делаются красными, как рубин. А мигает она глазами, точно человек, — открывает их и закрывает... Ведь умное животное, умнее всех рыб, а вот при виде добычи теряет голову.

Скоро все было готово к отплытию, и Горький раньше всех вошел в лодку, хотя рыбаки еще спорили между собой, не отложить ли ловлю из-за северного ветра. Но Алексей Максимович, любивший море, когда оно было беспокойным, решил выехать, и спор рыбаков окончился.

Наши лодки уже были в отдалении, когда на берег прибежал запыхавшийся Файлуче. Он опоздал на рыбную ловлю. Это был смелый и сильный мальчик, зарабатывавший себе на жизнь тем, что возил на лодке иностранных туристов осматривать сталактитовую пещеру, известную на Капри под названием «Лазоревый грот». Файлуче зарабатывал больше других лодочников, потому что, отлично справляясь с веслами, он умудрялся в бурную погоду ловко вгонять лодку в узкий проход пещеры и так же выводить ее оттуда. Но Файлуче не имел своей лодки, и почти все его заработки забирали хозяева, дававшие ему лодки напрокат.

На берегу еще не улеглось возбуждение от недавнего события, и ребята, завидев Файлуче, стали наперебой кричать ему:

— Рыба-собака, понимаешь, настоящая рыба-собака хотела схватить Люизину за ногу!

— А он ее веслом по голове!

— И все вокруг испугались, а он не испугался! Ударил так, что весло сломалось!

— Да кто он?! — сердито оборвал их Файлуче, огорченный своим опозданием.

— Он — синьор Горький! Ну не понимаешь, что ли! Пришел синьор Горький и убил рыбу-собаку! — опять закричали ребята все разом.

Дальнейший их разговор терялся в всплесках волн, так как мы уже отплыли далеко от берега. Но позже мы узнали, что это событие так сильно повлияло на воображение Файлуче, что он, уловив момент, украдкой взял старую, угловатую лодку, принадлежавшую Констанцо, и пустился на ней один в разбушевавшееся море, чтобы хоть издали взглянуть на Алексея Максимовича, который теперь в его глазах казался необыкновенным героем. Однако, опасаясь Констанцо, он держался от нас на значительном расстоянии.

Алексей Максимович, забрасывая свои удочки, следил одновременно за тем, как шла ловля и на других лодках. Он отлично знал все породы рыб Средиземного моря и всякий раз, вытаскивая из воды рыбу, назы-

Вилла «Серафима», где жил А. М. Горький (1911—1913 гг.).

А. М. Горький с друзьями на рыбацкой лодке.

Капри. Побережье. Здесь часто купался А. М. Горький.

вал ее и описывал все ее особенности.

— Умбрица — вкусная рыба, — объяснял Алексей Максимович. — Вот ее можно ловить круглый год, в особенности когда вода помутится. А посмотрите, какая богатая у нее окраска: сама светложелтая, косые линии на спине голубоватые и плавники разного цвета: этот вот белый на спине, а брюшной и хвостовой — черный и красный.

Констанцо, занятый забрасыванием сети в другом конце лодки, любящая на пойманную Алексеем Максимовичем рыбу, сказал:

— Хорошая вам попалась штука, синьор. Таких вам побольше!

— На ловца и зверь бежит, — пошутил Алексей Максимович, следя за своим поплавком.

Когда солнце поднялось высоко и все порядком проголодалось, решено было сделать привал на юго-восточном берегу острова, густо заросшем низкорослым лесом.

Аркуче с азартом старого рыболова просил еще продолжить рыбную ловлю. При этом он энергично объяснял приемами пантомимы. Капризцы, как и неаполитанцы, объясняются больше жестами, чем языком. Про неаполитанцев даже говорят в шутку, что в темноте они не понимают друг друга.

Алексей Максимович видел, что все устали особенно женщины, и, улыбаясь, обратился к Аркуче:

— В море рыбы много, всей не переловим. Давайте лучше отдохнем, пока жара не спадет.

Все согласились, и лодки одна за другой стали причаливать к уединенному берегу.

Люди расположились на влажной гальке, в тени гор. Женщины пошли купаться. Рыбаки начали сортировать рыбу, раскладывая ее по корзинам. Аркуче был поглощен важной заботой: из какой рыбы нужно сварить уху и какую нужно зажарить.

Алексей Максимович тем временем, подойдя к корзинам рыбаков, просвещал своих земляков.

— Вот сциена-вороп, — говорил он. — В воде она темнотуря, а вытаскишь из воды — становится золотистой и отлиывает пурпуром. А это — ставрида, тоже хороша, по внешности сходна с макрелями.

— Ого, даже глазчатый электрический скат попался, — сказал Алексей Максимович, беря в руки круглую, величиной с тарелку, рыбу с длинным змеевидным хвостом. — Это уже совсем редкость: он ведь лежит глубоко на дне. В неаполитанском аквариуме их любят демонстрировать, предлагая приложить большой палец к спине, а указательный — к

брюшку. Вас так при этом ударит! Своим электрическим током он оглушает мелкую рыбешку. Электрические органы их вот здесь — эти многочисленные вертикальные столбики по бокам тела.

Русские-земляки с любопытством разглядывали макрелей, пятнистых мурен, темнозеленых морских угрей, серебристую средиземноморскую кефаль и много другой рыбы.

— Эх! — сокрушенно вздохнул подошедший Аркуче. — В Сардинии в мае начнут ловить тунца. Вот это действительно рыба!

Затем Алексей Максимович направился по узкой горной тропинке, проложенной контрабандистами среди зарослей можжевельника и выходящих белых цветов климатиса, к гроту Митромания. Здесь попадались также широколистные массивные кусты опунции (род кактуса), дающей вкусные и сочные плоды оранжевого цвета, покрытые мелкими колючками.

Поднявшись на гору, Алексей Максимович долго любовался безбрежной далью моря.

Внезапно ветер переменял направление. Подул африканский сирокко. Вода у берегов замутилась. Приближалась буря.

Заметив это, Алексей Максимович уже собирался спуститься вниз, чтобы поторопить отдыхающих друзей поскорее собираться домой, как вдруг обратил внимание на странное движение у Фаральонов. Горький знал, что между этими двумя высокими скалами даже в тихую погоду небезопасно плавать. А сейчас кто-то пытался вогнать лодку в щель между скалами, называемую «Львиная пасть».

Заинтересовавшись этим, Алексей Максимович поспешил сойти вниз и попросил Констанцо подвести его к Фаральонам.

Когда Алексей Максимович уже подплывал к скалам, из-за них навстречу показалась маленькая лодка. Констанцо тотчас же узнал в ней свою собственность. Он начал было уже сердито кричать на управлявшего лодкой Файлуче, но, заметив в ней еще двух девушек, сильнее налег на весла.

Файлуче, напрягая все силы, греб против волн. Море с каждой минутой становилось все грозней.

Но вот лодки, наконец, сошлись, и Констанцо, перепрыгнув к Файлуче, взял из его рук весла. А Файлуче вплавь бросился к лодке Горького.

Алексей Максимович направил свою лодку к берегу. Он с восхищением смотрел на маленького смельчака. И Файлуче рассказал ему, как он спас двух утопающих девушек-иностранок.

— Когда я подплыл к ним, — рассказывал он, — у них уже посинели лица, и кричать они не могли, и волны захлестывали их с головой... Я перевязал себя веревкой и кинулся в воду... Ну кто же в такую погоду купается, да еще у Фаральонов!.. Вы знаете этих синьорин? Они ваши, русские? Нет? Ну ладно, это все равно. Спасать нужно всех, — уверенно закончил Файлуче.

— Какой ты молодчина! — ласково сказал Горький, пожимая мальчику руку. На глазах у Алексея Максимовича показались слезы.

Загорелое лицо мальчика выражало восторг.

— А вот я лодку без разрешения взял, — виновато заговорил он. — Хотел поглядеть, как синьор Горький рыбу ловит. Все говорят, что вы, синьор, большой русский писатель. И рыбак хороший. А теперь я знаю, что вы и силач — акулу веслом убили!..

Облизнув пересохшие губы, Файлуче приторно добавил:

— Возьмите меня к себе в помощники!..

Алексей Максимович спросил.

— В чем же ты мне хочешь помогать: книги писать или рыбу ловить?

— Нет, книги писать я не умею. А вот рыбу ловить — буду хорошим помощником. Только у меня нет своей лодки!..

— А твой отец кто? — поинтересовался Алексей Максимович.

— У меня нет ни отца, ни матери. Я и сестра — сироты.

Алексей Максимович пообещал мальчику помочь ему приобрести лодку.

Подплывая к пристани, мы с удивлением увидели многочисленную толпу на Пикаля Марина.

— Что там еще случилось? — с тревогой сказал Алексей Максимович. — Почему нас так встречают, точно мы везем папу римского?

И только выйдя на берег, по восторженным крикам толпы и обращенным к нему взорам Алексей Максимович понял, что приветствуют его.

Высокий, слегка сутулый, в широкополой шляпе, он на голову был выше обступивших его людей. Оглянувшись, Алексей Максимович подзвал к себе выпрыгнувшего из лодки Файлуче, взял его за руку и, указывая на мальчика, сказал:

— Вот видите, какие у вас есть герои. Один такой мальчуган спас двух женщин.

Сняв шляпу и поклонившись всем, Алексей Максимович пошел домой. Рядом с ним шел Файлуче.

Впоследствии Файлуче, став уже взрослым, любил часто рассказывать о случае с акулой и о том, как он получил в подарок от Горького лодку.

Через три материка

Штурман **БОРИС ИВАНОВ**
(Записки летчика)

НАЧИНАЕТСЯ АМЕРИКА

Сентябрь 1944 года.

Наш самолет над Беринговым проливом. Позади осталась Чукотка. Слева мы еще видим величественную восьмисотметровую глыбу мыса Дежнева, — последний кусок родной земли, — а навстречу нам сквозь голубую дымку уже поднимаются вершины Аляски. Там начинается Америка. Мы вступили в западное полушарие, и время сразу отодвинулось на сутки назад.

Мы успели прожить уже часть пятнадцатого сентября, а теперь снова вернулись к четырнадцатому; были на девять часов впереди московского времени, теперь оказались на пятнадцать часов сзади.

Поравнявшись с обрывистыми скалистыми берегами Аляски, следуем вдоль них на восток. Это полуостров Сьюард, собранный горными складками в одну поседешую вершину Осборн.

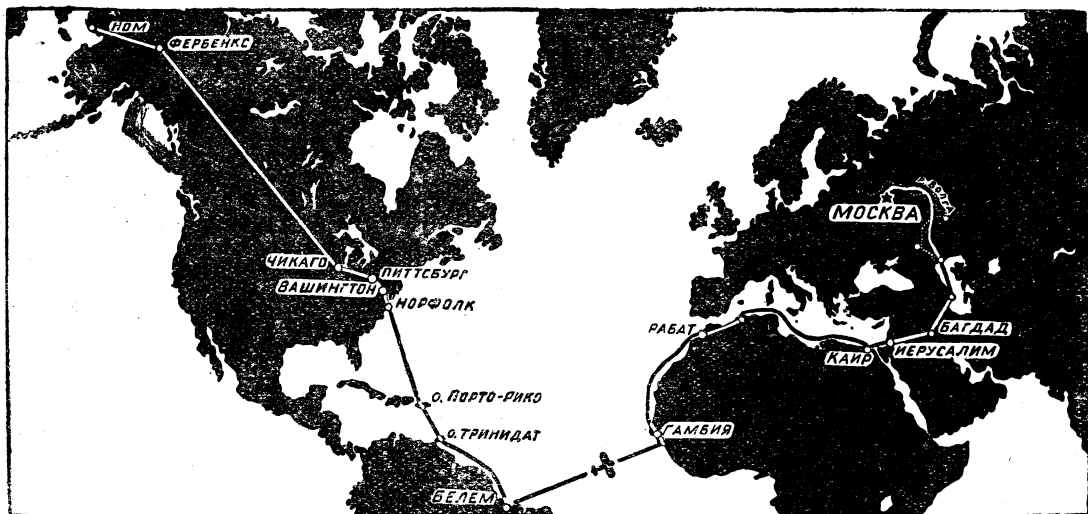
Справа, у самых берегов, как обломок земли, вышает крошечный остров Слэдж, — тот самый, о который летом 1920 года чуть не разбился знаменитый полярный исследователь Амундсен на своей шхуне «Мод». Островок выглядит одиноким и безлюдным. Един-

ственное строение на нем — это маяк. Но, должно быть, он не очень помогает мореплавателям, так как возле острова мы видим лежащим на мели большой американский пароход. Он был цел, но экипаж покинул его, бросил, как бросают испорченную игрушку.

В таких случаях американский судовладелец, получивший за «погибший» пароход страховую премию, считает, что снаряжение спасательной экспедиции, да еще в столь отдаленный уголок севера, обходится дороже, чем постройка нового судна.

У небольшой речушки, тихо льющей в море собранные с гор коричневатые воды, на пустынном галечном берегу мы замечаем обветшалый досчатый домик эскимоса с крышей, покрытой ржавым мохом. Рядом с ним большой вельбот. На шестах развешаны шкуры морских зверей. Прибрежные эскимосы бьют тюленей, моржей, сивучей, морских бобров и котиков.

Перелетев через невысокий холм, мы увидели перед собой Ном — небольшой поселок из аккуратных одноэтажных коттеджей с ярко окрашенными крышами, как в мультипликационных кинофильмах американского художника Диснея. Здесь была у нас остановка, и наши ноги впервые вступили на американский континент.

Карта перелета.

ТАМ, ГДЕ БРОДИЛИ ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

Из Нома мы вылетели в Фербэнкс. Нужно было покрыть расстояние в 840 километров.

Когда мы пролетали над Аляской по районам Полярного круга, казалось, что под нами наша Чукотка или Якутия. Те же округлые сопки, поросшие редким лесом, а к северу и к югу такие же горы. Только жилые строения отличались от наших: вместо бревенчатых, рубленых изб мы видели здесь типичные американские коттеджи. Погода благоприятствовала нам, и мы могли ясно наблюдать весь путь до Фербэнкса.

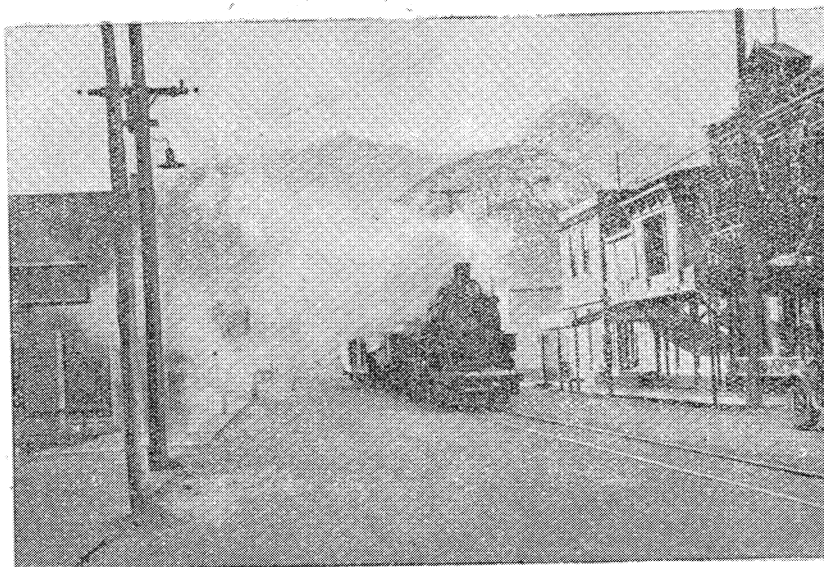
Среди лесистых холмов и сопек извилисто вытянулся на восток широкий и полноводный Юкон с высокими и крутыми берегами. Снова вспомнился нам Джек Лондон. Действие многих его рассказов развивалось на этой реке, у ее верховьев, на границе с Канадой. Но и здесь уединенные хижины, ущелья, мало

хоженные горные тропы воскрешали в памяти образы его героев-бродяг, искателей золотых россыпей.

Мы обогнали небольшой речной пароход, показавшийся слишком белым среди этого северного пейзажа. Он тащил на буксире небольшой плот строевого леса и отчаянно молотил воду лопастями кормового колеса.

В этих местах Аляска сохранила облик необжитой суровой страны с редкими поселениями. Здесь еще не исчезли с карт многочисленные пометки: «не исследовано», еще нет автомобильных дорог с бензиновыми колонками, но на пути самолетов уже расставлены радиомаяки, ориентирующие летчиков.

Мы недолго летим над Юконом. По радиомаяку уходим на северо-восток, и река сразу же теряется в горах. Но теперь нас сопровождает приток Юкона Тана-на — такой же широкий, берущий начало с восточных склонов Аляскинского хребта, голубые глетчеры которого уже видны нам. Над хребтом возвышается остроглавая, пронизывающая облака вершина Мак-Кинлей, высотой в 6190 метров. Местные индейские племена называют ее «Денали», что в переводе означает «Величественный». И мы целиком согласны с их определением.

На железнодорожной магистрали Аляска — Канада. Поезд проходит по главной улице порта Скэгвэй (Аляска).

Ном расположен у самого берега моря, на южной стороне полуострова Сюард, и является главным населенным пунктом этого полуострова. В течение короткого лета, когда море свободно от льдов, сюда заходят пароходы и останавливаются на рейде, так как в Номе нет причалов. Зимой сообщение с внешним миром осуществляется только при помощи самолетов.

Жизнь в Номе не лишена удобств. Здесь имеются универсальные магазины, бары, кино, даже легковые автомобили. Жителей не более четырех тысяч человек. Из них полторы тысячи эскимосов, которые занимаются морской охотой. Всю пушнину они сдают по низким ценам американским скупщикам и постоянно находятся в зависимости от них.

Основная масса эскимосов, до пятнадцати тысяч человек, переселилась в тундры вдоль Северного Ледовитого океана и занимается оленеводством, а также в качестве пастухов выпасает стада оленей, принадлежащие американским фермерам. В 1891 году в Аляску впервые были завезены из Сибири северные олени, по американским данным, в количестве десяти голов. Сейчас их насчитывается более двухсот тысяч. Ежегодный убой оленей достигает тридцати семи тысяч. Оленьи туши обычно разделяют эскимосские женщины. Они же шьют из оленьих шкур одежду и обувь. Однако американские дешевые бумажные ткани также проникли в быт эскимосов.

Нам встречались молодые эскимосы, которые, вместо своего национального головного убора из звериной шкуры, носили американские кеппи. Однажды мы видели, как два эскимоса зашли в бар выпить виски. Так как здесь находились американцы, эскимосы не имели права сесть за столик и пили стоя.

От Нома проложена узкоколейная железная дорога к золотым приискам. Но во время войны работа на приисках была приостановлена, и дорога бездействовала.

Вблизи Нома мы увидели лежавшую на морском берегу двухмачтовую шхуну «Морской волк» принадлежавшую писателю Джеку Лондону. Он плывал на этой шхуне и очень любил ее. Забытая шхуна обветшала и почти развалилась.

Мост железной дороги, соединяющей города Сюард и Фербэнкс.

Танана провожает нас почти до самого Фербэнкса. Только у невысокого горного отрога, прикрывающего Фербэнкс с запада, она поворачивает на юг и исчезает. Как только наш самолет перевалил через этот отрог, перед нами сразу же предстал Фербэнкс. Он лежит по восточной его стороне, на ровном месте, у самого подножья. Здесь снова появляется Танана, оставаясь в трех километрах южнее города и образуя между Аляскинским хребтом и горами Клондайка узкую долину, одетую густыми зелеными лесами.

Нас принимают на аэродром, построенный совсем недавно, во время войны. Самолет еще бежит по бетонной полосе, а впереди него уже вертится «виллиси», юркий, как собачонка. Мы следуем за ним, и он приводит нас к большому центральному ангару, где нас встречают американские и советские представители.

Аэродром, расположенный у живописных, поросших лесом холмов, представляет собой во всех отношениях современное наземное авиационное сооружение: бетонные стоянки, теплые ангары, мастерские для ремонта самолетов, теплостанция. Американцы учли особенности севера и устроили теплые подземные коридоры между служебными объектами и жилыми домами. Во время полярных метелей можно обойти все, не выходя наружу.

Здесь имеются свои магазины бары, кино. Но жизнь этого военного городка течет замкнуто и однообразно.

Когда мы после дороги приводили себя в порядок в отведенном для нас помещении, к нам вошел американский сержант и заговорил на ломаном русском языке:

— Здравствуйте! Как ваш дело? О, вы совсем хорошо! Я люблю говорить русским словом. Мне нравится поехать Россия. Вы не скучно? Да, да, это место немножко скучно.

В середине сентября в Фербэнксе дни становятся очень короткими, и мы поторопились осмотреть город.

При выходе из дома нас прежде всего поразила удивительная сцена. Из гауптвахты были выведены арестованные солдаты в сопровождении здорового сержанта с прицепленным к поясу пистолетом. Каждый из них держал в руках по картонной коробке. Они шли по улице этого механизированного военного городка и, руками подбирая окурки и всякий бумажный мусор, складывали их каждый в свою коробку.

Фербэнкс — небольшой городок но вместе с тем он является крупным опорным пунктом центральной Аляски. В нем не более десяти тысяч жителей. Город построен без всякого плана, потому что он возник стихийно во времена «золотой горячки». Старомодные деревянные дома, преимущественно одноэтажные, еще сохраняют черты того времени. Когда-то сюда стекались тысячи искателей счастья. Они бродили по нелюдимым ущельям звериным тропам, плавали по великому Юкону в утлых индейских лодках из древесной коры в поисках золотых россыпей. Одни находили, другие гибли.

Вслед за золотоискателями сюда потянулись и любители более легкой наживы, искушенные в различных способах вытряхивания золотых зерен из мешочков счастливых удачликов. Они открывали здесь различные заведения, именуемые «салонами», где процветали игра в рулетку и азартные карточные игры. В этих притонах под вывесками «Орел», «Комета», «Бродяга», «Счастливая находка» искатели счастья проигрывали и пропивали золотой песок, в пьяном чаду стреляли друг в друга из увесистых кольтов, пробивали головы бутылками, резались на ножах. Но прошло это бурное

Семья индейцев — уроженцев Аляски.

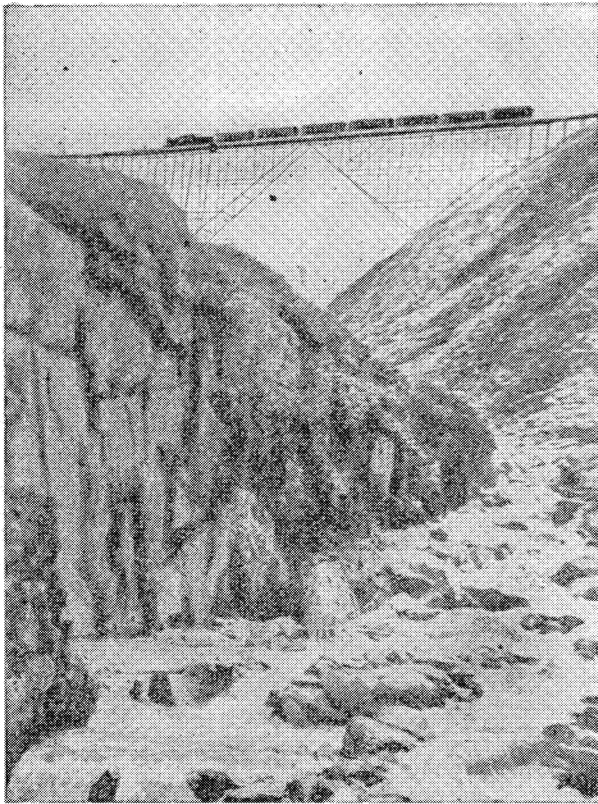
время, окончилась золотая лихорадка, и теперь на улицах благопристойного военизированного городка уже не встретишь былых его обитателей. Сейчас в Аляске попрежнему ищут и разрабатывают золотые прииски, но это делают компании с солидным капиталовложением. По официальным американским данным, здесь ежегодно добывают золота в среднем на сумму в восемнадцать миллионов долларов.

Фербэнкс назван по имени сенатора штата Индиана, покровительствовавшего развитию золотодобычи в Аляске. Нам довелось прочесть первый номер газеты, вышедшей в Фербэнксе в 1903 году. Из него мы узнали, что золотоискатель Феликс Педро впервые обнаружил золото в долине реки Танана. В ресторане «Юкио» был устроен банкет в его честь. Он принес сюда старый ковш, в котором впервые промыл золотой песок. Судья Вилкершам, самый почтенный человек в городе, произнес торжественный спич и объявил собравшимся джентльменам, что достопримечательный ковш вместе с бутылкой, наполненной золотым песком, будет отправлен в подарок сенатору Фербэнксу.

На одной из площадей города выставлен как достопримечательность крохотный локомотив первой узкоколейной железной дороги на Аляске, построенной между Фербэнксом и Чатаникой, протяжением в 39 миль. Этот локомотив, на котором начертан номер 1, стоит как памятник, обнесенный с четырех сторон цепями.

Фербэнкс связан с портом Сьюард (на полуострове Кенай) железнодорожной магистралью протяженностью в 470 миль (745 километров). Магистраль пересекает Аляскинский хребет и в основном обслуживает золотые прииски и каменноугольные копи. Шоссейная дорога соединяет Фербэнкс с городом Вальдез, расположенным на берегу Аляскинского залива, а также с северо-западом Канады. Из Соединенных Штатов через Канаду сюда ведут автостраду, которую начали строить вскоре после нападения Японии на Гавайские острова. Наряду с современными транспортными средствами жители продолжают пользоваться и собачьими упряжками. Дальнейшее дорожное строительство направлено на разработку в Аляске медной, серебряной, свинцовой руды, нефти, гипса и мрамора.

Жители города Фербэнкса, как и все население Аляски, не уравнены в правах с остальными американскими гражданами. По конституции Соединенных Штатов Аляска считается американской «территори-

Аляска. Железнодорожный мост.

ей», а не «штатом», и поэтому ее население не участвует в президентских выборах.

В середине декабря солнце не взойдет над Фербэнксом, и город погрузится в полярную ночь. Его будут освещать только луна, северное сияние и электрические фонари.

НА ТРАНСАМЕРИКАНСКОЙ ВОЗДУШНОЙ ТРАССЕ

Наш дальнейший путь лежал через Канаду. Пересев на американский самолет, мы продолжали путь в качестве пассажиров. Мы летели в непосредственной близости и параллельно Скалистым горам, тянувшимся непрерывной стеной с северо-запада на юго-восток. Их причудливые вершины, поднимающиеся до четырех с лишним тысяч метров, одеты шапками вечных снегов. Канада в северной своей части напоминает Сибирь. Под нами тянулись с холмов на холмы беспредельные темнозеленые леса, такие же непроходимые, как и наша тайга. На юге мы увидели многочисленные фермы и поселки, окруженные квадратиками и прямоугольниками обработанных полей. Хлеб был уже убран, и по полям бродил скот.

Мы достигли города Эдмонтон и стали снижаться на посадку. Эдмонтон — один из культурных и промышленных центров Канады. Он лежит на трансконтинентальной северной железнодорожной магистрали, пересекающей Америку с запада на восток, и через него проходит трансамериканская воздушная трасса. Низко пролетая над городом, мы обратили внимание на почти безлюдные улицы и редкие автомобили. Было восхитительное утро, и жители Эдмонта отдыхали, по старым английским традициям. Центральная часть города выглядит опрятно, озеленена, застроена многоэтажными домами и особняками, выдержанными в серых тонах.

На аэродроме нас встретил полисмен — невысокий, толстый, в темном дождевике и с дубинкой в руках.

На его скуластом лице не было и следа приветливости или любезности. Он суетился возле нас, очевидно, боясь, как бы мы не разбрелись в разные стороны.

Полисмен был явно встревожен тем, что нас так много приходится на него одного. Он не позволял нам делать ни одного лишнего шага, вставая на пути и буркая: «Донт!» («Нельзя!»)

Из Эдмонта самолет взял курс на Грейт-Фолс — город, находящийся уже в Соединенных Штатах. За Эдмонтоном продолжался тот же сельскохозяйственный пейзаж, но уже нарушенный заводскими строениями. Над полями, пересеченными железными дорогами и асфальтированными шоссе, стелился бурый дым заводских труб.

К нам в пассажирскую кабину вошел второй пилот. Ему хотелось поговорить с нами. Он был очень рад познакомиться с советскими летчиками. Он знал о них только по письмам брата, тоже летчика, который в то время сбивал германские самолеты рука об руку с советскими товарищами по оружию. Нашему собеседнику приходится много летать, чтобы заработать на жизнь. Во время войны его заработки были неплохи, но американский пилот с тревогой думал о будущем: о безработице. В заключение беседы он попросил на память какой-нибудь сувенир.

На аэродроме в Грейт-Фолсе нас встретила хрупкая девушка, одетая в военную форму. Она приветствовала нас на чистом русском языке, потому что сама была русская по происхождению. Девушка пригласила нас в комнату для таможенного осмотра.

Вечером мы свободно прогуливались по улицам Грейт-Фолса. Здесь мы пробыли два дня в ожидании дальнейшей отправки нас по железной дороге в штат Северная Каролина через Чикаго, Питсбург, Вашингтон, Ричмонд и Норфолк.

Грейт-Фолс находится в штате Монтана. Это город одноэтажных или двухэтажных коттеджей и мелкого «бизнеса». Только несколько домов здесь поднимаются до пятого этажа. Единственное гигантское сооружение города — дымовая труба медеплавильного комбината. Высота трубы 506 футов. На ее сооружение понадобилось шестнадцать тысяч тонн кирпича. Поперечный разрез трубы настолько широк, что через нее, как через туннель, могли бы одновременно пройти четыренадцать железнодорожных поездов. Таких труб в мире насчитывается две или три. По ночам труба освещается прожекторами, чтобы о нее не разбились самолеты ночной трассы.

Город одет в густую зелень. Одной окраиной он выходит к скалистым берегам Миссури, образующей здесь большой водопад. Силу его падения использует гидроэлектростанция. Грейт-Фолс в переводе означает: «Великие водопады». Река Миссури образует еще ряд водопадов, которые придают окрестностям города живописный вид. В Миссури, как и в Миссисипи, водится интересная порода вымирающих рыб — скафиринхов. На всем земном шаре они сохранились только в двух местах: у нас, в Советском Союзе, в бассейне Аральского моря (в реках Аму-Дарье и Сыр-Дарье) и на американском континенте в бассейне реки Миссисипи (Миссури — ее приток). Скафиринхи принадлежат к семейству осетровых. По внешнему виду и по вкусу они напоминают стерлядь.

ИЗ ОКНА ВАГОНА

Мы покинули Грейт-Фолс вечером, когда на город опустились прохладные осенние сумерки. Местный поезд доставил нас на магистральную станцию Хэвр. Прогуливаясь по перрону в ожидании экспресса, мы обратили внимание на непрерывный и однообразный колокольный звон. Это звонили паровозы, которые здесь редко пользуются свистками. На каждом из них установлен автоматический колокол. Паровозы обычно

звонят, когда маневрируют по станции или проходят через переезды шоссейных дорог. Свистеть им полагается только при отправлении поезда.

Наконец подошел «Большой северный экспресс». Это тяжелый состав из двух десятков пульмановских вагонов. Нам был предоставлен отдельный вагон с местами для сидения днем, которые ночью перестраиваются под спальные.

Почти все железные дороги Соединенных Штатов находятся во владении частных компаний. Поэтому нам предстояла пересадка в Чикаго, так как от него уже ходили поезда компании «Пенсильвания». Но две компании договорились между собой по телефону, чтобы наш вагон прицепили к другому экспрессу в Чикаго, и мы следовали до Вашингтона прямым сообщением.

Тяжелый состав паровоз взял толчком. Эти толчки, напомилавшие по своей силе столкновение двух поездов, повторялись на каждой остановке экспресса.

Теперь мы могли смотреть на Америку только из окна вагона. Поезд мчался через сельскохозяйственный штат Северная Дакота. Перед нами расстились поля, обрабатываемые тракторами. Изредка попадались фермеры с плугами, запряженными парой лошадей. Над фермерскими коттеджами возвышались ветряки, которые обеспечивали электроэнергией каждое фермерское хозяйство.

В стоячих водах плавали многочисленные стаи диких уток. Право охоты здесь стоит очень дорого, и дичь была непуганая. Утки не улетали от полотна железной дороги даже при приближении грохочущего экспресса.

Мы миновали Сант-Паул в штате Миннесота. Это уже город многоэтажной Америки. Здесь мы впервые увидели небоскреб. Конечно перед нами еще не был нью-йоркский «Эмпайер» в сто два этажа, но и сооружение в сорок два этажа тоже не шутка. Был вечер, и все этажи сияли яркими огнями. На вершине небоскреба светилась цифра 1 высотой в четыре этажа. Небоскреб принадлежал Первому национальному банку.

В поезде имелся вагон-ресторан. Он открывался три раза в день: на утренний завтрак, ланч и обед, и каж-

Гора Мак-Кинлей -- величайшая вершина Северной Америки.

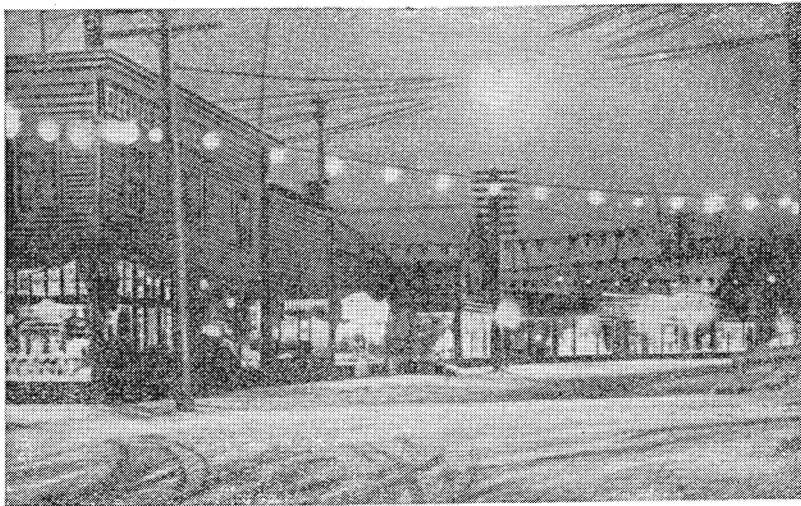
дый раз на один час. Если вы опоздаете на одну минуту, то остаетесь без еды. Поэтому в вагоне-ресторане нельзя и засиживаться, так как этим самым вы когонибудь можете лишиться сидячего места. Здесь все едят наспех, и получается не еда, а механический прием пищи. Выбирать отдельные блюда не допускается. Вам подают занумерованный стандартный завтрак или обед. Вообще же американцы имеют особое представление о вкусной еде. Жареное мясо едят со сладким вареньем, консервированные фрукты заливают сметаной, селедку подают с тертым ананасом.

Официантами в вагоне-ресторане работают негры. Негры же, как правило, сопровождают вагоны и в качестве проводников. Это объясняется прежде всего тем, что компании железных дорог могут платить неграм жалование значительно меньше, чем белым. Нам запомнился случай, когда в конце нашего путешествия в поезде негр-проводник с протянутым картузом просил у нас «чаевые», как просят милостыню. С этим когда-то предприниматели пытались бороться, но негры-проводники объявили забастовку. Они готовы были отказаться от своего жалования в пользу хозяев (на столько оно ничтожно), предпочитая работать на одних «чаевых».

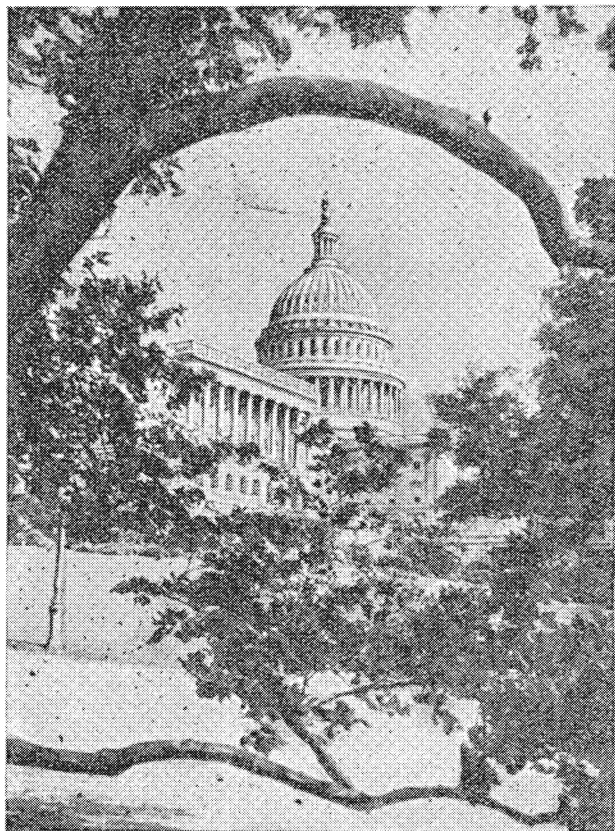
Негр-проводник нашего вагона, очень предупредительно обслуживавший нас, любил с нами побеседовать. Для него мы были людьми из другого мира, среди которых он чувствовал себя равным. Но стоило только показаться в вагоне кому-нибудь из представителей железнодорожной администрации, как он тотчас же исчезал в своем купе. Негр-проводник, по американским понятиям, не должен слишком долго без надобности задерживаться среди пассажиров, если они белые.

В нашем поезде везли солдат — белых и негров, и они были отделены друг от друга. В вагоне-ресторане сначала кормили «белых», а потом отдельно «черных». В городах для негров имеются отдельные столовые, кафе, кино, трамваи, жилые кварталы.

И приходится удивляться тому, что в стране, где так много говорят в печати и на митингах о свободе

Фербанкс ночью.

Вашингтон. Здание Конгресса.

и равенстве наций, так дискриминируют негров, и только за то, что они черные.

Покойный президент Рузвельт пытался улучшить положение негров, но все его мероприятия разбивались об ожесточенное сопротивление реакции, особенно в Южных, сельскохозяйственных штатах, где негров до сих пор могут линчевать без суда и следствия.

На вторые сутки нашего путешествия в поезде мы подъезжали к Чикаго. Нам запомнилось снушение надвигающейся на нас громады из домов-колонн. Вот уже поезд мчится между небоскребами, и дневной свет сразу померк. Кажется, будто он падает на нас откуда-то сверху, как на дно колодца. Но вскоре свет и вовсе погас: поезд нырнул в туннель под небоскребом и вышел к вокзалу. Мы очень сожалели, что не могли осмотреть города-гиганта, так как вагон наш быстро прицепили к другому экспрессу, который унес нас далее на восток.

Штат Иллинойс сменился штатом Пенсильвания. В его живописных горах скрываются самые крупные запасы железной руды, и здесь сосредоточена чуть ли не вся металлургическая промышленность Америки. Ночное небо багровело от огней доменных и мартеновских печей.

Мы воспользовались полуторачасовой стоянкой поезда в Питсбурге и, наняв такси, покатали по ночному городу. Питсбург — один из крупнейших городов Соединенных Штатов, центр тяжелой промышленности. Но, как и все американские города, он полон контрастов. Рядом с сорокаэтажными небоскребами кажутся приземистыми двухэтажные корпуса Института технологии, рядом со зданием спортивного атлетического общества нелепо выдвигает мечеть сирийских эмигрантов и мasonicкий храм.

Мы проехали по огромному мосту Либерти (Свобода) через реку Огайо, миновали длинный, ярко освещенный электрическими фонарями туннель, прорытый в высокой горе, и после нескольких петель по ее круто-

му подъему автомашина вынесла нас на покрытую густой зеленью вершину. Нам открылась панорама ночного Питсбурга — громадного и хаотического, озаренного огненными пятнами металлургических заводов.

Глядя на его сияющие окнами небоскребы, мы вспомнили виденный только что крохотный кирпичный домик с узкими бойницами — «блокгауз», построенный в 1764 году первыми поселенцами Америки как опорный пункт против нападения воинственных индейских племен.

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ ПРЕЗИДЕНТ

Утром, к исходу третьих суток, мы прибыли в Вашингтон — столицу Соединенных Штатов.

Такси увозит нас с вокзала. В нашу автомашину уселся на свободное место американец почтенного вида, приехавший в Вашингтон в одном поезде с нами. Он закурил сигарету и тотчас же уткнулся в утреннюю газету, не замечая нас. Так он и просидел всю дорогу до гостиницы. Было около восьми часов утра — самое оживленное время в столице, когда жители разъезжаются по своим учреждениям, предприятиям и различным «офисам». Сплошными потоками в обе стороны движутся автомобили в несколько рядов, и тогда на помощь автоматическим светофорам приходят полисмены, внося в движение свои коррективы. Такое оживление продолжается недолго, и полисмены удаляются, с тем чтобы снова вернуться на свои посты к пяти часам, концу рабочего дня. Однако в эти наиболее оживленные часы на улицах не бывает особенно шумно, потому что громадным грузовикам запрещается ездить в дневное время и здесь редко прибегают к сигналам. Даже свистки полисменов не слишком пронзительны.

В половине девятого начинают работать все учреждения, открываются магазины, рестораны кафе, всевозможные закусовые, «драгсы» — американские аптеки, в которых можно приобрести не только лекарства но и сквашать традиционную утреннюю яичницу, выпить стакан кофе или молока, купить сигареты и другую мелочь.

По первому впечатлению город показался нам похожим на огромный парк весь утопающий в зелени. На его улицах летает множество голубей, по деревьям свободно прыгают белки. Если бы в нем не было трамваев и автомобилей, он походил бы на заповедник. В городе нет небоскребов. Самый высокий дом не превышает четырнадцати этажей.

Такси подвез нас к отелю. При выходе из автомашины наш молчаливый спутник вдруг оживился и, потрясая шляпой обратился к нам с приветственной репликой. Он очень рад, что ему довелось ехать с нами в одной машине и он старается много сделать для русских и русских. Но при этом не скрывает, что именно он делает. Это была типичная американская любезность.

В отеле мы прожили две недели. Вашингтон существует исключительно для президента Конгресса, министерств. Все остальное возникло в пределах нужных для обеспечения работы правительства и его учреждений. Таким его строили, и таким он остается в наши дни. В нем нет ни одного промышленного гиганта. Нет даже крупных пищевых предприятий или торговых компаний. В этом городе только издают законы.

По своему внешнему облику Вашингтон, пожалуй, не настоящий американский город. Архитектурный стиль его правительственных и культурных зданий заимствован у европейских столиц, главным образом Парижа, Рима, Вены. Они украшены классическими греко-римскими колоннадами, портиками, увенчаны куполами.

Правительственные здания сосредоточены в районе Конститюшен авеню (улица Конституции) и окружены цветниками, вишневыми деревьями и густой зеленью парков.

Центральное место в этом ансамбле занимает величественное здание, расположенное на естественном возвышении, называемом амфитеатром, с колоннадой и

высочайшим куполом, на верхушке которого установлена статуя Свободы. Это Вашингтонский капитолий, где заседает Конгресс с 1857 года. Основание его принадлежит первому президенту Соединенных Штатов Георгу Вашингтону, заложившему его краеугольный камень в 1793 году.

Вблизи капитолия находится и памятник Вашингтону — четырехгранный столбидесятиметровый белый обелиск. Мы заходили внутрь обелиска. По лестнице и лифту можно подняться на его верхушку, где устроена площадка для обозрения столицы. Каждый американский патриот, приезжающий в столицу, считает своим долгом посетить этот памятник. Паломничество также совершается и к памятникам президентам Линкольну, Джефферсону и герою освободительной войны Лафайету.

Памятник Аврааму Линкольну представляет собой очень высокое плоское здание, обнесенное с четырех сторон тридцатью шестью колоннами. Внутри его возвышается гигантская статуя президента, сидящего в кресле, изваянная из белого мрамора.

Мы были также на кладбище Линкольна, где устроены на земле очень оригинальные часы в виде приподнятой клумбы с цветочным циферблатом. Циферблат имеет в диаметре 26 футов. На нем посажено десять тысяч тепличных цветочных кустиков, изображающих красные цифры на желтом фоне. Огромные алюминиевые стрелки приводятся в движение электрическим механизмом.

В тихое воскресное утро мы побывали возле Белого дома — места жительства президента. Это с виду скромное двухэтажное здание с четырьмя колоннами, поддерживающими фронтон, окрашенное в белый цвет, напомнило нам старинные московские особняки. Автомашинам не позволено останавливаться возле Белого дома, и ближайšie подступы к нему охраняют военные часовые и полисмены. Проезжая мимо него, шофер нашего такси сказал почтительно:

— Здесь живет мистер Рузвельт.

Но президента Рузвельта не было в Белом доме. Он находился в то время на конференции в Квебеке.

Мы посетили Библиотеку Конгресса — огромное здание с выдвинутой вперед центральной частью, украшенное высокой двойной колоннадой. Каталог Библиотеки содержит семнадцать миллионов карточек. Каждый день в главный читальный зал поступает 545 ежедневных американских газет и 133 иностранных периодических издания. Книгохранилище гордится многими ценными редкими рукописями, а также книгами, начиная со времен Иоганна Гутенберга. Мы вошли в Шекспировский читальный зал и потребовали «Гамлета». У нас спросили, какое из восьмисот имеющихся изданий «Гамлета» мы хотели бы получить. Здесь «Гамлет» представлен, начиная с современных Шекспиру изданий. Особенно бережно, как национальную святыню, Библиотека хранит подлинники «Декларации о незави-

симости» и «Конституции Соединенных Штатов». Но с начала войны эти документы были перенесены в более надежное место: в сейф какого-то учреждения.

В Библиотеке Конгресса можно также взглянуть на коллекцию редчайших скрипок знаменитого итальянского мастера Страдивариуса, секрет изготовления которых утерян после 1760 года. Эти скрипки, в количестве пяти штук, выставлены в специальном павильоне, где днем и ночью поддерживается нужная для их сохранности температура. Скрипками можно не только любоваться, но и послушать игру на них в очень вместительной аудитории Библиотеки, когда в Вашингтон приезжают на гастроли известные музыканты-исполнители.

Из других культурных учреждений американской столицы обращает на себя внимание Национальная галерея. Стоимость ее строительства обошлась правительству в пятнадцать миллионов долларов. Среди многочисленных сокровищ здесь хранится собрание картин старинных мастеров, пожертвованное галерее американским миллионером Андрю Меллоном. Первое место в его собрании занимает «Мадонна» Рафаэля.

Национальная галерея покупает картины известных художников, но, по существующим правилам, обязательно умерших, и не раньше чем через двадцать лет после их смерти.

И напротив, находящаяся в другом конце столицы Галерея изящных искусств Каркоран принимает на двухгодовичную выставку исключительно картины здравствующих художников.

Однажды мы проходили мимо Вашингтонского университета. В нем учатся только богатые люди, потому что высшее образование в Соединенных Штатах стоит очень дорого и доступно не каждому. Был обеденный перерыв, и из университета выходили студенты. Один из них подошел к нам и представился.

— Я готовлюсь к литературной деятельности, — сказал он. — Ваша страна представляет большой интерес для литератора, и я стараюсь как можно больше узнать о ней. Мне хочется побывать в Советском Союзе, после того как изучу русский язык.

В отеле нам наскучило слушать бесконечные фокстроты, румбы, крикливый эксцентричный концерт, сопровождаемый смехом зрителя эстрады, и мы решили пойти в оперу или драматический театр.

Спустившись в холл, мы обратились за справкой к девушке, стоявшей за конторкой.

— Я очень сожалею, — ответила она, — но у нас нет ни оперы, ни драмы.

Девушка дала точную справку. В столице Соединенных Штатов имеется много превосходных театров, фешенебельных ресторанов с джазами и эстрадой, но ни одного здания оперного или драматического театра. А между тем в Америке есть и опера, и балет, и драма, и комедия, и известные всему миру симфонические оркестры. Но это только в Нью-Йорке, Чикаго, Сан-Франциско, Филадельфии. Сюда они приезжают изредка и то лишь на гастроли.

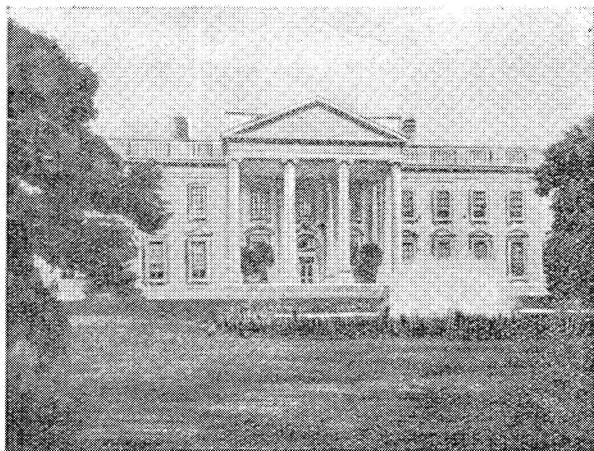
Мы решили пройтись по вечерним улицам города. Во время войны Вашингтон был затемнен. Но его затемнение мало походило на затемнение наших городов. Улицы заливал мягкий электрический свет, витрины магазинов ярко светились.

Мы зашли в какой-то бар и сели за столик у широкого окна, чтобы лучше наблюдать прохожих. К нам подошел пожилой американец, служивший в одной из коммерческих контор.

— Мы, американцы, сейчас все имеем работу, — рассказывал он, — и хорошо зарабатываем. Окэй! Поэтому мы стараемся скопить как можно больше долларов, потому что после войны будет безработица. Она непременно будет. Я это отлично знаю. Мне тоже приходится стоять в длинной очереди за супом.

Он интересовался, будет ли в Советском Союзе после войны безработица. Мы сначала удивлялись, когда нам задавали такие вопросы. Но нам их задавали часто, потому что будущее всегда тревожит трудящегося американца, и мы постепенно привыкли к этим вопросам.

— У нас очень дорого стоит лечение, — продолжал

Белый дом в Вашингтоне — место пребывания президента США.

наш новый знакомый. — Очень дорого стоит родиться, потому что все родильные дома находятся в частных руках. Еще дороже стоит умереть. Ведь кладбища тоже принадлежат предпринимателям. И если нужно похоронить родственника, то ваши слезы нисколько не разжалобят хозяина кладбища. Он не хочет терпеть убытка и не уступит вам ни одного доллара. Он только продавец земельных участков длиной в три метра.

Наша беседа была прервана шумом и суматохой. У стойки подрались два молодых американца. Они сначала мирно пили ром с кока-кола, потом перешли на виски, а потом один съездил другого по уху. Их разнимали, но безуспешно. Тогда стоявший у дверей швейцар небольшого роста, коренастый, с очень сплюснутым носом и седыми висками, схватил обоих дерущихся за шиворот и выбросил из бара. Швейцар когда-то был боксером и выступал на первоклассных рингах Америки. Но наступила старость, и он больше не мог зарабатывать себе на жизнь боксом. Тогда он стал работать в баре «блюстителем порядка». Он тоже, наверно, с тревогой думает о своем будущем, потому что неизбежно наступит время, когда ему будет трудно справляться и с этой работой.

Через окно нам видно было, как молодые парни продолжали избивать друг друга на улице. К ним тотчас же подошел полисмен. Скрестив на груди руки, он молча и внимательно наблюдал дерущихся. Он не принимал ничьей стороны, потому что взгляд его был совершенно беспристрастным. Одному из парней не повезло, и, стукнувшись теменем о фонарный столб, он повалился на тротуар. По правилам бокса он был явно покаутирован. Полисмен посмотрел на свои часы и сказал победителю,правлявшему измятый галстук и порванный пиджак:

— Можете идти. Он не встанет.

Затем полисмен свистком остановил проходившую автомашину, дал шоферу записочку с каким-то адресом и помог ему втащить бесчувственного парня в кабину.

УРАГАН НАД АТЛАНТИЧЕСКИМ ПОБЕРЕЖЬЕМ

В начале октября мы покинули Вашингтон. Поезд пересек штат Северная Каролина и доставил нас в небольшой портовый город Норфолк на берегу Атлантического океана. Железнодорожный вокзал был расположен в порту, который отделен от города заливом, и нам пришлось из вагона пересест на пароход, чтобы попасть в город.

Норфолк был конечной целью нашего путешествия. Мы прожили двадцать пять дней на морской авиационной базе, где изучали американскую конструкцию ле-

тающих лодок, на которых нам предстояло совершить обратный путь в СССР. Нужно было также тщательно подготовиться к необходимости для полярных летчиков маршруту под тропиками.

В военном гарнизоне жизнь текла размеренно и однообразно. По заведенному порядку, здесь каждый вечер показывали кинофильм, один раз в неделю — небольшой эстрадный концерт, коротко называемый «шоу» («зрелище»), на котором всякий раз выступает девушка с аккордеоном, девушка, поющая песенки, и девушка, танцующая эксцентричный акробатический танец. Конферансье обязательно кричит, носится по эстраде, топает ногами и стреляет из пистолета. Все это заканчивается появлением ковбоя, который тоже носится по эстраде и стреляет из пистолета.

Солдатам нравится это «шоу», и они неистово свистят в знак одобрения. Если вечер не заполнен таким развлечением, то офицеры играют на бильярде и пьют пиво. Солдаты не играют на бильярде, но тоже пьют пиво.

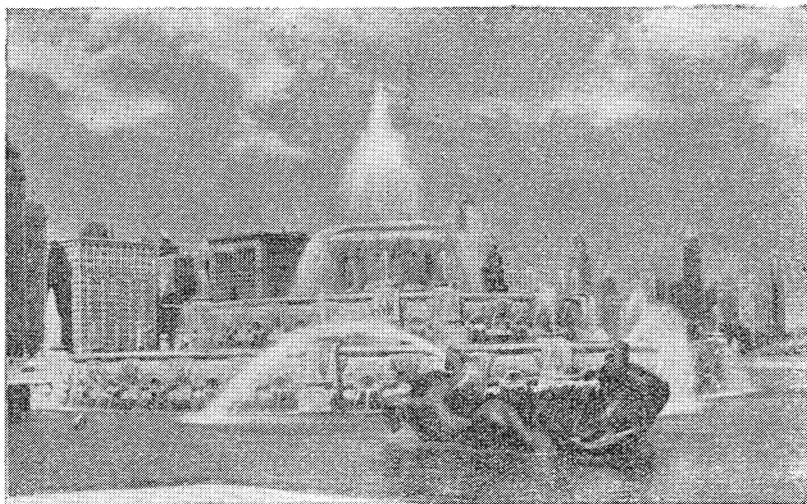
В гарнизоне находились и негры, призванные в американскую армию. У них была отдельная от «белых» казарма, жили они обособленно и имели своего старшину-негра. Солдаты-негры были заняты исключительно тем, что чистили картошку на кухне, работали в офицерской и солдатской столовой подавальщиками и убирали казармы «белых». В гарнизонном кино они могли занимать лишь самые последние ряды позади «белых» солдат.

Однажды утром газеты и радио предупредили о приближающемся урагане. Ураганы здесь случаются нередко. Они возникают в Мексиканском заливе, захватывают Антильские острова и, в частности, Кубу, выходят на восточное побережье Северной Америки и поднимаются на север, достигая иногда района Нью-Йорка.

Газеты сообщали, что на юге Флориды ураган уже причинил серьезные разрушения городам, порвал электрические провода высоковольтных линий и что имеются человеческие жертвы. Порывы ветра достигают от восьмидесяти до ста миль в час.

Люди бессильны бороться с этой стихией. Они могут принимать лишь предупредительные меры. Все самолеты морской базы тотчас же улетели в Нью-Йорк. На базе стало пустынно и тревожно. Небо заволанивало тучами, темными, как графит. Подул свежий ветер. К вечеру ветер усилился, но это еще не был ураган и даже не был шторм. А ночью порывы ветра ужеsstrясали все вокруг, и нам казалось, что под их напором наш дом не устоит и рассыплется на отдельные кирпичи. Так продолжалось до утра. Потом стало тише. Но небо продолжало хмуриться, и ветер не унимался. А на следующее утро все кончилось. Говорят: «После затишья бывает буря». Но нам кажется, что в Америке применима скорей другая поговорка: «После бури наступает затишье». В то утро ярко светило солнце, было очень тепло и так тихо, что на деревьях не шелхнул ни один лист. И если бы, не испытав на себе урагана, мы не видели бы поваленных столбов, вырванных с корнем могучих деревьев, сорванных с крыш железных листов, разрушенных домов, то просто не поверили бы, что всего лишь несколько часов назад здесь бушевала стихия.

Штат Северная Каролина — земледельческий район. Маленький городок Элизабет-сити, который мы изредка навещали, живет исключительно интересами фермеров, да и жители его сами по большей части владеют земельными участками. Но негры, которые проживают здесь в большом количестве, совершенно лишены земельной собственности, изо-

Чикаго. Фонтаны.

лированы в отдельном квартале и работают на «белых» фермеров.

Как-то раз мы совершили интересную прогулку в автобусе по Атлантическому побережью к месту, где братья Райт, изобретатели аэроплана, совершили свой первый полет.

Мы ехали по асфальтированному шоссе вдоль приморского пляжа, тянущегося на несколько миль. Здесь много дачных коттеджей и небольших гостиниц, и сюда летом съезжаются дачники на морское купанье. Но в октябре пляж выглядел безлюдным.

Переехав через пролив по шаткому деревянному мосту длиной в два километра, сильно пострадавшему от недавнего урагана, мы очутились на островке, вытянувшемся продолговатой косой.

Над островком возвышается холм, носящий название «Лютый дьявол». На вершине холма установлен памятник братьям Райт, представляющий собой трехгранный пилон из серого гранита, высотой в шестьдесят футов, на пьедестале звездообразной формы. На южной стороне пилона высечена надпись: «Вильбур Райт, Орвиль Райт». На вершукше пилона устроен маяк.

Вокруг памятника разбит парк. Здесь встретила нас девушка в форме офицера военно-воздушных сил американской армии. Она открыла перед нами массивную стальную дверь и пустила внутрь пилона. Там оказалась невысокая ротонда, в двух нишах которой установлены бронзовые бюсты братьев Райт. Посреди ротонды на деревянной подставке лежала металлическая доска, изображающая карту мира, на которой отмечены все выдающиеся авиационные рекорды за двадцать пять лет после первого взлета в воздух двух прославленных изобретателей аэроплана.

В четверти мили к северу от памятника, за холмом, на ровном месте стоит большая глыба серого гранита. На вделанной в нее металлической доске указывается, что это—место, откуда начался исторический полет.

17 декабря 1903 года на месте гранитной глыбы стоял летательный аппарат Вильбура и Орвиля Райт, на котором впервые был установлен мотор в восемь лошадиных сил.

В десять часов тридцать минут утра Орвиль поднялся на борт аэроплана и запустил мотор. Аэроплан тронулся с места и побежал по специально устроенному треку, подгоняемый ветром, который дул с силой двадцати семи миль в час. Однако Вильбур, бежавший сбоку аэроплана, мог легко поспевать за ним и поддерживать для равновесия его крыло. Когда кончился трек, аэроплан поднялся на два фута и продержался в воздухе двенадцать секунд, пролетев за это время сто двадцать футов.

Это был первый летательный аппарат тяжелее воздуха, оторвавшийся от земли благодаря собственной силе.

Вильбур был более удачлив. Когда наступила его очередь, он продержался в воздухе пятьдесят девять секунд, пролетев по прямой восемьсот пятьдесят два фута. Но в это утро ликование братьев было омрачено тяжким событием. В то время, когда они обсуждали свои полеты, внезапный порыв ветра подхватил аэроплан, перекинул его несколько раз по земле и изломал в куски.

На соседнем островке Роунок американцы гордятся и другим историческим местом — старинным фортом, который замечателен только тем, что в нем родился первый ребенок белого человека на американском континенте.

В пятидесяти милях южной находится мыс Гаттерас и скала, получившая в старину славу «великого кладбища кораблей».

Еще южнее расположен маленький островок Окракок, служивший когда-то убежищем морского пирата—капитана Эдуарда Тич, известного под кличкой «Черная борода».

Во время войны этот островок посещали современные пираты на подводных лодках, пытаясь высадив здесь диверсантов.

(Продолжение следует)

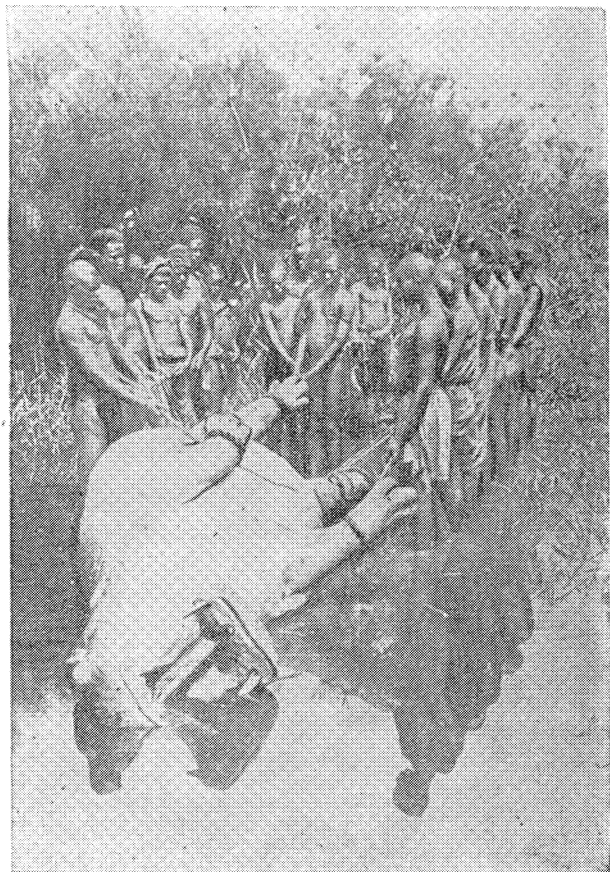
В ВОДАХ РЕКИ САБИ

«Какая скука!» Этот редкий снимок изображает зевающегося бегемота, выглянувшего из воды реки Саби в Южной Родезии (Африка).

Целые дни бегемот проводит в воде или на берегу, греясь на солнце. В воде его трудно заметить, так как он едва высовывает наружу верхнюю часть головы. Когда животное чувствует опасность, оно совершенно бесшумно ныряет и под водой пробирается на другое место. Плавают бегемот удивительно быстро. Он ныряет на любую глубину, может двигаться скачками, ловко поворачиваться в воде и рассекает волны с такой скоростью, что легко поспорит с любым гребным судном. Бегемот — крупное животное. Длина тела взрослого бегемота достигает 4,5 метра, а весит он не менее 2—2,5 тонны. Мясо бегемота ценится очень дорого, так как напоминает вкус свинины. Из толстой кожи его выделывают охотничьи бичи для европейцев и щиты для туземцев. Зубы употребляются для различных изделий.

На нижней фотографии изображен момент, когда тушу убитого бегемота вытаскивают на берег.

Д. АРМАНД

Рисунки В. Чернецова

ЛАЗОРЕВЫЙ ГРОТ

Когда я был маленьким мальчиком, мне пришлось побывать с родителями в Италии, на острове Капри. На Капри есть знаменитый Лазоревый грот. Он так красив, что со всего света приезжают люди, чтобы посмотреть на него.

Решили и мы взглянуть на это чудо природы. Наняли у пристани лодку и поплыли по Средиземному морю вдоль берегов Капри. На море дул свежий ветер, пахло солью и водорослями, белели барашки воды. Старый лодочник с седыми усами и голсой, повязанной пестрой косынкой, гроб сильно и ровно. Сбоку тянулася крутой берег, покрытый густой, темной зеленью кустарников и оливковых рощ. Наверху, на фоне ясного синего неба выглядывали белые домики крестьян.

Вот и Лазоревый грот. В высокой скале, отвесно возвышающейся над морем, — маленькое отверстие. Оно расположено как раз на уровне воды, и каждый набегающий вал захлестывает его доверху. Нам казалось невозможным проехать через него. Но гребец спокойно выбрал момент, когда откатилась очередная волна, и сильным ударом весел вогнал лодку в узкую каменную трубу. — Нагнуться! — командовал он при этом.

Признаюсь, я не на шутку струхнул. А вдруг следующая волна догонит нас в трубе, стукнет об кровлю и зальет с головой? Однако все обошлось благополучно. Проход оказался коротким, и через минуту мы уже были внутри.

От восторга у меня даже дух захватило. Мы скользили по подземно-

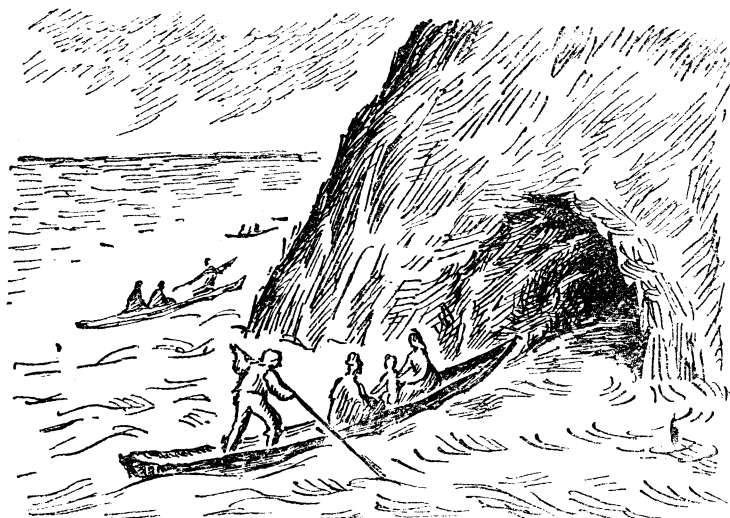
му озеру с чистой бирюзовой водой. Она как будто светилась нежным и таинственным светом. Вместо неба над нашими головами был опрокинут высокий каменный свод темносинего цвета. Даже воздух в Лазоревом гроте казался голубым и каким-то густым, сочным.

Отец объяснил мне, что здесь все кажется голубым, потому что большая часть света, проникающего через узкий вход, проходит сквозь голубую морскую воду. Люди, находящиеся внутри, смотрят на все окружающее как бы через синие очки.

В одном месте со свода Лазоревского грота опускалась в воду мощная колонна. У подножия ее скала образо-

вала небольшой каменный уступ. На нем сидели три мальчика-итальянца. Младшему из них было не более десяти лет. Они были совсем голые, если не считать повязок на бедрах. Курчавые черные волосы слипались, и с них стекала вода. Снаружи было жарко, но в гроте прохладно и сыро, и ребята стучали зубами.

Важные господа и дамы подвезжали к уступу и бросали в воду серебряные монетки. Они, сверкая, быстро уходили в голубую бездну, но мальчики стрелой бросались за ними, ныряли, наперегонки стараясь поймать их; и не было случая, чтобы они хоть одну упустили. После этого они как можно дольше оставались под

Вот и Лазоревый грот.

водой, плавая там, извиваясь, как рыбы, гоняясь друг за другом. В прозрачной воде их голые гибкие тела, светившиеся в глубине лазоревым светом, были замечательно красивы. Господа в лодках восхищались и снова бросали монеты.

Я принялся хлопотать в ладоши и, забыв, что не умею даже плавать, закричал:

— Я тоже хочу здесь купаться, я тоже хочу стать голубым!

Мама взглянула на меня строго и укоризненно.

— Чему ты радуешься и кому завидуешь? — сказала она. — Разве ты не видишь, что они купаются не для удовольствия, а для заработка? Это очень тяжелый кусок хлеба. Они мерзнут здесь целыми днями; от продолжительного ныряния у них идет кровь из горла, и через год-два все они получают чахотку.

И дождавшись, когда мальчики вылезли на скалу, она прямо в руки протянула им несколько монет. Они взглянули на нее с изумлением.

— Синьора, наверно, русская? — догадался старший.

ЛЕДЯНОЙ ЛАБИРИНТ

Мы поселились в Альпах. Из окна были видны скалистые кручи. На них каким-то чудом держались корявые сосны. Над скалами вдалеке расстилались волнистые альпийские луга, по которым, словно козявки, ползали рыжие швейцарские коровы. А еще выше — тянулся зубчатый гребень снежных вершин.

Я целыми днями лазил по горам, собирал чудесные горные цветы — шикламены — или лакоился ежевикой, забравшись в ее густые колючие заросли. Иногда отец брал меня с собой в дальние прогулки. У меня дух захва-

тывало, когда он, посадив меня на плечи, прыгал по камням через бурный ручей, в нескольких шагах от нас низвергавшийся звенящим водопадом.

Однажды мы поехали на ледник. Открытый автобус мчался по шоссе, извивавшемуся среди круч. Шофер бешено разгонял машину и лихо поворачивал над самым краем пропасти, видимо, забавляясь испугом пассажиров. Потом мы шли пешком по тропинке, пробравшейся среди хаоса громадных камней.

Язык ледника лежал, распластавшись, в широкой долине. От него тянуло холодом. Я был разочарован, увидев, что он сплошь завален щебнем и глиной. Однако интересные вещи были еще впереди. Ледник славился своими пещерами. Летом он таял с поверхности, струйки воды сливались в ручьи. Ручьи, добежав до ближайшей трещины, исчезали в ней и пускались в странствие по извилистым ходам внутри ледника. Постепенно они растопляли стенки своих русел и превращали их в широкие трубы, которые, сливаясь друг с другом, спускались под ледником к его концу. По нижней, главной галлерее бежала целая речка, вырывающаяся наружу у языка из мрачного черного отверстия.

Какой-то ловкий предприниматель завладел ледником. Он вырубил ступени во льду, расширил некоторые узкие галлерей, у входа в пещеры построил домик для туристов и кассу. Посетители приезжали в большом количестве, и «предприятие» оказалось очень доходным.

Мы взяли в кассе билеты, надели теплые куртки и непромокаемые плащи. Нам дали в проводники высокую пожилую женщину.

Проводница несла фонарь; мы вереницей шли за ней. Коридоры были

узкие, как раз пройти человеку. Местами приходилось нагибаться. Вначале ледяные стены были полосатыми. Полосы белого льда чередовались с бурными прослойками мелких камешков и грязи. Потом лед стал голубым и прозрачным.

Коридор расширился в довольно просторный зал. Внезапно проводница погасила фонарь. Мы увидели волшебную картину: стены пещеры светились разноцветными огнями; лед искрился миллионами радужных искр; таинственно переливались блики по огромным сосулькам и ледяным колоннам. Было непонятно, откуда исходит этот волшебный свет.

Тайна разрешилась очень просто. В пещеру было проведено электричество. Разноцветные лампочки скрывались в гнездах, незаметно высверленных в толще льда. Свет, проходя через лед, дробился, преломлялся, разбивался на бесчисленные искорки. Лампочки не были видны, светились все стены, потолок и даже пол. Это был трюк «хозяина» пещеры, но трюк, удачно придуманный.

Мы долго бродили по ледяным коридорам. В некоторых было сухо, вода ушла из них, но местами у наших ног по канавкам в полу с веселым журчаньем бежали ручьи — создатели лабиринта.

Видели мы и те места, где ручьи с поверхности спускались в глубь пещеры. Струйки воды прыгали со ступеньки на ступеньку, разливались по узким щелям, водоворотами ввинчивались в лед, вымывая в нем круглые ямки — ледяные котлы. Многоголовый звон водопадов гулко разносился под сводами пещер. Лед светился уже естественным солнечным светом, пронизывавшим тонкие, причудливо изрезанные своды. И, наконец, через трещину, на дне которой мы находились, мы увидели далеко наверху полосу яркого, теплого неба.

Со свода Лазоревго грота опускалась в воду мощная колонна.

В ЖИЛИЩЕ СТАРЦА ИГНАТИЯ

С тех пор прошло много лет. Я окончил университет и работал в экспедициях, занимавшихся исследованием интересных и малоизвестных уголков нашей страны. Меня вновь стянуло в пещеры. Но теперь уже не ради интересных прогулок в подземном мире хотел я их посещать, а ради того, чтобы изучать их и понять, как они образуются.

Я прочитал много книг о пещерах. Из них я узнал, что настоящие, не ледяные, пещеры образуются только в тех районах, в которых имеются растворимые горные породы, и в первую очередь известняки. Известняки поглощают всю воду, выпадающую в виде дождей. Вместо того чтобы стекать ручьями по поверхности, она уходит по трещинам вглубь и промывает себе подземные русла.

В горах и на равнинах, сложенных известняками, кроме пещер, возникают и другие странные явления природы и причудливые формы поверхности: естественные мосты над глубокими ущельями, скалы в форме колоны и башен, реки, исчезающие в провалах и вновь появляющиеся в виде мощных источников на расстоянии многих километров. Все эти чудеса, вместе взятые, называются карстом.

В некоторых странах карст охватывает целые области. Вся природа и хозяйство людей приспособляются к его особенностям. Поэтому изучение карста имеет большое научное и практическое значение. Изучение пещер в особенности интересно тем, что в них мы наблюдаем внутреннюю жизнь Земли, видим ее как бы в разрезе, подобно тому, как хирург во время операции наблюдает внутренние органы человека.

Однажды в солнечный зимний день я пробирался на лыжах по узкому проселку, среди еловых лесов, уходящих в синюю даль по волнам уральских хребтов. Я был одет в непромокаемый костюм и горные ботинки. Через плечо висела полевая сумка с картами, горным компасом и рулеткой. За спиной — рюкзак со снаряжением. В нем лежали: психрометр — прибор для определения влажности воздуха, барометр, термометр, фонарь, спички в стеклянной банке, 25 метров веревки для спуска в провалы, геологический молоток и трехдневный запас провизии.

Вот и пещера! Вход в нее открывался у подножия громадной каменной скалы, возвышавшейся над быстрой горной рекой. Черное полукруглое отверстие было так велико, что летом в нем спасалось от жары целое стадо.

Из первого светлого грота направо шли два низких хода. Я с трудом прополз в них на четвереньках. Каждый ход кончался комнатой, такой низкой, что нельзя было выпрямиться. На полу одной из них был сло-

жен немудреный очаг. Кто-то, видно, жил здесь.

В другую сторону вел тоже низкий ход, скоро, однако, повышавшийся. Несмотря на мороз, с потолка во многих местах капало. Под каждым таким местом на полу вырастал стройный ледяной столбик, очень тонкий внизу и расширяющийся кверху. Иногда несколько столбиков срастались верхушками, образуя причудливый ледяной мост на многих устоях.

С потолка свисали ледяные кристаллы. Они были похожи на снежинки величиной с ладонь. Они срастались друг с другом, покрывая весь свод и образуя цветы, похожие на розы, венки, гирлянды, целые букеты. Каждый кристалл переливался и искрился при свете моего фонаря. Я поднял фонарь поближе и задел за один цветок. Тотчас со звоном рухнуло все зыбкое сооружение, засыпав меня до пояса. В рукава и за ворот проникли тысячи холодных иголок.

Вытряхнув из одежды лед, я приступил к работе. Подземные галереи ветвились, но я не боялся заблудиться.

Я всегда начинал с крайнего левого хода и обходил их один за другим, каждый шаг нанося на план. Для этого я определял направление очередного колена по компасу и измерял его длину рулеткой. На каждом перекрестке я ставил мелом номер и стрелку, указывавшую путь к выходу.

По временам я выходил в высокие залы. Там я определял давление, температуру и влажность воздуха. Когда замолкало жужжание вентилятора в психрометре и я садился записывать наблюдения, наступала мертвая тишина, прерываемая лишь редкими, гулкими ударами капель. Странно было думать о том, что эти капли так же размеренно падали в течение тысячелетий.

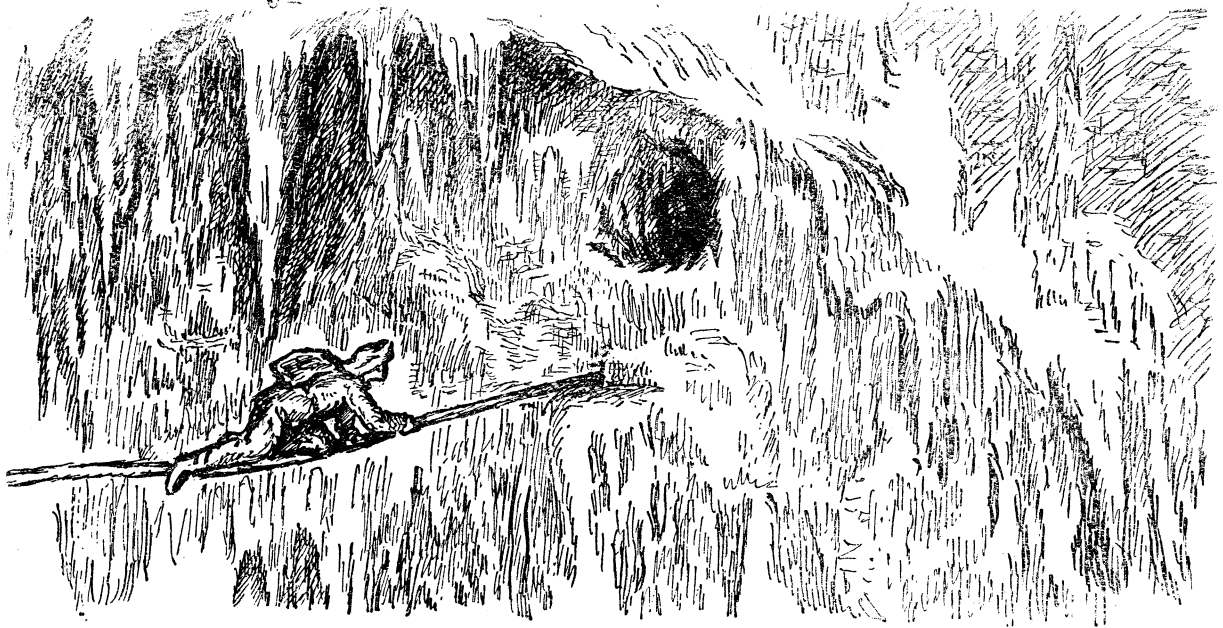
В одном месте узкий ход начинался на высоте четырех метров, в нависающей стене высокой и узкой галереи. Когда-то здесь была лестница, но она сгнила. Одна лишь стойка валялась на полу, усеянном острыми глыбами. Я выработал план действий. Один конец веревки я привязал к концу стойки, другой — к поясу. Оставив внизу фонарь, цепляясь пальцами за ничтожные трещины, прижимаясь телом к каждому скользкому выступу, я взобрался на противоположную почти отвесную стену. Упершись головой в потолок и освободив одну руку, я втянул наверх стойку и перекинул ее через галерею к отверстию хода.

Пять минут я переползал по этому «чёртову мосту», боясь сделать резкое движение, чтобы не сломать гнилушку жердь. Она выдержала, и я достиг цели.

Со свечой в руке я пополз в круглый ход, гладко обточенный протекавшим по нему когда-то ручьем. В конце была просторная комната.

Оставив внизу фонарь...

...пять минут я переползал по этому «чортову мосту».

У одной стены лежала груда слег и досок — очевидно, остатки шалаша. От другой — в потолок уходила труба. Под ней был навален громадный конус глины, камней, веток. Несомненно, она пронизывала всю 80-метровую толщу скалы и выходила в лес, росший наверху. Талые весенние воды низвергались в нее и приносили в пещеру мусор, лежавший у ее нижнего отверстия.

Я попробовал влезть в трубу. В ней была сильная тяга, свеча тотчас погасла. Очевидно, труба могла служить дымоходом для жителей пещеры. Но кто жил в этом страшном месте?

— В нижней норе, куда ты первоначально-то лазил, старец Игнатий жил, спасался, — медленно и задумчиво рассказывал седой лесоруб, когда я ночью уже, вернувшись усталый, голодный и несчастливый всем виденным, пил чай у железной печурки в его бараке. — Староверы говорили, что конокрад он был. В отшельники пошел, чтоб в Сибирь не попасть. Да старушки не верили, закуску ему носили. А дрова он сам на горе рубил и в тую дырку спускал, они внутри выскакивали. В дырке той воздуха нет, потому и свеча гаснет. Еще, говорят, он ход тайный знал. Этот ход на полтора верста до самой Уфы тянется и там наружу выходит.

Я уже привык к тому, что местные жители, обычно боящиеся пещер, во много раз преувеличивают их размеры. По моему плану было видно, что пещера старца Игнатия имела в длину всего 200 метров. Но мне было любопытно слушать рассказы, в которых седая старина смешивалась с легендами.

Рассказчик продолжал:

— А вот в верхней-то комнатке, дед мой сказывал, башкирцы скрывались, когда восстание у них против царя было. Тому, поди, уж лет сто. Поднимут лесенку — и возьми их! Харчи запасены, ключик течет; так и отсиживались от царских солдат. В другой пещере, тоже здесь на Урале, я сам с партизанами от колчаковцев месяц осаду выдерживал. Мы против входа «максимку» поставили. Поди сунься! Целой ротой нас выкуривали и того дождалось, что наши войска снаружи подошли и всех их перебили.

ВОЛК И ЛИСИЦА

Однажды, тоже зимой, я разыскивал малоизвестную, никем еще не описанную пещеру. Найти ее долго не удавалось. Казалось, что в этой местности вообще не может быть пещер. Кругом расстилалась плоская, как скатерть, степь. Там и здесь на ней темнели рожицы из низких березок — «колки», как называют их в Сибири. Ни гор, ни скал, ни крутого берега, — словом, ничего, что обычно связывается с представлением о пещерах, — не было видно.

Я узнал, что в ближайшей деревне есть подросток, Малайка, единственный местный житель, который не боялся с факелом углубляться в подземные ходы. Частенько случалось, что лисица, раненная на охоте его отцом, уходила в пещеру. Там были такие крутые и узкие ходы, что собака не могла ее достать. Тогда отец звал Малайку, в то время еще восьмилетнего малыша, смелого, ловкого и юркого, как угорь. И Малайка неизменно находил и вытаскивал убитого зверя. Теперь ему было 14 лет. Мы быстро поладили.

Наутро разыгрался буран. В степи крутились снежные вихри, ветер с

ожесточением швырял в глаза острые иголки. Но мы упрямо шли по целине, низко наклонив головы. Малайка на самодельных лыжах находил дорогу каким-то непонятным мне чутьем.

«Вот и пришли!» вдруг сказал он. Окруженная березовыми кустиками, в землю уходила воронка. На дне открылась щель между скалами. Странные эти скалы не возвышались к небу, а, наоборот, погружались в глубь земли. С одной скалы на другую был перекинут каменный, самой природой построенный мостик. Конец щели был завален снегом, почти совсем закрытым вход в пещеру. Оставалась лишь узкая нора. И действительно, это была нора. На снегу виднелись свежие следы волков. У нас не было оружия, но возвращаться ни с чем после проделанного тяжелого пути было слишком обидно. Мы лыжами расширили вход и полезли, надеясь на то, что в начале зимы волки сыты и редко нападают на человека.

Внутри мы сразу наткнулись на растерзанную молодую косулю. Она была еще теплая. Признаюсь, мне стало не по себе. Волки, видимо, ушли, почуяв наше приближение. Но куда: внутрь или наружу?

Пещера была многоярусная. Осмотрев и засняв на план верхний этаж, я решил спуститься в следующий. В него вела труба, начинавшаяся воронкой у самого входа. Поэтому она тоже была завалена снегом. Веревку привязать было не к чему, и я велел Малайке обмотать ее вокруг пояса, а ноги зарыть в снег как можно глубже.

Надеясь на этот живой столб, пристегнув к ремню фонарь, я обмотал другой конец веревки вокруг руки и

В упор на меня глядели стеклянные глаза, окровавленная пасть скалила зубы.

начал спускаться. Вдруг веревка ослабела. Под тяжестью моего тела Малайка с целой лавиной снега сполз в воронку. Снег залепил мне глаза и рот. Я катился, описывая круги по скользкой трубе, имевшей форму штопора. Резкий толчок — и я повис на руке.

— Малайка, ты за что-нибудь ухватился?

— Ой, дыхнуть не могу! — простонал он. Мальчик заклинился в щель. Раздумывать было некогда. Надо было освободить его от тяжести моего тела. Я выпустил конец, не успев даже разглядеть, далеко ли до дна. К счастью, оказалось, не далеко. Я ушиб ногу при падении и разбил стекло у фонаря, но в общем дешево отделался.

— Теперь можешь вылезть?

— Могу.

— Поставь мои лыжи поперек дыры и привяжи к ним веревку. И ступай домой, а то замерзнешь. Если я не приду к завтрашнему утру, скажи председателю сельсовета, чтобы шли меня выручать.

Положение мое было скверное. Достать конец веревки, висевшей над головой, и выбраться самому было нелегко. К тому же проклятые волки не выходили из головы. Хорошо хоть, что было тепло. В глубине большинства пещер зимой и летом стоит одна и та же температура: в тех местах, где я был, — около нуля. Я скинул свой полушубок и принялся за работу. Пещера оказалась очень интересной. Ее стены были сложены из ракушек и члеников морских лилий.

Ходы были на редкость запутанные и почти непролазные. Я часа два уже полз на животе, едва протаскивая за собой рюкзак. К тому же разбитый фонарь коптил. В таких условиях было трудно снимать план, и он получился неточный.

После одного из крутых поворотов, поставив фонарь в узкую щель впереди, я увидел в двух шагах... волчью шерсть. Волосы зашевелились у меня на голове. Я рванулся назад, но только больно стукнулся о камень. Ползти задом было невозможно; рюкзак закупорил ход, и я не мог ни убрать его, ни повернуться. Когда такое положение приснится в кошмарном сне, человек просыпается весь в поту. Но я не спал!

Волк не шевелился. «Мертвый или притаился?» подумал я. И с мужеством отчаяния схватил его и рванул что есть силы. Это был мой полушубок на волчьем меху. Петля по лабиринтам, я, очевидно, описал круг и выполз в первую камеру через маленькое отверстие, которое вначале, не заметив, закрыл полушубком. Придя в себя, насмеявшись вдоволь над своим страхом и подкрепившись сухарями, я углубился в другую сторону. Коридор все время шел вниз. «Ну, теперь я много ниже своего полушубка, — думал я. — Больше он меня не напугает».

Мне попался колодец. Я привязал фонарь на запасную восьмиметровую веревку и спустил его вниз, чтобы посмотреть, что там, на дне. Перегнувшись, я увидел, что на дне лежит... мой полушубок. «Что за чорт, уж не начал ли я сходить с ума от этих подземных скитаний?» Эта мысль меня так взволновала, что я решил осязанием проверить зрение, которому больше не доверял. Закрепив конец веревки большим камнем, я спустился сам вслед за фонарем. Поперечник колодца был так мал, что я с трудом протискивался в него. Ступив на дно, я поднял полушубок — и едва не потерял сознания. В упор на меня глядели стеклянные глаза, окровавленная пасть скалила зубы.

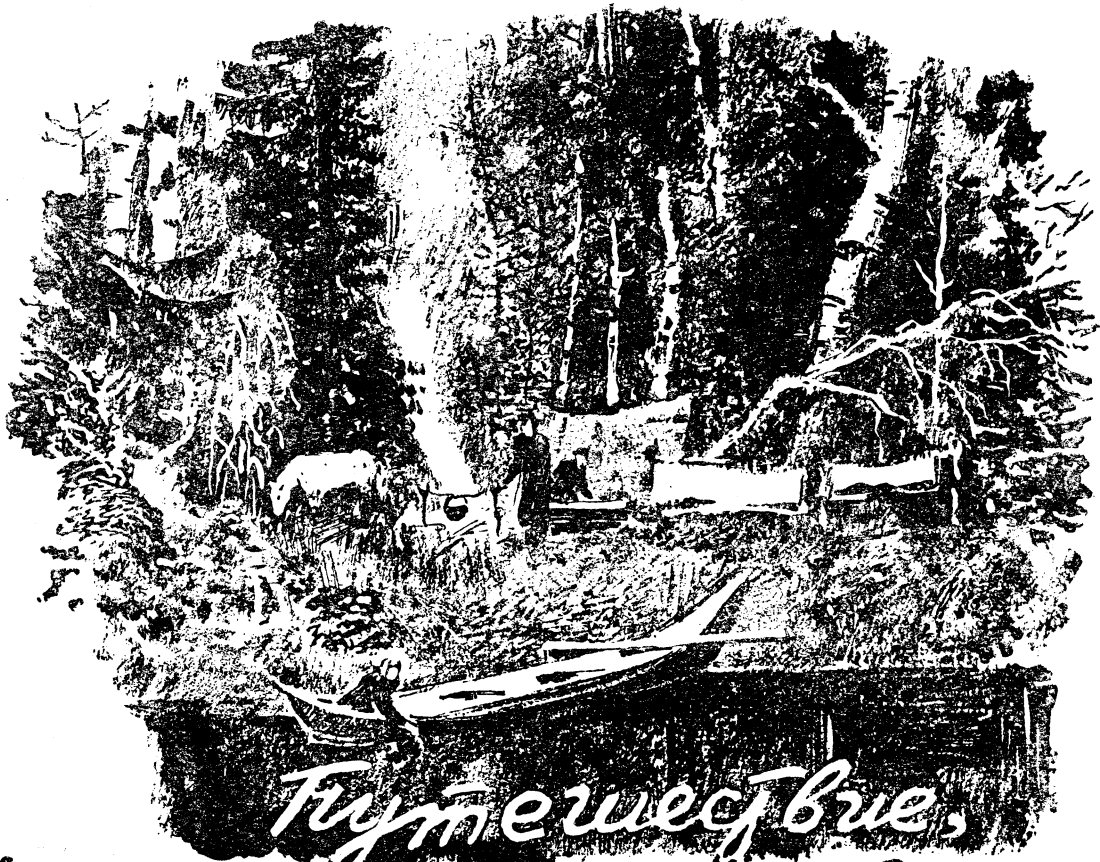
— Я ж вам рассказывал, что лисы уходят умирать в пещеру, — говорил мне вечером Малайкин отец, старый схотник. — Вот и эта капкан туда утащила. Наверное, металась по камням, пока не свалилась в колодец, да там и застыла. Спасибо за капкан, для меня это ценная вещь. А шкурку я не возьму. Это ваша добыча, а бы за ней все равно туда не полез. Вы говорили, что у вас маленькая дочка есть. Ну вот и привезете ей воротник.

ПОСЛЕ БУРАНА

Антарктиду называют «страной бурь». На прибрежных скалах Земли Адели ютятся тысячи пингвинов — псуклижи, нелетающих птиц. Они стойко переносят снежные бураны.

Эта фотография изображает пингвина с Земли Адели, после снежной буры вышедшего на берег отряхнувшись от снега, смержшегося на концах его перьев.

Гутешествие, Которое нельзя повторить

Н. ЕМЕЛЬНОВА

Рассказ

Рисунки П. Нараченцова

Лет двадцать пять тому назад я участвовала в геологической экспедиции Е. Д. Сошкиной в области Коми на правые притоки Печоры — Подчерем и Щугор.

В деревне Усть-Подчерем мы с Елизаветой Дмитриевной Сошкиной наняли себе проводника-коми Евсея Давыдовича, крепкого, широкоплечего человека с шапкой черных выющихся волос, подстриженных в кружок над черными прямыми бровями, и черной бородой. Отличительным признаком его характера, как я потом убедилась, была любовь к пространным рассуждениям на разные темы.

Ему понравилось предложение подняться с нами по Подчерему, объехать все его притоки, волоком перетащить лодку и спуститься «на пониз воды» по Щугору. На мелких притоках Подчерема Евсей привлекала охота, а на Щугоре — возможность около трехсот километров легко сплывать по течению, добывая харнузов как собственным трудом, так и покупкой их в рыболовческих артелях, которых по Щугору было много.

Чтобы деньги остались «в доме», жена Евсея, строгая и недоверчивая женщина, настояла, чтобы вторым рабочим с нами поехала Татьяна, старшая дочь Евсея — «трудница и работница», как ее определяла мать. Как и Евсей, Татьяна говорила по-русски.

Мы с Елизаветой Дмитриевной, тогда по молодости лет, решили, что это будет очень хорошо: деньги помогут семье, а Евсей, здоровенный человек и справедливый отец, будет помогать слабенькой Татьяне, и все будет великолепно.

Великолепным все должно было быть! Неширокий Подчерем перед впадением в Печору замедлял течение среди низких пойменных лугов. Черные мягкие «бровки», как называют на севере подмытые низкие берега, были оторочены свежими зелеными гривками трав. Под ними бежала светлая вода Подчерема, расчесывая и расстилая по течению длинные зеленые водоросли.

К белой новой лодке Евсей прибил по бокам прилавки и приладил «мачту». От мачты к берегу тянулась бечева, при помощи которой лодку заводят вверх по реке. Светлая лодка с черными наплывами смолы отражалась в голубой воде Подчерема. Евсей сел на корму и крикнул Татьяне:

— Бери лямку!

В нашем представлении, молодых советских людей, это было несправедливо: Евсей должен был сам тянуть лодку, а Татьяне следовало сидеть на корме. Но Евсей на наши слова так презрительно улыбнулся, что мы даже и возражать не стали. Мы поняли, что Евсей — глава семьи, охотник, добытчик — и в экспедиции не может унизить себя неглавным, по его представлению, трудом. Мы догадались, что он и наше старшинство допускает только потому, что там, в центре, воображает главного для нас человека мужского труда, которому мы с Елизаветой Дмитриевной делаем трудное физическое дело, как и ему — Татьяна.

Мы ошиблись, рассчитывая, что Евсей будет помогать дочери. С другим рабочим мужского пола он работал бы посменно, а Татьяна, как женщина и дочь, была обречена на тяжелую работу во всю первую

Евсей.

половину экспедиции. Тогда Елизавета Дмитриевна решила позволить себе непредвиденный в партии расход на наем лошади, которая и будет тянуть лямку.

И вот мыдвигаемся вверх по Подчерему. На корме лодки, заведя подмышку правой руки рулевое весло и налегая на него с видом беспечным и равнодушным, но зорко поглядывая вперед, сидит Евсей, как всегда, без шапки, и ветер шевелит и свивает в крутые пряди его черные блестящие волосы. Перед ним в корме

поперек лодки лежит «шостик», или попросту шест, которым Евсей изредка «пихается» на мелких местах, но он и этого пытается избежать и ведет лодку «по фарватеру». Посредине лодки на брезентовом тюке с имуществом экспедиции сидим мы в накомарниках с густыми сетками из конского волоса, разложив перед собой карту и компас; нас донимает мошка, по-здешнему — «гнус».

На берегу то «хосниками» — на крутых поворотах реки, то под «щельями» — под выходами каменных пород, верхом на сивом крепком коне едет Татьяна. Она обута в бродни — мягкие шитые сапоги; на ней ватная куртка и желтый ситцевый платочек. Лямка от бечевы накинута коню на шею. Татьяна придерживает ее ногой. Правой рукой она поминутно отстраняет от лица свежие, светлые на концах, еловые лапы. Мы знаем уже, что на привале Татьяна слезет с лошади, поставит ее у дымокура, чтобы не так понимала мошка, а сама, поправив платок, побежит с ведерком за водой и будет налаживать таган, пока Евсей пойдет за сухостойной ливневницей или пихтой на дрова. На этом его роль окончится, а Татьяна будет готовить обед, пока мы разберемся с образцами и записными книжками. Всякое приказание отца она привыкла исполнять беспрекословно.

В первый же месяц нашего пути мы узнали, что Татьяна умеет читать по-русски. Иногда она брала в руки старую газету и, четко и раздельно произнося слова, читала, но видно было — не понимала смысла прочитанного. Однажды я дала ей книжку «Детство» Горького, взятую мной из дома, и она стала было читать вслух. Вдруг глаза ее широко открылись, бледное личико, усеянное веснушками, порозовело, и она стала молча смотреть на нас.

— Ты что? — спросила я.

— Так, — застенчиво ответила она и примолкла.

Больше мы от нее не добились ни слова. Книжку она бережно спрятала в свой ящик.

Зато Евсей сказал, дэвольный:

— Читает свободно, будет за меня молещницей.

— Почему за вас?

— Грешен человек, — сказал Евсей, — а молиться некогда: работа. Пусть девка молится. Через год в монастырь обратно отдам.

Я было представила себе монастырь с каменными домами, собором и колокольной, но вспомнила, что семья Евсея — староверы. Значит, монастырь какой-то особенный.

— Где же этот монастырь? — спросила я.

— На Сынье. И на Тиминке тоже знающие женщины учат грамоте по старым книгам. Вот сами увидите.

Тиминка была маленькая речка, лесная и глухая. Она брала начало с горы Тима-из, «челпан», то есть вершина которой кругло выступала за полосой хвойного леса. На Тима-изе была замечена и наблюдалась магнитная аномалия, туда недавно приехала из центра астрономическая экспедиция; мы встретили ее участников на перевале, и они привезли нам письма двухмесячной давности. Тима-из представлялась нам

местом, где работает человеческая мысль. И вдруг какой-то монастырь!..

Мы расспросили Татьяну и узнали, что восьми лет она была отдана отцом «по обещанию» в монастырь на Сынье. Там ее выучили читать, хотя она по-русски тогда не понимала и выучилась говорить совсем недавно. Через два года отец взял ее домой: понадобилась работница дома. Теперь он снова собирается отдать ее на Тиминку «спасаться», а Татьяна этого не хочет.

Еще до Тиминки мы на одной из рек остановились в деревушке, обозначенной на карте «Потя-керка». «Керка» — на языке коми значит изба, а «Пстя» — сокращенное женское имя Фегинья.

Итак, мы приехали в деревушку из двух изб, справедливо названную по имени главной, видимо, «трудницы и работницы» — Потя-керка.

Евсей всюду был дома. В деревушке этой Татьяна указала нам на черноглазого босого паренка и сказала, что он тоже «Евсейч». В избе, куда мы зашли, мы застали такую поразившую нас картину: муж — коми-зырянин — и молодая его жена сидели за столом; муж деревянной ложкой ел из глиняной миски кашу, а жена читала ему вслух... газету.

Мы познакомились с ними. Хозяин провожал на Тима-из астрономов, получил от них недавние центральные газеты, и вот семья занималась чтением. «В какие глухие места дошла у нас газета и грамотность!» подумала я.

Хозяин наш чрезвычайно всем интересовался и распрашивал нас обо всем, что делалось в стране. Жена его усадила нас и Евсея с Татьяной за стол и пошла к печке вытаскивать «рыбники» — рыбу, целиком запеченную в тесте.

— А вы прочтите это, — сказала хозяйню Елизавета Дмитриевна, просматривая газету и отмечая статью, как сейчас помню, о кооперации.

— Я ведь в грамоте не разбираюсь, — просто сказал хозяин. — Это хозяйка моя грамотная, а я — нет.

— Почему так? — спросили мы.

— Я не успел учиться, а она — в монастыре была. Там их учили.

Я спросила хозяйку, где этот монастырь и какой он. Хозяйка улыбнулась и промолчала: она не понимала по-русски. Муж сказал ей что-то на языке коми. Она засмеялась, ответила мужу, а он перевел нам, что монастырь этот в «Верх-Печоре» — худой, там ничему доброму не учат, а была она там потому, что отец из нее хотел сделать молещницу за себя, только она не стала отмаливать чужие грехи и пошла замуж.

Евсей немедленно велел Татьяне пойти вычерпать воду из лодки. Когда Татьяна ушла, Евсей ворчливо сказал, что нынче молитвенниц за отцовские грехи становится все меньше, а по новому времени грехи сильно растут. Татьяну он все равно отдал в монастырь, а вот для хозяйки, по его мнению, на том свете дело может кончиться очень печально.

Говоря это, Евсей все-таки съел кусок рыбника и макал в чашку со сметаной ломоть ячменного хозяйского хлеба. Гости-риимные хозяева ничуть не смутились от Евсеевых слов, а хозяйка даже посмеялась. Я спросила его:

— Как же это: жена читает по-русски, а не понимает, а вы не умеете читать, а понимаете?

Татьяна.

Старуха.

— Да, так это и есть, — сказал он. — Я русский язык хорошо понимаю, а грамоте не учился. Место наше глухое, да и времени не было: все на работе да на работе. Жену учили по женской грамотности — читать без понятия. Вот из нас двоих и получился один грамотный человек. Собираюсь теперь у нее грамоте учиться.

Эта встреча еще больше усилила наше желание побывать в деревне Тиминка.

Мы ехали по Тиминке уже второй день. Речка была совсем узенькой. Берега ее были лесные, дремучие, и высокие травы нависали над нашей лодкой. По таким берегам трудно тянуть лодку сечевой. Бечева цепляется за ветки, лодка подтягивается близко к берегу, а бечева в это время срывается, и снова лодку относит вниз.

Наконец пошли места почище. Только бы тянуть вверх, а Татьяна остановилась.

— Вот и Тиминка, — сказала она, поворачиваясь всем своим тонким станом и наклоняясь к нам с лошади в желтом своем плащике и в ватной, порванной ветвями куртке.

Евсей направил лодку к берегу. Мы вышли. Густая трава доходила нам до плеч. Синие акониты колебались на уровне глаз, белые метелки медунцы тонко и нежно пахли. Высокие «дудки», которые так любят обкусывать медведи, поднимались, словно небольшие деревца. Буйное, свежее раздолье трав обрамлялось темнозеленой каймой леса, и на солнечном припеке про все это хотелось сказать: «Благодать!» — только не монастырская, а милая человеческому сердцу живая благодать.

Маленькие избушечки, темные от времени, словно почерневшие на дожде стожки, выступали из высокой травы. К ним вела узенькая тропинка. Мы пошли по ней.

У избушки на черном, прогнившем пороге стояла старуха, тоже маленькая и темная. Лицо у нее было кругленькое, в морщинах, как печеное яблоко. Маленькие глазки ее смотрели на нас с беспокойством, но, увидав Евсея и Татьяну, она заулыбалась и, поджав на груди руки, низко поклонилась сначала им, потом нам; Татьяна поклонилась в ответ поясным поклоном. Около старухи, подняв русые головенки, стояли две девочки лет по семь-восемь. По лугу, шевеля траву, бежали по направлению к нам еще детишки.

Старуха обернулась назад, заглянула внутрь избы и крикнула:

— Вась! А Вась!

Из избы выскочил кругломорденький Вась, человек постарше девочек годом или двумя, и по приказанию

Услышав мои шаги, Татьяна подняла голову.

старухи куда-то побежал. Через несколько минут, в которые — мы потом узнали от Татьяны — старуха напоминала Евсею, что они ждут Татьяну к себе, из второй избы вышла и медленно приблизилась к нам вторая старуха. Она была худощава; тревожный, мрачный и повелительный блеск глаз безошибочно указывал на ее старшинство среди остальных. За ней подошли еще две старые женщины. Их, видимо, встретило наше прибытие.

Но Евсей сумел так показать наше малозначительное, по его разумению, дело, что старухи согласились, и мы вошли в избу.

На грубых, закопченных полках лежали рукописные книги, старинные и новые, которые мы встречали не раз в деревнях и селах Печорского края. Среди книг были отдельные листы со стихотворным текстом. Пока мы рассматривали книги, в избу без шума и смеха, робко входили маленькие девочки. Только Вася, единственный мальчик среди них, вел себя по-детски, пробегая туда и сюда. Главная из старух раздала девочкам листы со стихами. Глядя в них и разбирая стихотворный печатный текст, дети запели.

Представьте себе темную, низкую, закопченную избу с грубо сделанной русской печью, небольшое оконце,

составленное из четырех маленьких стекол, неопрятных серых старух, сидящих на скамье, и напротив них шесть белых головок синеглазых, очень худеньких девочек. Они пели:

...Же-ена Ло-ота о-огля-ну-лась,
В столб со-оле-еный о-обер-ну-лась.
А-ау-я! А-ау-я!

Две ученые советские девушки сидят против старух на лавке. Евсей, нагнув под потолком черную лохматую голову, — по его росту изба низка, — слушает с одобрением. Татьяна как положила руку на голову ближней девочки, так и застыла в умилении, полукрыв губы. А девочки стих за стихом поют повествование о гибели Содомы и Гоморры и о всемирном потопе, когда...

...И-и всем ста-ало о-оче-вид-но,
Что-о зем-ли-и сов-се-ем не вид-но.
А-ау-я! А-ау-я!..

Мы долго слушали стих за стихом с чувством, похожим на тяжелый сон. Когда мы вышли из избы, великоленные луга, разнообразная прелесть трав, дыхание близко струящейся воды, сияние света на изгибах листьев и лепестков — все показалось нам таким чудом. Не верилось, что светлые головки сейчас в избе пели бессмысленную чепуху о Лоте и его жене. Скуда-то «по обещанию» и отдавали детей шугорские староверы. Дети их выучивались читать по-русски, не зная русского языка.

Любой грех отцов, который требуется замалывать, был меньше греха обучения ребенка в таком монастыре. Я сказала об этом Евсею, и мы с ним поссорились. Он мне не поверил. Он был убежден, что женщине положено нести главный труд в жизни и ей ни к чему понимать смысл даже и в молитве.

Я долго думала над этой странной грамотностью. В иные дни мне казалось, что надо только прогнать с Тиминки старух и забрать от них детей, и все будет хорошо. Но тут же я представляла, сколько еще у нас таких Тиминок, которых мы не знаем. Вспоминать детские лица и это пение в монастыре было тяжело.

Однажды, уже на Шугоре, в деревне Большой Патоки, в праздник «преображения», который мы отвели нашим рабочим по их просьбе как очередной выходной день, я увидела Татьяну. Она сидела у реки, склонясь над книгой Горького. Вокруг ее головы столбом стояли мошки и вились комары. Она махала веточкой над головой и не отврывалась от чтения.

Услышав мои шаги, Татьяна подняла голову. Милая, застенчивая, свойственная ей улыбка появилась у ней

на лице. Глаза ее светились и грудь высоко поднялась, когда она, вздохнув, опустила книгу на колени.

— Что? Читаешь? — спросила я.

— Читаю, — ответила она смущенно. — Где Евсей?

Она боялась, что отец, которого она называла Евсей, увидит ее и велит итти к девкам. Но Евсей крепко спал на сеновале.

— А понимаешь?

Она кивнула головой и улыбнулась.

— Тут все про жизнь написано... — И стала рассказывать о себе.

Раньше ей казалось, что все равно написанного понять нельзя. И вдруг увидела в книге простые слова, понятные ей. Она не представляла себе, что простые дела и мысли человека могут быть записаны на бумаге и другой человек может прочесть их. То, что она знала до сих пор, был для нее мертвый язык, слов и смысла которого она не понимала, а произносила механически. И вот теперь слова ожили, и Татьяна стала грамотной.

Я поняла, что в тот раз, когда я увидела ее изумленные, широко открытые глаза, я присутствовала при втором рождении человека, когда он впервые сознательно открывает глаза на широкий мир.

Немало с тех пор и Елизавета Дмитриевна и я исколесили дорог по нашей стране, но путешествие, которое человек сделал в юности, всегда хочется повторить. Свежесть восприятия сохраняется и природу и людей живыми. Не чем больше я думаю о прежних поездках, тем яснее вижу, что повторять их невозможно. Два десятка лет, время, малое для природы, оказалось большим временем в жизни нашей страны.

Теперь на Печору проще ехать. Ниже устья Пугора Печору пересекает железнодорожное полотно, и по нему из Воркуты везут уголь. Геологи хорошо поработали на Северном Урале. Но по Северному Уралу сохранились и оберегаются и заповедные лесные места, где по «радищкам» — болотинам — медведи подбирают морошку и обгрызают высокие «дудки» на цветущих лугах.

В прошлом году я встретила человека с верховьев Шугора, одного из родственников Евсея. Это был повоевавший, выдавший многое человек. Когда я спросила его, живы ли Евсей и Татьяна, он ответил, что Евсей встречать давно не доводилось, а Татьяну видел незадолго перед войной: она учительствовала на Малом Патоке. Про монастыри же сказал смеясь:

— Что вы! Это же бог знает когда было. Этого же у нас никто не помнит.

ЖИЗНЬ И НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Капитан-лейтенанта
ГОЛОВНИНА
путешественника
и
МОРХОДЦА

Р. ФРАЕРМАН и П. ЗАЙКИН

Морская повесть (продолжение)¹

Рисунки Н. Витинга

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ДИКАРЯМИ

Клянки пробили полночь.

Головнин все не уходил с палубы, где теперь оставались только вахтенные. Сон бежал от его глаз, с напряжением вглядывавшихся в ту сторону, где лежала бухта Резолюции, в которой Кук стоял со своими кораблями тридцать лет назад.

Наконец Василий Михайлович мог сказать: «Да, сбылась моя детская мечта».

Он был первый из европейцев, кто пришел сюда после Кука. И он с нетерпением ждал утра.

А где-то, в стороне гавани, продолжал шуметь бурн. Это говорило его опытному уху моряка о том, что нужно быть осторожным. Этому таинственному, неизвестно что зылящему шуму прибора отвечали мысли, рождавшиеся в мозгу Василия Михайловича. Они тоже не были спокойны. Первая радость осуществившейся мечты всей жизни незаметно потухала, ее сменило теперь размышление о том, как встретят его жители этого острова.

Неужто и ему придется, хотя бы для острастки, как Куку, познакомиться этих чернокожих детей с громом европейских пушек?

Нет, он постарается не прибегать к этой мере до последней возможности.

После полуночи тучи рассеялись, и с ними исчезло и зловещее зарево в небе, которое теперь осыпалось звездами, и среди них его привычный глаз сразу нашел и столь хорошо знакомую с детства северную Большую Медведицу и Южный Крест — созвездия другой половины Земли.

Он стоит со своим шлюпом на той грани планеты, откуда видны созвездия двух полушарий. Но на той ли грани и человеческой культуры находится он?

И он сам со своими сложными мыслями, со своими знаниями, со своим кораблем, совершенным и по снаряжению и по своим пушкам, — это одна половина мира, и тут же рядом в несколько кабельтовых, за шумом бурунов, притаилась в темноте другая половина — колыбель человечества, люди, еще не знающие одежды, вооруженные деревянными копьями, уродующие ради мнимой красоты свои лица, не ведающие труда, даже пропитание себе добывающие в приятной праздности.

Счастливы они или нет? Прав или не прав тот спокойный француз с острым умом, что сочинил «Новую Элоизу» и «Эмиля» и потряс умы человечества новизной своих мыслей. Тот, кого так любил и дядюшка Максим, и инспектор корпусных классов Никитин?

И не лежит ли на нем, на Головнине, как на представителе культуры, обязанность внести в этот мир, лежащий по ту сторону буруна, свет знания, высших понятий, всей совокупности тех благ, что приносит человеку просвещенный гуманизм, с которым он сам познакомился в домике Никитина в Кронштадте и который так пришелся ему по душе?

Когда-то все люди просвещенного ныне Запада стояли на той же ступени развития, что и жители этих островов.

Не ясно ли отсюда, что цвет кожи еще ничего не говорит, что все нации равны, имеют одинаковое право на место под солнцем и на счастье? Не ясно ли отсюда, что он должен относиться к здешним дикарям, как к детям?

Его пытливый ум, его сознание человека, критически мыслящего, разбирающегося в том, что хорошо и что дурно в общественной жизни людей, его сильное влечение к естественным наукам, наконец, его стремление к открытию новых земель и народов, — все это говорило о том, что он пришел сюда не для того, чтобы отнять у беспомощных дикарей-островитян их жалкие

¹ Начало см. «Вокруг света» №№ 1, 2, 3-4, 5-6.

блага, а для лучшего познания мира, в котором просвещение и культура должны быть достоянием всех народов.

В тишине ночи, под этими яркими звездами так хорошо думалось, и мысли получали размах гигантских крыльев, которые, казалось, приподымали его от земли.

И Василий Михайлович совершенно не заметил, как стало светать. К нему подошел стоявший на вахте Мур, протянул свою подзорную трубу и, показывая в сторону острова, сказал:

— Посмотрите, что там делается...

Головнин навел трубу по указанному Муром направлению и увидел, что гавань Революшин, в которую он собрался войти для стоянки, представляла собой небольшую заводь, вход в которую в значительной своей части был прегражден рифом с кипящим над ним буруном. Шум этого буруна он и слышал всю ночь.

И здесь, как и вчера на острове Анатом, на берегу суетилось множество черных нагих островитян, вооруженных от мала до велика длинными рогатинами и дубинами. Они подавали какие-то знаки, махали руками и, видимо, приглашали пришельцев подойти ближе.

Увидев риф, Головнин приказал поставить паруса и пройти до конца его, пользуясь ветром.

Но едва успели поставить паруса, как ветер сразу упал, и судно стало валить зыбью на рифы.

— Бросить лот! — скомандовал Головнин.

Лот был брошен, но показанная им глубина была слишком велика для якоря. А шлюп между тем продолжало тащить к рифам.

Василий Михайлович сразу понял опасность, грозящую кораблю.

— Свистать всех наверх! — приказал он. — Спустить на воду все гребные суда!

Палуба загрохотала от десятков бегущих ног, закричали блоки, на которых гребные суда одно за другим были спущены на воду в течение нескольких минут.

Взяв на буксир шлюп, они стали отводить его от бурунов, но морская зыбь была сильнее людей. Несмотря на нечеловеческие усилия команды, она продолжала гнать судно на камни.

Люди — и матросы и офицеры — работали с таким напряжением, что под напором весел гребные суда, казалось, готовы были выпрыгнуть из воды, но шлюп попрежнему шел на бурун и тащил их за собою.

Взоры их устремились на паруса, — в них была единственная надежда. Но паруса даже не полоскались, так неподвижен был воздух.

Что же это? Гибель? Неужели прошли двадцать пять тысяч верст среди великих трудов и опасностей, томилась больше года в Симанской бухте, столько раз рисковали жизнью, страдали, мечтали — и все это лишь для того, чтобы погибнуть на этих безвестных камнях, которых даже нет ни на одной карте, и послужить пищей для диких островитян?

Неужто здесь они найдут свой страшный конец? Нет, не может этого быть! Да, не будет!

Матросы с напряжением отчаяния буровили веслами спокойную океанскую воду.

Но Головнин ясно видел предстоящую гибель и судна, и команды. Он чувствовал, что сейчас, как и в ту ночь, когда на мачтах «Дианы» горели огни св. Эльма, взоры всех устремятся на него. Только в нем эти люди видели последнюю надежду на спасение.

Но сейчас он был почти так же бессилен, как и они. И это было для него мучительнее, чем самая смерть.

— Что ты думаешь делать, Василий Михайлович? — с тревогой в голосе спросил его Рикорд, стоявший рядом.

Внешне Головнин был спокоен, как обычно, но бледность лица выдавала его волнение.

«Взять оружие, съестные припасы и всем садиться в шлюпки», готов был ответить он.

Однако всегдашняя его выдержка, не раз спасавшая положение, пришла на помощь и сейчас.

Он ничего не ответил.

Он продолжал смотреть на медленно приближающиеся страшные буруны, как бы мысленно измеряя расстояние между ними и шлюпом, решив отдать уже готовую команду в последнюю минуту.

Но вдруг паруса слегка зашевелились, — казалось, шаловливый ветер решил поиграть ими. Но то была не игра. Еще минута — полотнища их напряглись, наполнились ветром, и «Диана», рванувшись с места, как живая, быстро прошла мимо бурунов.

Матросы, бывшие у парусов, работали с такой нечеловеческой энергией и быстротой, что привели в изумление и восторг даже их капитана, уже давно убедившегося в высоком искусстве и проворстве своей команды.

Лавируя, шлюп прошел в нескольких саженях от последнего подводного камня, которым кончался риф.

«Диана» вошла в гавань, и перед взорами путешественников открылось спокойное зеркало глубоко вдававшегося в сушу залива, войти в который их попрежнему приглашали островитяне, толпившиеся на берегах и приветливо махавшие руками.

Головнин положил шлюп в дрейф и послал штурмана Хлебникова с несколькими матросами на шлюпке осмотреть залив. При этом он сказал ему:

— Возьмите с собой оружие, но пускать его в ход разрешаю вам лишь в случае крайней опасности. Ежели что — дайте выстрел в воздух.

Но Хлебникову не пришлось прибегать к этой крайности. При входе его шлюпки в залив, ее встретили двое диких на кану с зелеными ветвями в руках. То был знак мира.

Хлебников обласкал их, подарил дикарям несколько холстинных полотенец и бисеру, взятых им с собой по указанию Головнина. Островитяне отарили его кокосовыми орехами. Они казались простодушными и миролюбивыми.

Хлебников беспрепятственно осмотрел залив. Однако на всякий случай матросы, сопровождавшие его, держали заряженные ружья в руках, все время внимательно следя за дикарями, которые следовали за ними теперь уже на нескольких кану.

Головнин, в свою очередь, наблюдал за всем происходившим в заливе с палубы корабля, не отрываясь от подзорной трубы. Один из бомбардиров, по его приказу, стоял с дымящимся фитилем у пушки, заряженной одним порохом, готовый каждую минуту поднести огонь к затравке.

Гавань оказалась тех самых размеров, как указывал Кук, что служило лишним доказательством того, что это действительно была бухта Резолюшин, которая обещала вполне спокойную стоянку, так как была открыта лишь для северных ветров.

Шлюп между тем был окружен со всех сторон десятками кану с островитянами, которые, размахивая длинными зелеными ветвями, приветствовали его восторженными криками:

— Эввау! Эввау!

Это были те самые слова, которыми когда-то в детстве он приветствовал разжалованного из казачков Гишку, спешившего куда-то мимо барского дома с белым гусем в руках.

Головнин поманил к себе пальцем гардемарина Якушкина и попросил его подать ему лексикон.

Якушкин достал из кармана и почтительно подал ему составленный им по Форстеру¹ краткий лексикон слов, употребляемых жителями острова Тана.

Головнин стал просматривать словарь, выискивая чуждые ему слова вроде: ани — есть, нуи — пить, тавай — вода, буга — свинья и прочее.

¹ Форстеры — отец и сын — натуралисты, сопровождавшие Кука в его первом путешествии в Тихий океан и составившие описание этого путешествия.

И на него так и пахнуло Гульёнками... Ему представилась его просторная детская спальня, ветви старого дуба, лезущего в открытое окно, запах какого-то лекарственного снадобья в воздухе и он сам, Вася, в халатике, сидящий на подоконнике с толстой французской книжкой в руках.

Где же это он находится: в Гульёнках или на диком острове Тихого океана? И тот самый Тишка, которого он тогда приветствовал из окна своей спальни, вертится где-то здесь, на корабле.

И от этого видения детства кажутся ему еще ярче.

Крики дикарей возвращают его к действительности. Они продолжают теперь неистово орать с другой стороны шлюпа. И оттуда до него доносится дружный хохот матросов, сгрудившихся на борту.

— Что там такое? Чего они хохочут? — спросил Головин у проходившего мимо Рудакова, заметив на его лице еще сохранившуюся улыбку человека, который только что весело смеялся.

— То дикари приветствуют вашего Тихона.

Действительно, там в толпе матросов стоял Тихон с пустым ведром на голове и делал гримасы дикарям, которые восторженно кричали ему со своих кану.

— Эввау! Эввау!

Хохотавшие матросы при виде капитана разбежались, а Тишка, не замечая стоящего за его спиной Головина, продолжал ломаться.

— Ты что это делаешь? — строго спросил Василий Михайлович.

Тишка смутился.

— Дряжно дикарей, — сказал он.

— Для чего?

— А им любо. Гли-кось, как ревут! Ведро мое им дюже полюбилось.

Действительно, дикари продолжали восторженно

приветствовать Тишку. Среди их криков можно было разобрать часто повторяемое слово «арроману».

Головин заглянул в словарь и рассмеялся... Это слово означало — человек, начальник.

Он перестал смеяться и сказал серьезно Тишке:

— Не дури! Ты мне все тут запутаешь с дикарями. Скинь ведро и уходи.

Тут же внимание Василия Михайловича привлекла к себе большая кану, в которой стояли во весь рост трое совершенно нагих, рослых, стройных дикарей с телом темнокаштанового цвета, в набедренных повязках из древесных волокон. Один из дикарей имел особенную солидную осанку. Правая половина его лица была раскрашена в полосу белой краской, а левая — красной.

Пышные волосы его были связаны в сотни тончайших косичек, которые торчали снопом. В этот сноп была воткнута довольно длинная тростинка, обвешанная разноцветными птичьими перьями. Тело дикаря было украшено зажившими рубцами от надразов, на тертых теми же красками. В носу у него, в разрезанной и оттянутой переносице, была вставлена деревяжка, а в столь же безобразно оттянутой нижней губе — зеленый камень. В ушах у него были проделаны большие дыры и в них продеты огромные черепаховые кольца, на руках нанизано множество браслетов из скорлупы кокосовых орехов, украшенной резьбой.

Двое других дикарей, находившихся в той же кану, имели более скромный вид: лица их были менее изуродованы и не носили следов раскраски. В обращении их с первым дикарем проглядывали почтительность и уважение.

— Кто же сие страшилище? — сказал Рикорд, указывая на особенно разукрашенного дикаря.

— Я думаю, что это их арроману, — ответил Головин.

Лавируя, шлюп прошел в нескольких саженях от последнего подводного камня, которым кончился риф.

Между тем кану с тремя островитянами подошла к самому борту «Дианы», и находившиеся в ней дикари знаками показали, что они хотят подняться на корабль.

Неуемное любопытство светилось в черных бархатных глазах дикарей, смотревших на белых людей с наивным простодушием детей.

«Непуганые, — подумал Головнин. — О, сколь приятно видеть человеческие существа, еще не знающие страха перед европейцами!»

Он велел спустить трап, и дикари живо поднялись на шлюп, но вместе с этой тройкой успело проскочить и еще с десяток голых островитян.

Головнин подошел к дикарю с раскрашенным лицом и спросил его:

— Арроману?

— Арроману, арроману! — хором ответили дикари, не выражая при этом никакого удивления по поводу того, что прибывшие к ним белые люди знают их язык.

Это заинтересовало Головнина.

Принимают ли они белого человека за божество, которое обязано знать все на свете, как утверждают некоторые англичане-путешественники? Нет! То измышление самого белого человека, который ставит себя выше других. Так почему же эти черные люди не удивляются, что мы знаем их язык? Ужели то — простая дикость людей, кои никогда не были дальше своего острова и простодушно полагают, что мир населен только ими и им подобными?

Василий Михайлович с большим интересом наблюдал за дикарями. Начальник островитян поднял руки над головой и сделал ими какой-то вопрошающий жест, одновременно изобразив удивление на своем изуродованном и все же добродушном лице. При этом он тоже вопросительно произнес, ткнув Головнина пальцем в грудь:

— Арроману?

Матросы, при появлении дикарей снова собравшиеся на борту, рассмеялись, поняв недоумение дикарей. А Шкаев, сделав одной рукой красноречивый жест, как бы кого-то толкая в шею, одновременно другой указал дикарю на Головнина и наставительно сказал:

— Вот куда гляди-и! А то, — он сделал жест в сторону откуда-то вывернувшегося Тишки, — а то — тьфу!

И он даже плюнул, но, однако, не на палубу, а за борт в силу своей морской чистоплотности.

Дикари сразу поняли Шкаева и одобрительно закивали головами.

Желая узнать, как зовут предводителя островитян, Василий Михайлович стал вычитывать по словарнику имена, тоже выписанные у Форстера, одновременно указывая пальцем на разрисованного островитянина:

— Фонакко? Иогель? Ята?

Дикари очень быстро поняли вопрос, засмеялись в один голос и стали твердить:

— Гунама! Гунама!

Тогда Головнин показал рукой на берег и произнес: «Тавай! Нуи!», что означало: «Вода!», «Пить!»

Гунама сразу же понял, чего от него хотят, и указал в ту сторону берега, где, по описанию Форстера, брал для своих судов воду и Кук.

«Сколь же они сообразительны! — думал Головнин, глядя на стоявших перед ним нагих островитян с раскрашенными лицами. — До чего люди легко понимают друг друга даже при такой разнице в своем развитии, как между сими дикарями и нами.»

И тут же, как бы в вящее доказательство своей понятливости, дикари на вопрос Головнина, составленный им по лексикону, сразу перечислили названия островов своего архипелага, причем эти названия ока-

зались совершенно сходными с приведенными Форстером.

Это так ободрило Головнина, так уверило его в уме и сообразительности дикарей, что он решил сообщить своим гостям сведения и о себе. Он показал им знаками, что пришел со своим кораблем издалека, что прибывшие принадлежат к многолюдному и сильному государству, которое называется Россией, и что имя корабля, на котором он пришел, «Диана».

Но из всего этого островитяне поняли лишь одно, а именно, что его самого зовут «Дианой».

Это почему-то так обрадовало Гунаму и его товарищей, что, подбежав к борту и указывая сидящим в кану дикарям на Головнина, они подняли восторженный крик:

— Диана! Диана!

Так эта кличка и осталась за Головниным на все время его пребывания на острове Тан.

Для первого знакомства он одарил дикарей топорами, ножами, ножницами, бусами, что им очень понравилось.

Но тут произошел следующий, весьма печальный для лекаря Бранда случай...

Островитяне, прорвавшиеся на шлюп вслед за Гунамой, разбрелись по всему кораблю. Хотя их одних не пускали никуда, но они успели побывать во многих помещениях, приходя от всего в изумление и восторг.

Особенно им понравился колокол, которым отбивались склянки, и зеркало. Когда звонили в этот колокол, они издавали радостные звуки, как маленькие дети, их лица, не лишённые мысли и приятности, расплывались в улыбку, и они начинали прыгать от восторга.

Когда гардемарин Якушкин показал им зеркало, приблизив его к лицу одного из дикарей, тот, увидев в нем свое изображение, выхватил зеркало из рук Якушкина и заглянул с обратной стороны, потом снова посмотрел в стекло и опять перевернул его и так делал до тех пор, пока его соплеменник, терпеливо ожидавший своей очереди, не вырвал у него из рук эту диковинку и не начал проделывать с нею то же самое, что и первый.

Это несколько удивило Головнина, продолжавшего внимательно наблюдать за своими гостями, наводя на мысль, что островитяне, несмотря на всю свою понятливость, все же недалеко ушли от маленьких детей. Имея постоянную возможность наблюдать в воле изображение свое, неба и деревьев, они, казалось, не должны были так удивляться свойствам зеркала.

Пробрались дикари и в каюту Бранда.

На стенах его каюты висели вышитые бисером по шелку изречения на немецком языке, вроде: «Завтра-завтра, не сегодня, — так ленивцы говорят», открытые сумочки, украшенные бантиками и ленточками, для писем и прочей бумажной мелочи, портреты в расшитых шелками и бисером рамках.

И как ни пристально наблюдал Бранд за дикарями, один из них все же ухитрился стащить и унести с собой миниатюрный портрет его жены Амальхен. От Бранда островитяне сунулись было в каюту Мура, но тот первого же из них вышиб ударом ноги.

Побелевший от испуга и боли дикарь схватился за живот, бросился бежать и хотел прыгнуть через борт в воду, но его успели удержать и успокоить. Головнин подарил ему нитку бус, горсть бисера и лоскут кумача. А Мура вызвал к себе в каюту и, вопреки своему обыкновению, сделал ему выговор в очень резкой форме.

— Первое — это недостойно порядочного человека и офицера, — сказал он возмущенно и взволнованно. — Сие одно и то же, что бить ребенка. А второе — вы могли поднять таким способом против нас дикарей, а их здесь более тысячи. Благодарю бога за себя и за вас, что сего не случилось.

Один из дикарей имел особенно солидную осанку.

Настала вторая ночь на острове Тана. Она была значительно темнее первой, ибо вулкан только дымил, словно отдыхая. А едва уловимое кожей лица прикосновение чего-то почти невесомого свидетельствовало о том, что вместе с дымом вулкан выбрасывает и тончайший пепел. Временами были слышны и глухие удары, подобные отдаленным раскатам грома, и такой гул, словно где-то недалеко по мостовой катили пустые бочки.

В воздухе чувствовался запах серы.

Опять шумели буруны. На берегу неведомая ночная птица ритмично и бесконечно выкрикивала какой-то один унылый слог. Больше эта тропическая ночь никаких звуков не рождала. Было так тихо, что Головнин, вышедший после ужина на юг, слышал, как в кармане его мундира тикают купленные в Лондоне часы.

В этих широтах стояла зима, когда природа отдыхала, дневная жизнь была замедлена, а ночной и совсем не было заметно, — в воздухе не сновали светящиеся насекомые, бодрствующие ночью животные молчали как бы из уважения к отдыхающей природе.

Но сама природа была ласкова. Ночь была теплая, чуткая, обостряющая слух и воображение, рождающая грезы, заставляющая мысль работать глубже и сильнее биться сердце.

Было 26 июля 1809 года.

Вчера исполнилось ровно два года, как «Диана» покинула Кронштадтский рейд. Но в трудах и опасностях, с коих началось вчерашнее утро, об этой годовщине забыли.

А вот сейчас при тихом свете звезд, всегда так умиротворяюще действовавших на душу Василия Михайловича, он вспомнил об этом. Уже два года! Два долгих года они оторваны от родины, от друзей, от близких сердцу.

Что делается там? Идет ли еще война, или уже наступил мир? Даже и этого они здесь не знают.

С дороги он послал частное письмо морскому министру, в котором просил разрешения в случае войны возвратиться в Петербург сухим путем через Сибирь, чтобы принять со всей командой участие в войне. Скоро они будут в Охотске, но не устареет ли ответ министра?

А близкие? Живы ли, здоровы ли они? Разлученные пространством, они не могут подать друг другу даже самой краткой вести о себе.

Вечно ли так будет? Может быть, так думающий Рикорд прав? Нет, он верит в то, что гений человеческий когда-нибудь преодолет пространство, и то, что ныне совершается подвигничеством немногих, делается достоянием всех, и человек покидающий родину, более не будет уподобляться отшельнику, покидающему друзей и родных, отказывающемуся от привычной жизни на многие годы.

Так думал Василий Михайлович, стоя на палубе своего корабля под яркими южными звездами, у берегов неведомой земли, населенной дикарями.

Но вот небо посветлело, почернел дым, валивший из кратера вулкана, зазолотилась верхушка его конуса, и на берегу началось движение. Из леса стали выходить в одиночку, парами, группами островитяне, вооруженные копьями, луками, дубинками и пращами.

Многие из них несли продукты своей земли: кокосовые орехи, корень ям, хлебные плоды, бананы, сахарный тростник — все, чем они были богаты зимою.

Собравшись на берегу, дикари расположились со своим товаром у самой воды, терпеливо поджидая гостей со шлюпа. Но на палубе его было еще пустынно: там стояли лишь часовые да в положенное время отбивали склянки, и звук судового колокола разносился по всему заливу, как благовест на глухом лесном побережье где-нибудь в Калужской губернии.

Наконец один из дикарей крикнул:

— Диана!

И все берега залива огласились дружным криком многих сотен людей:

— Диана! Диана!

Услышав эти крики, Головнин улыбнулся и сказал: — Пора ехать, островитяне ждут нас. — И велел нешему вахту Хлебникову спустить на воду два вооруженных фальконетами баркаса с командой и товарами для обмена с дикарями.

Надевая сабли и рассовывая по карманам пистолеты, Василий Михайлович говорил Рикорду:

— Петр, ты остаешься на шлюпе. Держи пушки в полной готовности, а также и добавочную вооруженную команду на всякий случай. Береженого и бог бережет. Будем помнить, что Кук погиб из-за своей неосмотрительности.

Но, к радости Головнина, эти предосторожности оказались излишними. Дикари были настроены самым мирным образом. И хотя на берегу их собралось более тысячи и все они были вооружены, но нападать на пришельцев не собирались. Некоторые из них стояли группами, обнявшись, как на буколических картинках, другие держались за руки, как дети.

Между тем, когда люди Кука в первый раз высадились на берег, дикари не пустили их. Кук велел выпалить из ружья в воздух, и тогда один из дикарей повернулся к стрелявшему спиной и шлепнул себя несколько раз рукой по мягким частям, что по обычаю, принятому у всех племен Тихого океана, означало вызов на бой.

«Нас дикари встречают лучше», подумал Головнин по пути к берегу и поспешил предложить Гунаме, подплывшему к его шлюпке на своей кану, пересечь к нему. Гунама охотно принял это приглашение, как молодой, перепрыгнул через борт шлюпки и сел на скамейку рядом с Головниным.

Он держал себя уже как старый знакомый, был весьма разговорчив и в то же время не сводил глаз с блестящих пуговиц на куртке Головнина, который не догадался прикрыть их чехлами, в то время как бывшие при нем сабля и ружье были обтянуты синей китайкой, чтобы не смущать дикарей своим блеском и не вызывать у них желания овладеть этими предметами.

Высидевшись на берег, Головнин знаками показал Гунаме, чтобы тот велел островитянам отойти от высидевшихся, если они не отнесут своего оружия в лес.

Гунама что-то сказал дикарям. Многие из них бросились в ближайшие кусты, оставили там свои кепки и луки и лишь после этого возвратились к берегу. Большинство же хотя и не разоружилось, но стало со своими дубинками поодаль.

Начался меновой торг. Василием Михайловичем выменивались не только продукты питания, но и предметы личного обихода и оружие дикарей — для музея Академии наук.

Открыл торговлю островитянин с курчавой бородой и веселыми черными глазами. У его ног лежал кореньям весом в полпуда и горка кокосов. Головнин предложил дикарю топор, причем матрос Симанов тут же, на первом дереве, показал, как с ним обращаться.

Дикарь схватил топор и юркнул в толпу, показывая этим, что обмен состоялся. Но когда другой островитянин выменял связку сахарного тростника на нож, он возвратил топор и просил обменять его на подобный же предмет.

Затем в таком же порядке он сменял нож на ножницы, а ножницы на щепотку блестящего бисера и на том услоконлся.

«Сни дикари, как малые дети, — думал, глядя на них, Головнин, — или как иные женщины, чей взор привлекается не тем, что дает пользу, а тем, что блестит».

Дикари охотно расставались даже со своим оружием, которое отдавали за различные безделушки вроде медных колец, блестящих пуговиц, лоскутков яркой ткани и других мелочей.

К концу торго не только Головнин, выменивавший вещи для экспедиции, но и его офицеры и даже матросы наменяли много копий, луков, пращей. Не удалось получить только ни одной дубинки, которые выдывались дикарями с большой тщательностью из весьма крепкого дерева казарини, на обработку которого при помощи острых раковин и человеческих зубов требовалось немало времени.

Еще оживленнее шла мена украшений. Дикари весьма легко расставались со своими раковинами, черепаховыми кольцами и кусочками дерева, которыми были украшены их лица, охотно отдавая все это за лоскутки кумача и матросские пуговицы. Они отказывались расставаться только с кусочками какого-то зеленого камня, может быть, потому, что он добывался где-нибудь на другом острове, а может быть, и потому, что считался талисманом.

Гунама во время этого торго куда-то удалился и вскоре приволок за задние ноги пронзительно визжавшего буро-черного поросенка, за что получил от Головнина большие ножницы, несколько парусных иголок и горсть бисера.

Этот тихоокеанский поросенок визжал совершенно так же, как его обыкновенный российский собрат, и тем привел в умиление матросов.

— Ишь, верещит, ровно нашинский, тверской, — говорили они и, почесывая ему бока, старались успокоить четвероногого островитянина.

Находясь среди дикарей, Головнин внимательно присматривался к их украшениям, надеясь увидеть среди них что-нибудь, свидетельствующее о пребывании Кука на этих островах: кольцо, сережку, простой гвоздь, протертый в ноздри. Но лишь у одного дикаря заметил он на шее топор, да и тот накануне был подарен ему самим Головниным.

Перед возвращением на шлюп Василий Михайлович помянул к себе Гунаму и, показав ему десять растопренных пальцев, сказал:

— Буга! — желая купить десять свиней для команды.

Гунама, повторив его жест, пристроил к своей голове рога из рук, явно требуя за каждую обыкновенную свинью бугу с рогами, очевидно, разумея под этим корову или козу, виденные им у Кука.

К сожалению мореплавателей, ни одной буги с рогами на «Диане» давно уже не было, и потому этот торго состояться не мог.

Вечером островитяне во главе с Гунамой снова приезжали на шлюп. Увидев пушки, они сделали испуганные лица и поспешили отойти подальше, показывая знаками, что это очень страшная вещь.

— Вот доказательство того, что дикари видели у Кука не один рогатый скот, — заметил Головнин Рикорду, успокаивая своих гостей.

У одного из островитян, явившихся на шлюп, болтался подвешенный к носу портрет Амальхен. Увидев это, лекарь Бранд с криком: «Майн гот!» — бросился к похитителю его семейной реликвии и вырвал бы ему ноздри вместе с портретом, если бы Рикорд не удержал его за руку и не помог освободить дорогую ему вещь безболезненно для дикаря.

Все присутствующие при этой сценке, особенно Тишка, громко смеялись, за что были осуждены Головниным, который сказал им:

— В сем ничего достойного осмеяния нет. Поставьте себя каждый на место Богдана Ивановича и подумайте...

А Рудаков отвел расплакавшегося в конце концов дикаря к себе в каюту и постарался его утешить.

На другой день, воспользовавшись хорошей погодой, Начатиковский развесил для просушки имевшиеся на шлюпе флаги всех держав, и «Диана» разукрасилась, как цветами, яркими полотнищами самых разнообразных цветовых комбинаций.

Это привело толпившихся на берегу дикарей в такой восторг, что они бросились в свои кану и с криками: «Эвау! Эвау!» — направились к шлюпу.

Головнин пустил их на палубу и, желая сделать приятное своим гостям, велел гардемаринам Филатову и Якушкину, любившим рисовать, расписать некоторым из дикарей лица разноцветными красками, имевшимися в его рисовальном ящике.

Когда размалеванные в самые яркие колеры островитяне показались на берегу своим соотечественникам, те толпами устремились на шлюп и потребовали, чтобы и их раскрасили таким же образом, показывая знаками, что у них имеется лишь три краски: черная, белая и красная.

— Что прикажете делать, Василий Михайлович? — обратился Филатов к Головнину. — Ваших красок не хватит на такую ораву.

— Возьмите у Начатиковского из кладовой масляной краски, — посоветовал Головнин, — мажьте их как попало, лишь бы только никого не обидеть. Федор Федорович как живописец вам поможет.

И гардемарини, истратив целое ведро краски, перемазали всех гостей, восторгам которых не было границ. Мур тоже мазал дикарей, но делал это с нескрываемой жестокостью, тыча им малярной кистью и в нос, и в рот, и в уши, но дикари не обращали внимания на такие мелочи, горя нетерпением поскорее полюбиться на себя в зеркало, смотреться в которое быстро научились.

Насколько островитяне были падки до всего, что касалось украшения их, настолько же они оказались равнодушными к спиртному. В одно из их посещений на палубе происходила разливка рома из бочки по флягам, и Головнин дал попробовать этого напитка своим чернокожим гостям. Но они, лишь пригубив, с гримасами отмахивались от этого угощения.

— Або, або (нехорошо) — твердили они, показывая знаками, что такой напиток усыпляет.

Очевидно, и с этим они познакомились у Кука.

В числе посетителей шлюпа был и Гунама, приехавший со своими сыновьями — Каги и Ятой. Первому из них было четырнадцать, а второму — двенадцать лет. У мальчиков были смысленные, приятные лица.

Василий Михайлович с интересом наблюдал за этими подростками, одарил их всякими мелочами и даже подумал о том, чтобы предложить одному из юных дикарей отправиться с ним в Россию. Ему хотелось воспитать, как сына, такого черного человека, чтобы доказать, что все люди, без различия расы, способны к восприимчивости просвещения.

Головнин предложил дикарю топор...

Но из простой жалости, что изнеженный в вечном тепле организм островитянина не вынесет сурового российского климата, он от этой мысли отказался, ограничившись лишь приглашением юных дикарей вместе с их отцом к обеду.

Гости охотно вошли к нему в каюту и тотчас же устроились на полу. Головнин показал им знаками, что сидеть нужно не на полу, а на стульях. Гунама что-то сказал сыновьям, и те тотчас последовали приглашению Головнина. Но лишь Василий Михайлович от них отвернулся, как дикари снова оказались на полу.

Тишка, который подавал к столу, сначала был недоволен, что ему приходится прислуживать чернокожим, а потом, обезоруженный их тихостью и ласковостью, только сказал Головнину, косясь на дикарей:

— Надо, Василий Михайлович, доглядать, чтобы чего из посуды не стибрили либо не проглотили. А то отвечаю за них потом.

Но гости ничего не взяли и не проглотили, хотя все перетрогали руками. А когда увидели у Тишки на руках белые перчатки, то Ята схватил его с такой силой за палец, что, сдернув перчатку, едва не полетел при этом со стула. Все трое дружно расхохотались. А Ята сунул перчатку себе подмышку и вместо нее протянул Тишке бывший при нем музыкальный инструмент. То была дикарская свирель нау — набор различной величины тростниковых дудочек, связанных в ряд тонким лыком — прототип европейской губной гармошки.

Увидев это, Головнин сказал Тишке:

— Отдай ему и вторую перчатку, я выдам тебе вые.

Но подаваемые блюда гости лишь пробовали, отказываясь есть.

— Табу расиси, — твердили они.

Это выражение, означавшее в буквальном переводе — брюхо полно, тоже напоминало Василию Михайловичу Гульёнки и его раннее детство, когда в период увлечения Куком он отвечал няньке Ниловне, представшей к нему с едой, этими самыми словами.

И он с отеческой нежностью погладил по курчавой голове младшего мальчика, Яту, когда тот в конце концов начал есть жареную рыбу, хотя он и приступил к тому, лишь убедившись, что эта рыба была поймана в их заливе, и предвзвременно сняв с нее кожу.

За обедом Василий Михайлович поддерживал довольно оживленную беседу с дикарями при помощи словаря. При этом он не переставал восторгаться, как люди, столь далеко отстоящие друг от друга по своему развитию, могут легко понимать себе подобных, и удивлялся, что некоторые из его офицеров были равнодушны к этому открытию.

— Возьмите во внимание хоть то, — говорил он им, — сколь приятен язык здешних островитян. Он не только не режет европейского уха, но многие слова его ласкательны для нашего слуха и даже благозвучны, и выговаривать их мы можем весьма незатруднительно.

Скородумова же, как человека, любящего животных, особенно интересовал вопрос: куда девались собаки, подаренные Куком дикарям, так как собачьего лая не было слышно на берегу даже по ночам. Но дикари не могли понять этого вопроса, хотя он очень старательно и искусно лаял, — видимо, они не знали, что такое собака, и ничего не могли сказать о судьбе оставленных Куком животных.

— Съели и больше ничего. Довольно тебе брехать по-собачьи! — напустился на Скородумова Мур, раздраженный его стараниями что-либо узнать о судьбе куковских псов.

Когда после обеда Головнин съехал на берег, Гунама знаками предложил ему посетить его жилище. Василий Михайлович охотно согласился. Это был просторный шалаш на самом берегу залива, крытый широкими кожистыми листьями какого-то растения.

Шалаш был так низок, что в нем едва можно было сидеть. Внутри он был совершенно пуст, словно в нем

никто не жил. Очевидно, дикари, боясь прибывших белых людей, унесли в лес все свои пожитки, в том числе и те вещи, которые им подарил Головнин, ибо здесь их не было.

Не было видно ни свиней, ни птицы. Вероятно, дикари опасались, что европейцы, увидев их богатства, пожелают поселиться на этом берегу, и потому угнали своих животных в лес.

— Кук тоже не видел у них свиней, — говорил Головнин своим спутникам. — Известно, — улыбнулся он, — что жители тихоокеанских островов считают европейцев голодными бродягами, кои слоняются по морям для снискания себе пропитания.

Однако Гунама, в качестве хозяина хотя и пустого шалаша, был по-европейски радушен и ласков. Решив угостить своих гостей кокосовыми орехами, он послал Яту сорвать несколько штук их. И все русские были поражены, с какою легкостью мальчик поднимался по сильно наклоненному стволу. Он шел по дереву так свободно, как по земле, лишь изредка касаясь его руками.

— Тишка, а ты можешь так? — спросил Головнин.

— По нашему дереву могу, — отвечал тот. — Чай, помнишь, Василий Михайлович, как брал для тебя грачевые яйца из гнезд.

Насшибав целую кучу орехов, каждый величиною в голову десятилетнего ребенка, Ята с прежней легкостью и проворством спустился на землю и стал вскрывать орехи, необычно быстро и легко собственными зубами. Он очень смеялся, когда матросы с трудом вскрывали их при помощи топора или матросских ножей.

Потягивая кокосовое молоко из ореха, вскрытого Ятой, Головнин с неослабевающим для него интересом наблюдал за дикарями. Все они были проворны и чрезвычайно живы и веселы. У большинства из них были добрые, открытые и приятные лица, мягкое выражение черных глаз.

Только широкие, приплюснутые носы портили их лица. Волосы на голове и в бороде у них были черные, курчавые, густые. Некоторые островитяне были так черны, словно вымазаны сажей. Цвет кожи других был светлее. Очевидно, и среди чернокожих были своего рода бронеги и блондины.

Тишка, ощупав кожу одного из дикарей, удивился:

— Гли-кость, какая шкура у них выделанная, наверно, дегтем мажутся...

Дикари, по объяснению Гунамы, действительно смазывали свое тело, но, разумеется, не дегтем, которого они не умели и гнать, а кокосовым маслом, что предохраняло их кожу от всяких болезней.

Дикари были не только добродушны и приветливы с чужими. Им знакомо было и чувство стыдливости. Всякий раз, когда, купаясь, они вылезали из воды, то при виде белых отворачивались и спешили надеть свои повязки.

Это малозначащее на первый взгляд обстоятельство в глазах Головнина являлось последним, завершающим штрихом в совершенном от природы образе первобытного человека.

Среди островитян, собравшихся у шалаша Гунамы, было немало женщин. Они держались в стороне, и это напоминало Василию Михайловичу русскую деревню, где при посещениях барина можно было наблюдать такую же самую картину. И это обстоятельство снова и снова укрепляло его в той мысли, что все люди — дети одной матери-природы и братья между собою.

Женщины были не так красивы, как мужчины, и ниже их ростом. Многие казались очень живыми и веселыми, особенно молодые. Глядя на иноземцев, они сбивались в кучки, подталкивали друг друга локтями, пересмеивались между собою, смущенно улыбались — тоже совсем, как в Гульёнках.

Но женщины постарше имели уже изнуренный вид, очевидно, потому, что им приходилось выполнять более

тяжелые работы. При этом Головнин с некоторым разочарованием заметил, что отношение к женщине со стороны мужчин было презрительное, как к существу низшего порядка. Даже мальчишки, вертевшиеся в толпе, грозили женщинам кулаками и толкали их.

Что касается костюма женщин, то он мало чем отличался от мужского: молодые девушки носили только узкие фаргучки, а взрослые — короткие юбки из листьев. В ушах у женщин было множество черепаховых колец, на шее — ожерелья из раковин. Старухи щеголяли в безобразных колпаках из листьев какого-то растения, вызывая своим видом смех среди матросов.

При виде матроса Шкаева один из дикарей вдруг крикнул ему: «Михайла!» и поманил его рукой.

Это заинтересовало Головнина, и он спросил у Шкаева:

— Ты что это, уже успел свести здесь знакомство?

— Никак нет, — отвечал тот. — Это они шибко любопытствуют насчет того, как нас звать. Они многих наших знают по именам.

Действительно, скоро из толпы островитян стали выкликать и другие имена:

— Петр! Егор! Максимка!

И даже:

— Илья Ильич!

Из всего известней было имя Тишки. Среди дикарей то и дело раздавалось:

— Тишка! Тишка! Арроману!

При этом выкрики неизменно сопровождались веселым смехом. Очевидно, и дикари уже заметили Тишкину веселость.

К концу дня Головнин со спутниками предпринял прогулку по берегу залива в сопровождении нескольких островитян, увязавшихся за ними. Но когда стали подходить к тому месту, где у дикарей было кладбище, они показали знаками, что туда ходить нельзя.

— Табу!

Не позволили также обойти и обрывистый мыс, выступавший в одном месте далеко в море и поросший густым лесом.

При этом все читавшие Форстера вспомнили, что и Кука дикари не пустили на этот мыс, объяснив знаками, что если он и его спутники туда пойдут, то их убьют и съедят.

— Жаль, — сказал Головнин, — что нас туда не пускают. Я дал бы много, чтобы узнать, что творится на этом мысу. Мне мыслится, что мы узнали бы там о многом, что делается в сем укромном месте. Это есть закрытая страница книги о наших черных друзьях, которую хотелось бы прочесть до конца... Однако порз на шлюп: уже подходит ночь.

Когда все возвратились на корабль, весьма довольные отлично проведенным вечером и своим добрым знакомством с дикарями, Головнин зачем-то кликнул Тишку, но тот не отозвался.

— Ты не видел Тишки? — спросил он подошедшего к нему Рикорда.

— Нет, — отвечал тот. — Он же был с вами на берегу.

— А вы? — спросил он Рудакова.

Но и Рудаков не видел здесь Тишки. Между прочим, он, как и другие офицеры, ездившие на берег, припомнил теперь, что при посадке в шлюпки Тишки тоже не было.

Тишку начали искать. Ходили по всему кораблю, спрашивали друг друга, заглядывали во все углы. Но Тишки нигде не было.

Тишка исчез.

(Окончание следует)

— Тишка, а ты можешь так? — спросил Головнин.

В ЛЕСАХ МАСЛИЧНЫХ

С. ЮРИН.

1

Что изображено на этом снимке? По первому впечатлению кажется, что это — толпа, и притом женская. На самом деле женщина здесь только одна, в белом костюме налево. Она агроном-селекционер. Все остальное — растения на подопытном участке подсолнечника. Каждая корзинка накрыта разноцветным мешком. Под мешками совершается тайна гибридизации и самоопыления: выводятся новые, улучшенные сорта. Насколько важна такая работа, видно хотя бы из следующего примера. Производство растительного масла на конец четвертой пятилетки запланировано в 880 000 тонн. Если повысить жирность масличных культур только на один процент, это даст прибавку в 8 800 тонн — около пяти-сот пятидесяти тысяч пудов масла.

Подсолнечник — главная масличная культура СССР. Семя масличного подсолнечника содержит в среднем 30—33% жира. В Институте масличных культур в Краснодаре еще до войны была выведена семья подсолнечника № 3519 с рекордным содержанием жира свыше 45%. Следовательно, прибавка по содержанию жира была сделана уже многократно.

На другом снимке (справа) изображен подсолнечник-гигант или «русский мамонт», выращенный в том же Краснодарском институте. Кор-

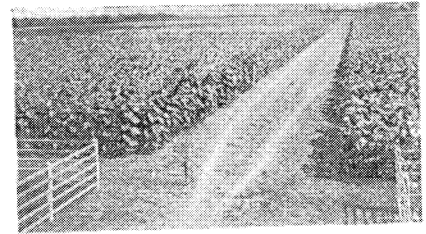
зинка его еще мала в сравнении с общим видом растения. Но зато сколько зеленой массы! Это прекрасный корм, материал для силоса. А стебли такого подсолнечника, вернее сказать, стволы, можно использовать как легкий строительный материал, что немало важно для степных, безлесных районов. В руках у агронома рейка. Она в три метра, но оказалась коротковатой для измерения «мамонта». Рост его достигает

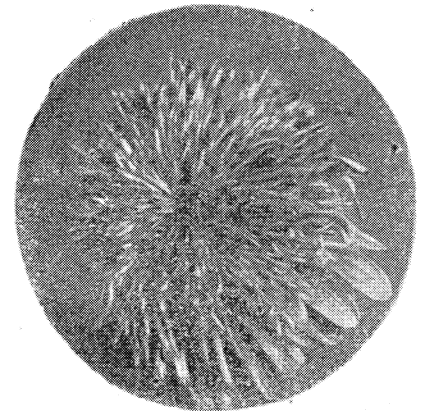
пяти метров — высота почти двух-этажного дома.

Своеобразное чувство испытываешь от прогулки в таком подсолнечном лесу. Воздух душистый, пряный. При ветре листья не шуршат, как в обыкновенном лесу. Они гремят. Впечатление дебрей, джунглей, и даже неба над головой не видно из-за широких листьев-опахал.

Есть и другой подсолнечник — малорослый. Он удобнее для комбайновой уборки. Уточнен его стебель. Голову его, привыкшую десятилетиями клониться вниз, советские селекционеры

«учат» держаться прямо. Смотрите, как много любви и труда вложено в эти ухоженные, вытянутые в струнку плантации «советского Вильморена», как называют иногда Краснодарский край, эту богатейшую житницу нашей страны.

Мичурин когда-то вывел голубую лилию. Здесь вы видите подсолнечник, превратившийся в астру. Это махровый подсолнечник. Он бесплоден. Но ученым необходимо знать все стадии превращений — от душистого цветка до многоплодной корзинки, состоящей наполовину из жира. Родина подсолнечника — Америка, но тот подвид культурного подсолнечника, который распространен сейчас во всем мире, в основном сложился в нашей стране. Десятки, сотни опытов в контрольных и селекционных питомниках проходит каждый новый сорт, прежде чем выйти на поля в виде драгоценной элиты. Каждое элитное зернышко — на вес золота. Более двадцати станций в разных районах СССР работают с

подсолнечником. Дружное созревание, неосыпающаяся корзина, скороспелость, устойчивость к засухе, к болезням, высокое содержание масла в семенах и т. д.—таковы цели этой работы. Советский Союз занимает первое место в мире по площадям посевов подсолнечника. И советской же науке принадлежит неоспоримая пальма первенства по всем разделам изучения его.

Говоря о подсолнечнике, нельзя не упомянуть имя лауреата Сталинской премии В. С. Пустовойта — одного из старейших наших селекционеров. Работе с масличными он посвятил всю свою жизнь.

2

В Москве снег, а на юге давно идут полевые работы. Теплый, влажный кубанский чернозем. Показались молодые всходы клещевины. Беда с сорняками! Для ускорения работы тракторист хитроумно соединил два

культиватора: среднее колесо у них общее.

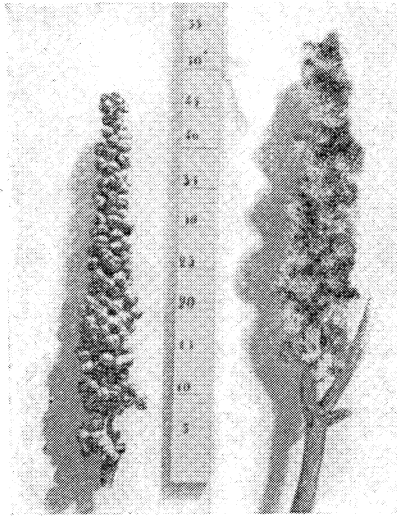
В Институте масличных культур с клещевинной работают не меньше, чем с подсолнечником.

Про клещевину можно было бы написать роман.

Бескрайны заросли ее в Индии. Сборщики-индусы бродят в них, собирая колючие кисти. Полуобнаженные женщины, — мешок в руках для сбора, другой — с младенцем за спиной. Еще недавно англичане упорно дрались за клещевину в Сомали.

Это растение замечательно совсем не потому, что из него получают касторку. Клещевина — важная техническая культура. В Советской стране еще в 1924 году засеяли кле-

щевинной 3000 гектаров. Но уже через 15 лет эта площадь увеличилась без малого в сто раз.

Наши селекционеры изгнали с кисти растения колючие шипы (на снимке справа кисть с колючками, налево — бесшиповая).

Но этого мало. Самое сложное в агротехнике клещевины — уборка. Обычная молотилка не годится. Обрывать семена, как в Индии, руками — утомительно, дорого, долго. Сбивать палкой — много битых семян. Сначала устроили молотилку с двумя трущимися гофрированными плоскостями, но она давала 15% давленных семян. Пришлось эту молотилку оставить. Тогда придумали особые «щточные» молотилки: металлические иглы, насаженные на барабан, обдирают коробочки клещевины. Испытывается первый уборочный комбайн.

Слизые маслянистые зерна клещевины текут в бункер. Но там же извиваются и жирные изумрудные гусеницы — с ними также надо повести борьбу. Толпы колхозников собираются смотреть, как с треском залягут клещевинные заросли.

В то же время в институте из года в год идут настойчивые работы по

гибридизации. Необходимо продвигать новую культуру на Украину, на Среднюю Волгу, — и вот создается «рицинус прекокс», ранний, скороспелый сорт, — он дает три кисти, и все они вызревают.

Огромный, незаметный, известный только специалистам труд!

Ценность клещевины — в ее вязком, маловысыхающем масле, как бы созданном для смазки моторов самолета: оно не замерзает на холоде, в заоблачной высоте.

Текстильная, кожевенная, лакокрасочная, мыловаренная промышленность остро нуждается в клещевинном (рициновом) масле. Красные с мозаичной раскраской семена клещевины сильно ядовиты. Касторкой мы не отравляемся только потому, что она готовится способом холодной прессовки: яд при этом остается в жмыхах.

На снимке: создатель многих новых сортов клещевины, крупнейший специалист по селекции масличных культур В. Е. Борковский на «поле размножения» клещевины (Краснодар).

РЫБА, ЛАЗЯЩАЯ ПО ДЕРЕВЬЯМ

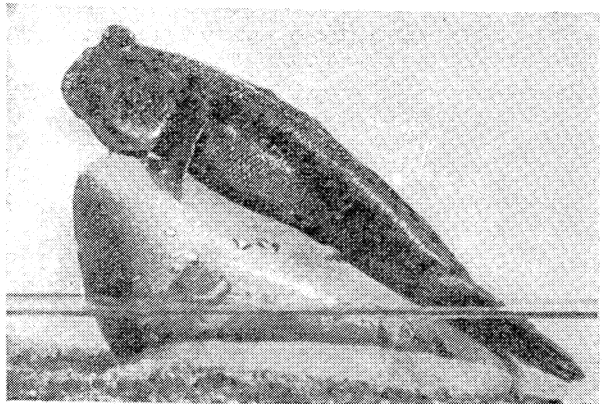
Эта рыба-прыгун серо-зеленого цвета, с голубыми плавниками и красными выпученными глазами живет в тропических водах Индийского и Тихого океанов, у самых берегов, среди водорослей на илстом дне.

Негры из Либерии (на западном побережье Африки) называют эту рыбу «бомми», что значит «прыгун». Бомми отличаются от всех рыб мира тем, что долгое время могут проводить на суше. Кроме того, их грудные плавники служат не только для плавания, но и для передвижения на суше, для лазанья по корням мангровых деревьев и по прибрежным скалам и валунам. Бомми живут подобно земноводным: и в воде и на суше. Вне воды прыгуны проводят целые часы. Они очень пугливы. В случае опасности прыгуны пускаются в поспешное бегство прыжками — к воде. Размахи быстро следующих один за другим скачков вдвое и втрое превышают длину тела рыбок, которая обычно достигает 15 сантиметров.

Питаются прыгуны мелкими водными животными, остающимися в береговом иле после отлива, поедают червей и насекомых.

Мясо прыгунов несъедобно. Поэтому ни рыбы, ни птицы не охотятся на бомми.

Г. С.

Ю. ЕФРЕМОВ

Довелось ли вам слышать это слово: Юпшара? Если нет еще, вслушайтесь в рокошущий шум, слышимый в звучании этого слова. И запомните его — имя красивой реки и ущелья, достойного соперничать с величайшими теснинами Кавказа.

В Абхазии вы это слово услышите вместе с именем дивного горного озера Рица, потому что именно по Юпшарскому ущелью незадолго перед войной было построено Рицанское шоссе.

Теперь странно вспоминать, что еще недавно мало кто знал о Юпшаре. В путеводителях упоминались в лучшем случае истоки в устье реки, а на озеро Рица ходили в обход, минуя шестнадцатикилометровое ущелье, слышшее непроходимым.

Только с 1934 года оказалось возможным проникнуть в Юпшару, когда по дну ущелья проложили выючную тропу с двадцатью четырьмя мостами. Исполинские, призрачно серые стены, высотой, наверное, до километра, возносятся над клокочущей в бездне водой. Они возникают то справа, то слева, то одновременно с обеих сторон. Кажется, будто вот сейчас замкнется тупик коридора, кажется, что нет уже выхода и что река не сможет вырваться отсюда к Черному морю иначе как через туннель. Но за каждым таким тупиком открывается новый поворот ущелья, и снова есть путь, куда может мчаться река.

Здесь такое буйное обилие зелени, что путешественнику запоминается не мрачная каменная пропасть, а пышный расцвет всех жизненных сил черноморской природы.

На каждом уступе серых отвесов ютятся деревья. В каждой трещине старается укорениться вездесущая зелень.

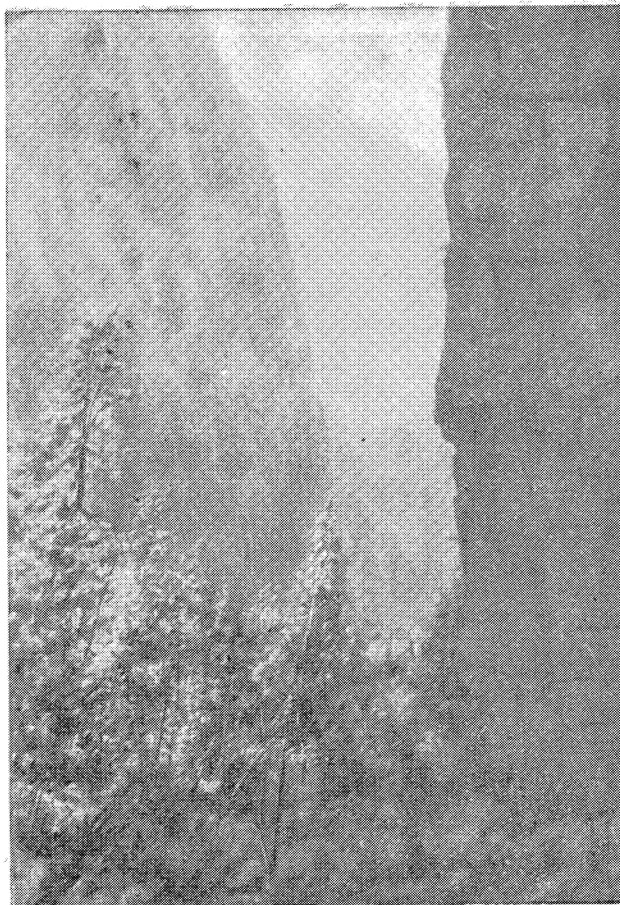
Тут и готические силуэты темнозеленых елей, и пихта, и более светлые гуци буков, грабов, дубов и каштанов. А на дне — льющиеся к сырости ольхи и заросли папоротника в человеческий рост высотой.

Ощущением девственной свежести напоена вся теснина.

Но вместе с тем чувствуется здесь и древность этой природы. Точно в музее, сохранились тут потомки растений, живших в давно прошедшие дни третичного периода и переждавших под защитой хребтов Кавказа невзгоды последующих ледниковых эпох.

Здесь встречаются ветхозаветные тиссы с лоснящейся неколючей хвоей (натуральное красное дерево). Отовсюду блестит, словно лаковый, кожистый глянец вечнозеленой листвы кустарникового подлеска. Здесь есть и третичные реликты: лавровишня, падуб с жесткими резными листочками, непролазные дебри понтийского рододендрона с роскошными лилово-розовыми цветами.

Всюду стелются плетни плюща, свисающие праздничными гирляндами со скал, то купающиеся в реке, то забирающиеся на деревья. Обвивая стволы, плющ преобразует их в могучие колонны, как бы созданные из вечнозеленых листьев, а выстилая мшистые

Ущелье р. Юпшары в Рицанском государственном заповеднике.

скалы, превращает их в живые полотна, состоящие из сплошной трепещущей глянцево-зелени.

В придонной части теснины, куда только на час-два в день заглядывает солнце, таится главное богатство Юпшары — самшитовый лес, дикий, допотопный, похожий на какое-то заколдованное подводное царство. Так велика замшелость стволов и причудливая бородастость ветвей, увешанных седыми гирляндами лишайника, что в этом невысоком кряжистом деревце с глянцево-мелкоовальной листвой невозможно узнать собрата декоративных самшитов, образующих подстриженные бордюры на бульварах приморских курортов.

Мшистые деревья самшита — гномы по сравнению с рядом стоящими высокоствольными буками и грабами. Самшит известен крайней медленностью роста как в высоту, так и в толщину; его древесина отличается такой твердостью и тяжестью, что дерево тонет в воде. Этими качествами самшит давно снискал себе известность у лесозаготовителей. Но зато и поусердствовали они, истребляя деревья во всем мире так, что теперь нужно дорожить каждым экземпляром самшита. Поэтому и юпшарский самшит заповедан наравне с популярными самшитниками побережья, как большая и редкая ценность. Охрана его — дело большой научной и хозяйственной важности, — нужно сохранить интересное растение и умножить запасы его ценной древесины.

Даже весной, а также после дождей, когда окрестные горные реки, вздувшись, мчат к морю свои мутные воды, Юпшара попрежнему ясна и лазурна. Это происходит, во-первых, потому, что вся муť горных рек, создающих Юпшару, отстаивается в озере Рица, из которого она и берет начало. Вторая причина слож-

Ее. У Юпшары есть тайна: на одном из участков, едва лишь выйдя из Рицы и еще не вступив в теснину, река устремляется в жерло туннеля и течет... под землей, вслепую пронося свои воды сквозь недра.

Никому неведомыми путями течет Юпшара в созданных самой природой подземельях. Ее воды находят себе выход не дружным истоком, а в виде разрозненных, хотя и мощных ручьев. Сюда же стекают подземные воды из уединенного и мало кому известного озера Малая Рица, голубизна которого не уступает юпшарской.

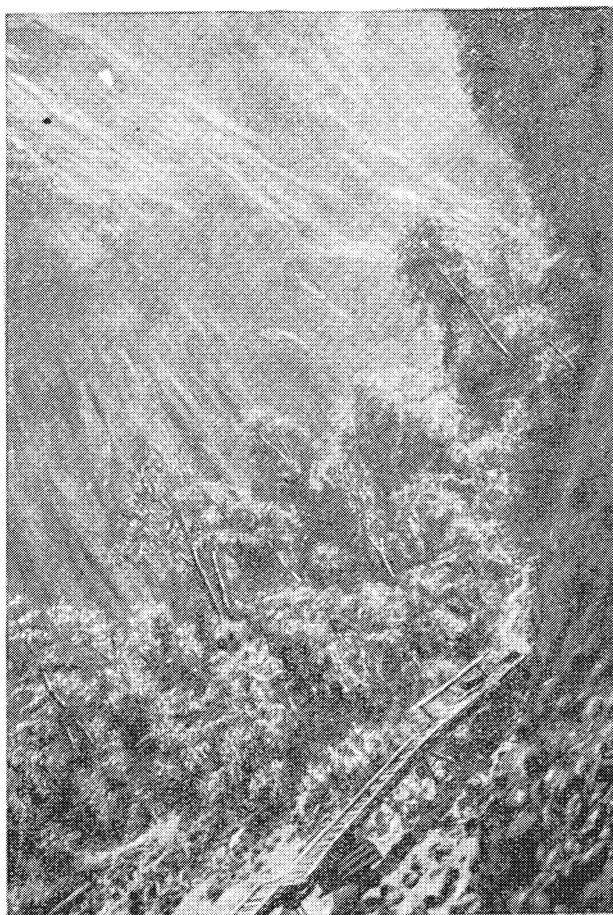
Местами голубое сменяется белым — пенной белизной водопадов и грив. Посмотрите на устье Юпшары! Ее голубая струя вливается в буроватые воды реки Геги.

На этом последнем пороге Юпшара как бы рванулась вперед к своей старшей сестре. Здесь возник водоскат типа Иматры. Он меньше по размерам, но поражает своей крутизной, мощностью и белизной кипящей воды...

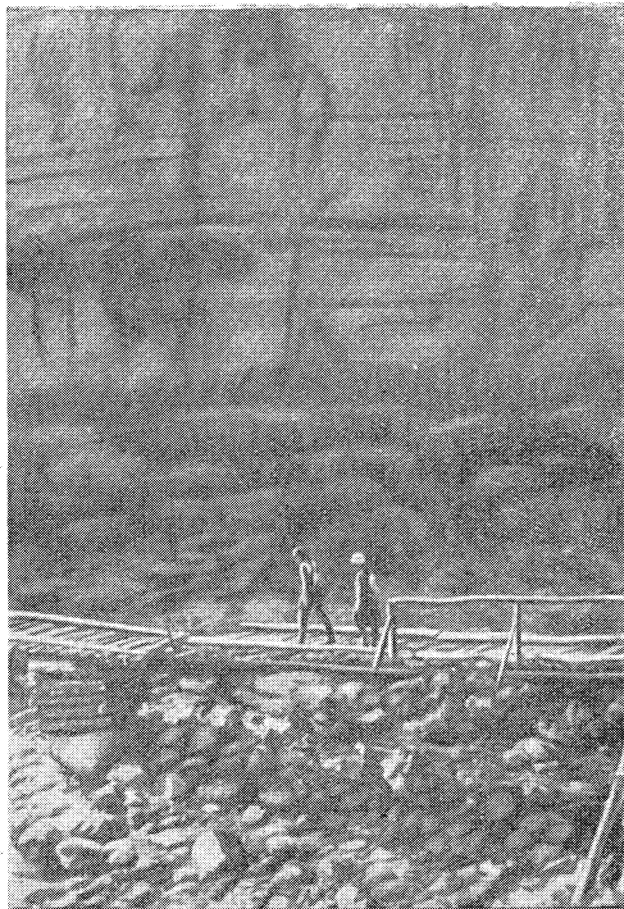
В течение тысячелетий в ущелье раздавался лишь рокот воды. Но с весны 1935 года сюда вторглись новые звуки. Под скалами и над отвесами появились фигурки людей с лопатами, кирками, молотками и тачками.

Титанические утесы содрогнулись от грохота взрывов. Во всю высоту многосотметровых отвесов скакало, как мяч, десятикратно повторенное громopodobное эхо.

Еще прогибались под копытами вьючных лошадей доски первых юпшарских мостиков, а рядом с ними уже появились большие мосты, пригодные и для авто-

Мшистые известнякские стены каньона р. Юпшары

Пешеходы перебираются с одного берега р. Юпшары на другой.

мобилей. Десять раз перебросить шоссе с берега на берег оказалось выгоднее, чем долбить карнизы по всему ущелью. Но избежать скальных работ было невозможно, и карнизные выемки в скалах тянутся целыми километрами то на одном, то на другом берегу реки.

Людей, полюбивших Юпшару за дикость природы, напрасно тревожило это вторжение цивилизации. Ущелье так огромно, узкий, едва заметный карниз шоссе, автомобили и люди по сравнению с ним так игрушечно малы, что лишь полнее ощущается истинная грандиозность теснины.

Природа здесь как будто не знала чувства меры, здесь каждое место достойно того, чтобы остановиться и любоваться им долго. А потому нельзя ограничиться только поездкой! Нужно слезть и пройти хотя бы самое узкое место ущелья пешком.

И, конечно, слезают, идут, глубоко впитывают расточительную щедрость красок, вслушиваются в шорох Юпшары и постигают масштабы труда, вложенного в строительство этой дороги. И невольно задумываешься: как возникло такое величие форм? Постепенно ли, с самого верха перепилила река поднимавшиеся к ней навстречу горы, как круглая пила перепиливает брус, подаваемый снизу? Или, быть может, вся «Праюпшара» была подземной рекой, подмывшей когда-то единый известняковый массив, и лишь потом ее своды обрушились?

Наукой еще не дан на это ответ. Юпшара еще ждет пристальных и пытливых исследователей — геоморфологов, а сегодня будит любознательность в каждом посетившем ее туристе и учит ценить и охранять сокровища природы нашей родины.

Среди папуасов Новой Гвинеи

Вл. ЯКУБОВИЧ

(К 100-летию со дня рождения Н. Н. Миклухо-Маклая)

1

Странное, невиданное существо приближалось к деревне. Кожа у него была не коричневая, а белая, ноги, обутые во что-то черное и блестящее, казалось, не имели пальцев, а тело украшало плотное одеяние. У него не было ни лука, ни копья, — значит, это был могущественный злой дух или колдун.

Страх обуял всех. Люди бросились в лес. Женщины тащили плачущих ребятишек. Старики прятались в кустарники. Только несколько смелых мужчин с каменными топорами и копьями готовились защищать родное селение. Но и они труслили: а вдруг враг заколдует и превратит в камень храбреца, который осмелится ударить его копьем!.. Когда колдун подошел к хижинам, воины окончательно решили не рисковать и спрятались за деревьями.

Белый приближался не торопясь. Он вошел в деревню. Вокруг утоптанной чистой площадки, в тени пальм и хлебных деревьев, виднелись хижины.

Колдун подошел к одной из них, потом к другой, к третьей. Чем дальше шел колдун, тем больше росло его удивление. Нигде не видно ни души.

«Где же люди? Куда они исчезли?» думал он.

А совсем недавно здесь жизнь была ключом. В деревне повсюду виднелись следы покинувших ее обитателей: там вспыхивал и трещал погасавший костер, здесь лежал кокосовый орех с недопитым молоком, валялось брошенное весло. Двери многих хижин были распахнуты настежь. Хозяева, как видно, очень торопились и даже не успели захлопнуть их.

Кругом царили тишина и безлюдье. Лучи заходящего солнца освещали теплым светом красивую листву пальм, из леса доносилось щебетанье и пение птиц, собиравшихся на покой.

Вдруг раздался шорох. Колдун увидел в нескольких шагах от себя как будто выросшую из-под земли фигуру коричневого человека, нагого, с курчавыми волосами, с ожерельем на шее, с браслетами на руках.

Белый колдун берет за руку незнакомца. Воины, прячась за стволами пальм, держа наготове оружие, следуют за колдуном и своим собратом — «бесстрашным Туем».

— Колдун схватил Туя!

— Бесстрашный Туя в лапах у белого колдуна!

— Горе нам! Погиб славный Туя!

Но вот белый колдун ласково улыбается и дает Тую бесценные подарки — огненного цвета повязку и острый нож.

— Белый колдун — добрый колдун: он не убил Туя!

Воины смеются, они выходят из засады.

Колдун всем дает подарки. Затем, улыбаясь и приветливо кивая головой, покидает деревню.

Как и зачем попал на далекую Новую Гвинею этот белый человек?

2

27 октября 1870 года вышел из Кронштадта в кругосветное плавание русский корвет «Витязь».

На борту судна находился молодой ученый Николай Николаевич Миклухо-Маклай. Еще недавно он был студентом и учился у видных европейских натуралистов, а теперь отправлялся в далекий путь — к папуасам Новой Гвинеи.

Что интересовало отважного исследователя на этом огромном куске суши, заброшенном в океане?

В те времена некоторые ученые пытались доказать, что белые люди представляют собою единственную «высшую» расу на земном шаре, а так называемые «цветные» относятся к «низшим» расам.

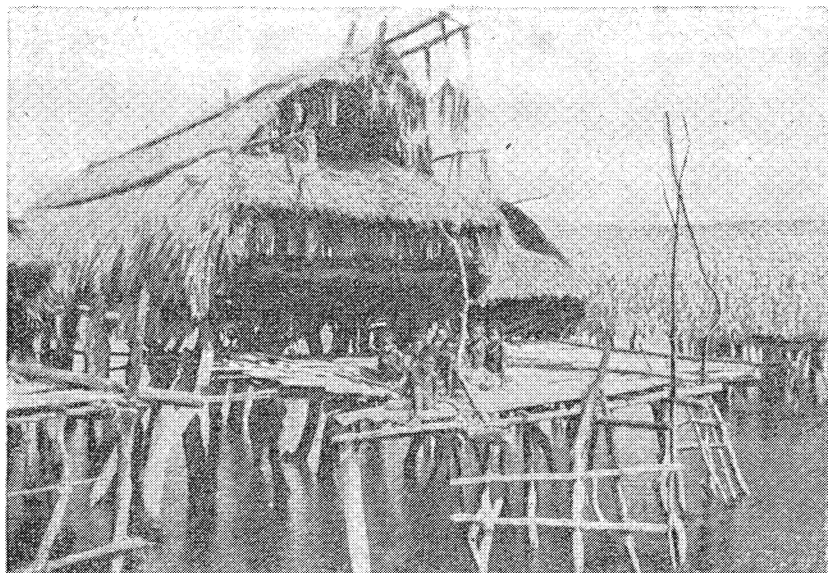
«Низшие» расы, учили они, не способны стать цивилизованными людьми, их удел — быть рабами у «высших».

Так ученые-реакционеры расчищали почву для так называемой «расовой теории», разграничивающей народы на «низших» и «высших» в целях порабощения первых.

И вот никому еще не известный русский исследователь решается на отважный подвиг — поехать на Новую Гвинею, где обитают самые отстающие представители «низшей»

Н. Н. Миклухо-Маклай незадолго перед отъездом на Новую Гвинею.

Хижина папуасов на сваях.

расы—дикари, пожить среди них несколько лет жизнью Робинзона, изучить их нравы и обычаи, их способности к труду, к искусствам и ремеслам.

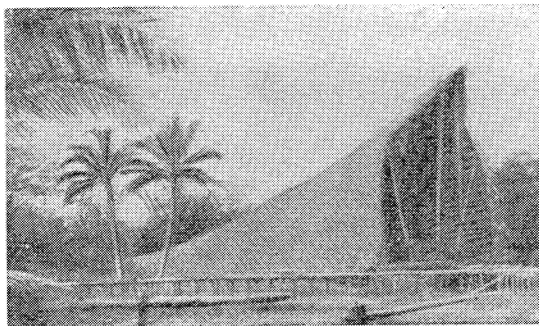
Миклухо-Маклай был уверен, что дружественным, гуманным подходом к дикарям можно завоевать их любовь и расположение. Он хотел доказать, что дикари Новой Гвинеи отличаются от остальных людей только тем, что стоят на нижней ступени культурного развития. Такими же во времена каменного века были и далекие предки нынешних «культурных» народов.

Русское географическое общество помогло молодому ученому организовать его беспримерную экспедицию и предоставило возможность добраться на «Витязе» до места назначения.

Итак, новый Робинзон вступил на берега Новой Гвинеи.

Высокие хребты со снежными вершинами, горные реки, срывающиеся водопадами с обрывов, леса, болота и топи— вот что представилось здесь взору любознательного путешественника.

Густые тропические леса покрывают большую часть острова. Громадные деревья свешивают свои ветви почти до воды. Лианы и вьющиеся растения, переплетаясь, создают непроходимую чащу. На фоне желтых и красных кустарников ярко вырисовывается зелень пальм, бананов, хлебных деревьев, папоротников и сахарного тростника. Большие бабочки, жуки, стрекозы, множество птиц с ярким оперением

Папуасская «гостиница».

мелькают среди стволов деревьев. Сильные летние ливни и длительные дожди в зимние месяцы превращают многие местности Новой Гвинеи в сплошные болота. Недра острова таят золото, нефть, каменный уголь и медь.

Множество папуасских племен, начиная с пышноволосяных обитателей морского побережья до пигмеев (карликов), жителей гор, населяют эту своеобразную страну.

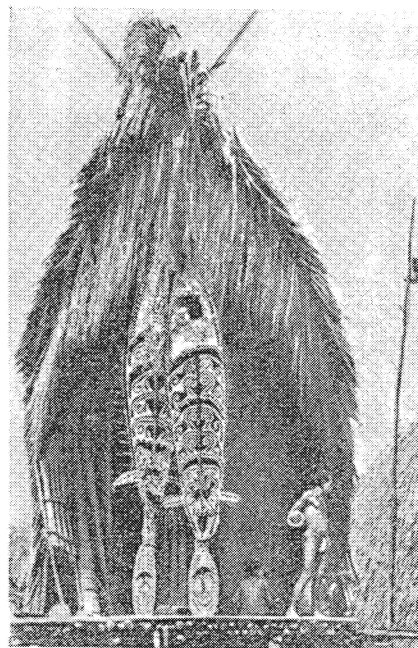
Миклухо-Маклай выбрал для своей высадки самую необследованную в то время северо-восточную часть острова, а именно бухту «Астролябии». Здесь Маклай высадился на мысе Уединения, как он сам назвал его, и который папуасы называли по-своему— Гарагасси.

Матросы с «Витязя» построили на берегу небольшую хижину и распростились с добровольным Робинзоном. Судно ушло продолжать кругосветное плавание, а Маклай начал свою работу по изучению папуасов.

Два человека остались с Маклаем: слуга Ульсон (швед) и повар Бой (полинезец). Однако выбор этих людей оказался неудачен: первый был невероятный трус, а вто-

рой— плохой повар. Вскоре после приезда на Новую Гвинею они оба заболели тропической малярией, и Маклай сам превратился в слугу, повара, добытчика провизии и лекаря, исполняя всю черную работу и в то же время занимаясь научными изысканиями, изучением папуасского языка и сбором ботанических и этнографических коллекций.

Первые трудности по освоению папуасской речи были постепенно преодолены при помощи Туя, который сделался завсегдаемым хижини Маклая. Через Туя постепенно расширялось знакомство ученого с папуасами. Туя приводил своих сооте-

Вход в жилище папуасов.

чественников в гости к «тамо-русс» (русскому человеку), брал на себя роль экскурсовода, объясняя им значение диких вещей белого пришельца. Ведь он прежде других узнавал «волшебные» свойства вещей Маклая: бумага, карандаш, стальные ножи, стеклянные банки были для папуасов чудесными, сказочными по своим свойствам предметами.

Приходилось Маклаю и лечить туземцев, делать хирургические операции, спасавшие людям жизнь, но никогда он не брал никакой платы за лечение. Постепенно Маклай приобрел у папуасов славу необыкновенного человека.

Однако некоторые из них относились к нему недружелюбно. Однажды эти недоброжелатели спросили ученого:

— Мы хотим знать, можешь ли ты умереть, как мы.

Маклай был поставлен в затруднительное положение. Сказать, что он такой же смертный, как и все, он не хотел, так как после этого па-

пауасы, наверное, захотели бы проверить его заявление на опыте, но солгать, сказав, что он бессмертен, Маклай тоже не хотел. Ведь ученый поставил себе целью говорить только правду и этим самым сумел внушить папуасам такую веру в свои слова, что они часто повторяли: «Балан Маклай худи», — что на их языке значило: «Слово Маклая всегда верно».

После минутного замешательства Маклай решил идти на риск и, взяв копье, стоявшее у стены, передал его знакомому папуасу и сказал:

— Попробуй — и тогда узнаешь, могу ли я умереть.

Папуас взял копье, посмотрел на Маклая и положил копье обратно.

— Теперь мы знаем, — проговорил он, обращаясь к Маклаю. — Если бы ты мог быть убитым, то ты не предложил бы этого.

После этого случая все жители окрестных селений стали с еще большим уважением относиться к белому пришельцу.

Маклай познакомил папуасов с употреблением спичек, топора, заступа и т. п. Так как на языке папуасов не было подходящих слов для обозначения этих предметов, то Маклай научил папуасов называть их по-русски. Дикари скоро запомнили русские слова. Они настолько прочно вошли в язык папуасов, что, по свидетельству многих путешественников, папуасы, жители Новой Гвинеи, особенно внутренних ее районов, до сих пор называют многие предметы (топоры, спички, бревна, гвозди, сапоги и др.) по-русски.

Папуасы сильно привязались к Маклаю. Они часто просили его быть судьей в своих спорных делах и приходили к путешественнику за различными советами, которые они высоко ценили и всегда выполняли.

Глиняные телумы.

Маклай сумел найти в дикарях те же черты, те же человеческие свойства, которые обычны среди людей белой расы: и любовь к детям, и честность, и чувство дружбы, и благодарность за оказанное добро, и увлечение изобразительными искусствами (резьбой по дереву и камню).

К нему приходили и суровые обитатели гор, слывшие свирепыми и кровожадными, и люди, населявшие остров Били-Били — искусные гончары и строители пирога, всегда со скромными приношениями: кокосами, кистями бананов и другими плодами папуасской земли. Обычно Маклай отдаривал эти приношения, но иногда он делал оныт: не давал взамен ничего. В этом случае поведение гостей убеждало его лишней раз в том, что ими руководили не корыстные побуждения, а желание сделать хозяину, Маклаю, приятное своим подарком.

Мальчик-папуас. (Рис. М.-Маклая.)

Маклай в любое время дня и ночи ходил по селениям папуасов. В каждом селении имелась одна, а то и две «гостиницы» — общественные хижины для холостых мужчин, своего рода клубы. Женщины сюда не допускались. Здесь-то обычно и ночевал путешественник, улегшись прямо на жесткие нары. Здесь же, сидя с папуасами у костра, он узнавал новости, рассказывал, по их просьбе, о своей родине — России.

Странствуя по Новой Гвинеи, Маклай неустанно приобретал вещи папуасов, образцы их оружия, орудий труда, утвари, телумы (деревянная скульптура на столбах, подпирающих крышу общественной хижины). Увеличивались и его коллекции животного и растительного мира Новой Гвинеи.

3

Шел уже пятнадцатый месяц жизни русского ученого среди папуа-

Папуас из деревни Марагум Мани. (Рис. М.-Маклая.)

сов. Здоровье Миклухо-Маклая, изнуренного сырым и жарким климатом, становилось все слабее; он с каждым днем замечал, как падают его силы. Тропическая лихорадка часто возвращалась и постепенно расширяла организм. Наконец Маклай попросил папуасов помочь ему выстроить новую хижину в более сухой местности, в горах, но в это время в бухту «Астролябии» пришел русский клипер «Изумруд», посланный по просьбе Русского географического общества на поиски Маклая.

Встретившись с соотечественниками, Маклай узнал от них, что на родине прошел слух о том, что он умер. Клипер «Изумруд», совершая кругосветное плавание, зашел сюда, чтобы проверить эти слухи, и если он еще жив, то спасти путешественника.

Изнурительная тропическая малярия, которую схватил здесь Маклай, недостаток европейских продуктов и общее истощение заставили его принять предложение командира «Изумруда» — временно покинуть Новую Гвинею и подвести итоги своих исследований в более культурной обстановке.

— Тамо-русс уезжает!

— Белый колдун, волшебник, исцелитель ран и болезней оставляет людей Берега Маклая!

Все пришли в волнение. В Гарасси стали стекаться делегации от отдельных селений и племен, уговаривая Маклая остаться среди них. Ему предлагали построить специальные хижины в каждом селении, отдать лучшую девушку в жены. Чем еще могли вознаградить Маклая эти люди за все то добро, которое он сделал им?

Маклай на прощанье дал им обещание вернуться, а так как папуасы привыкли верить каждому его слову, то поверили и этому.

Ученый не обманул их. Трижды (в 1876, 1879 и 1883 годах) посетил он берег своего имени.

Расставанье папуасов с «тамурусом» было трогательно по своей искренней печали. Когда «Изумруд» уходил в море, весь берег огласился грохотом деревянных барабанов — барумов. Так дикари извещали всех своих собратьев, что их покидает добрый друг папуасов, «белый колдун».

После первой поездки на Новую Гвинею Миклухо-Маклай жил и лечился на Яве, где и обработал часть своих материалов, написав ряд чрезвычайно ценных работ («Антропологические наблюдения над папуасами Берега Маклая в Новой Гвинее», «Метеорологические наблюдения о Береге Маклая в Новой Гвинее», «О зачатках искусства у папуасов», «О языке папуасов»).

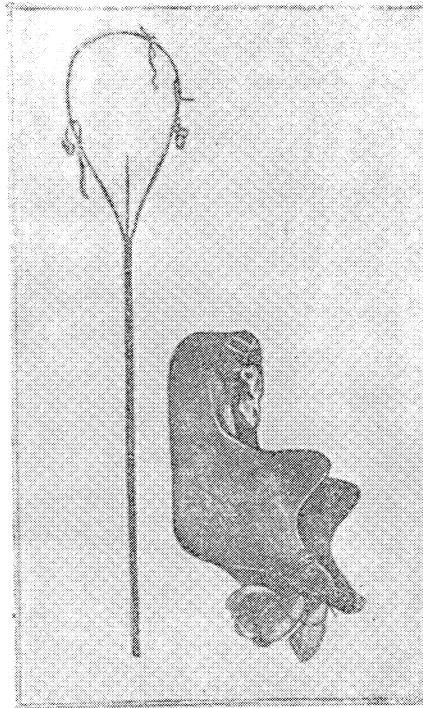
4

Н кроме поездок на Берег Маклая, ученый в 1874 году посетил юго-западный берег Новой Гвинеи, а в 1879 году совершил большое путешествие на частной торговой шхуне. Он побывал на Новой Каледонии, на островах Ново-Гебридских, Соломоновых, Адмиралтейства, Луб, Ниниго, Луизиады, на берегах Новой Гвинеи и Северной Австралии. Везде он собирал материалы о тяжелом положении туземцев тихоокеанских островов, жестоко угнетаемых европейскими «цивилизаторами», и выступал в печати, требуя охраны прав туземного населения на землю.

«Повседневная жизнь туземцев здесь (на острове Андра), вследствие нередких посещений европейских судов, потеряла уже ту первобытность и отчасти монотонность, которые мне так нравились на Берегу Маклая», отмечает в своих записках ученый.

Исключительно мягкий, добрый, Миклухо-Маклай наливался гневом и ненавистью; когда наблюдал некоторые образцы европейской «цивилизации».

«Мне сообщили между прочим, что недавно был убит некий шкипер Л. своими же людьми. Этот человек несколько десятков лет был известен на островах Тихого океана своим

«Коро» — папуасское копьё с петлей из ротанга и браслет из челювеческой челюсти.

бесстыдным и жестоким отношением к туземцам; жалеть было нечего, и оставалось только принять к сведению, что на островах Тихого океана одним дрянным человеком стало меньше.

Во время путешествия в 1879 году на шхуне «Saddie F. Caller» Миклухо-Маклай заключил с капитаном договор, «один из пунктов которого гласил:

«Если мистер Маклай будет убит туземцами одного из островов, капитан Веббер обязуется не чинить никаких насильев по отношению к туземцам под предлогом наказания».

Много ли путешественников с мировым именем относилось с такой гуманностью к «дикарям»?!

Некоторое время, в перерывах между путешествиями, Миклухо-Маклай жил в Австралии, обрабатывая собранные материалы. Своими путешествиями он охватил громадную территорию — от полуострова Малакки на западе до островов

Бэнкса на востоке и от острова Люсон (Филиппины) на севере до юга Австралии.

В 1882 году он выступал в Петербурге с публичными докладами и лекциями о своих путешествиях и демонстрациями своих рисунков к ним; один доклад он сделал в Москве.

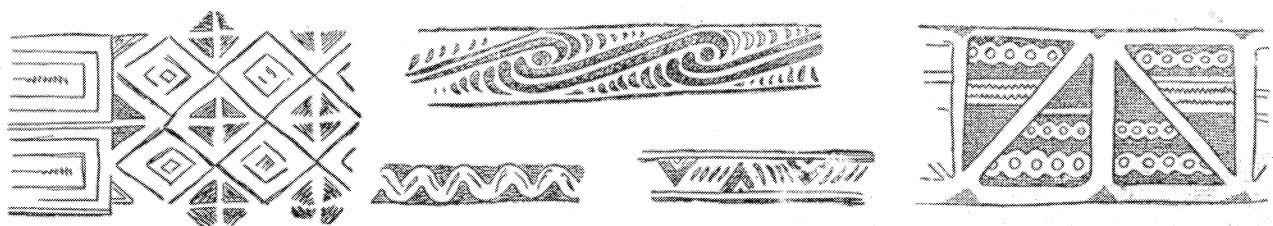
На обратном пути в Австралию (в 1883 году) он в третий и последний раз посетил своих новогвинейских друзей на Берегу Маклая и привез им обещанный подарок: пару зебу (бычка и корову) и коз. Бык своим видом напугал папуасов и вскоре ушел в лес, остальные животные тоже одичали.

Вскоре Германия заняла северо-восточную часть Новой Гвинеи и переименовала Берег Маклая в Берег императора Вильгельма. В 1886 году Миклухо-Маклай совершает поездку в Россию с проектом организации смешанной русско-туземной колонии в Океании. Проект этот был отклонен царским правительством.

13 декабря 1886 года Миклухо-Маклай передал в дар Академии наук этнографические коллекции, собранные им во время путешествий 1870—1885 годов.

Вернувшись весной 1887 года на короткое время в Австралию, Маклай затем окончательно переезжает в июле 1887 года в Россию. Переселение на север после длительного пребывания под тропиками было роковой ошибкой, так как организм его был истощен тропическими лихорадками. Миклухо-Маклай тяжело заболел невралгией и ревматизмом, как определили врачи, и 14(2) апреля 1888 года скончался в Петербурге, на сорок втором году жизни.

Вся короткая жизнь Н. Н. Миклухо-Маклая — выдающийся пример научного подвига. Он не боялся ни изнуряющей жары и болезней тропиков, ни опасностей одинокой жизни среди дикарей. Он первым описал быт «людей каменного века»; его работы — правдивое слово ученого, нанесшего чувствительный удар по ложным учениям реакционеров. Мы по праву горды нашим замечательным соотечественником Н. Н. Миклухо-Маклаем.

Образцы орнамента папуасов.

Таинственная страна Баджа

Бок о бок с одной из ультрацивилизированных стран мира лежит страна тайн и чудес.

Южная Калифорния и ее киногород Голливуд известны миру, но Баджа, или Нижняя Калифорния, ее непосредственный сосед — малоисследованная страна. Этот полуостров, длиной в 800 миль, идет параллельно западным берегам Мексики к югу от тропика Рака. Цени гор возвышаются на 10 000 футов над уровнем моря, образуя центральный горный хребет. Большую часть полуострова занимает безводная пустыня, но местами она покрыта сочной растительностью тропических лесов. Судя по словам посетивших ее ученых, это страна биологических и минералогических чудес.

Некоторые горы на полуострове сложены из чистого мрамора. В горах были найдены богатые залежи золота, серебра и других ценных металлов. В пустынях кактусы то достигают 60 футов высоты, то стелются по земле, подобно громадным змеям. В некоторых местах, где растет кактус, туземцы и их

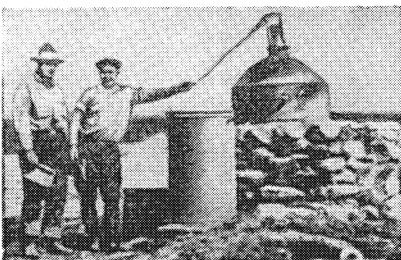

Индийские женщины в самодельной лодке извлекают жемчуг, найденный в заливе.

лошади в защиту от его игл носят толстую кожаную броню.

Население полуострова состоит преимущественно из индейцев. На одну квадратную милю здесь приходится всего лишь от 1 до 2 человек жителей. Большинство из них проживает в Тихуане и других северных пограничных городах или же в Ла-Паз и прочих селах, неподалеку от южного края полуострова. Путешествуя по стране, можно целыми днями не встретить ни одного человека, но диких зверей и птиц здесь много.

Тропические моря изобилуют китами, морскими львами и нерпой. Калифорнийский залив богат всевозможной рыбой. Там ловятся меч-рыба и скат-рыба весом до 1½ тонн, морские черепахи и много менее известных представителей жизни океана. Устрицы на его берегах вырастают до огромной величины, не-

Дистиллятор для получения питьевой воды из морской.

Большая часть пути, указанного жирной линией на левой стороне карты, непроходима.

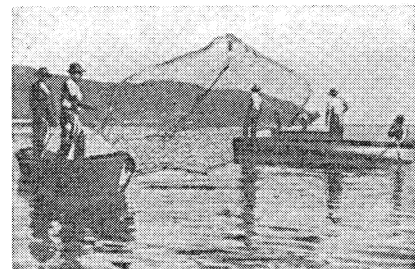
которые из них содержат дорогой черный жемчуг, которого нельзя найти более нигде в мире.

Нижняя Калифорния была частично открыта испанцами два века назад. А на некоторых более крупных островах и сейчас встречаются развалины каменных зданий, существовавших еще до открытия Америки.

Испанцы открыли несколько золотых залежей, разработанных туземцами, и сами извлекли студа солидное количество золота.

Близ залива была разработана крупная медная жила, но большинство других известных залежей осталось нетронутым. Случайные золотоносные жилы разрабатывались индейцами ручным способом. Сельское хозяйство на полуострове мало развито — из-за недостатка пресной воды. В некоторых портах имеются маленькие рыбоконсервные фабрики. Но в целом полуостров мало затронут цивилизацией, и некоторые его части до сих пор еще не засняты на карту.

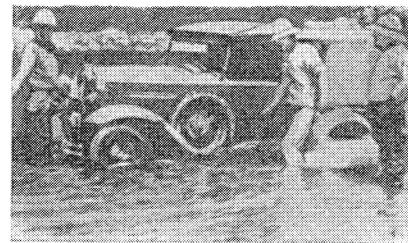
Если мы посмотрим на карту полуострова, то найдем растянувшуюся во всю его длину автомобильную дорогу. Примерно 60 миль пути от Тихуаны до морского порта Энсенада действительно вымощено, но южнее во многих местах, где, судя по карте, есть

Туземные рыбаки тащат сети с креветками из Калифорнийского залива.

автомобильное сообщение, на самом деле никаких признаков дороги нет. Эта «дорога» появилась на картах в результате того, что лет пятнадцать назад Автомобильный клуб Калифорнии организовал автопробег легковых машин по дороге в Ла-Паз. Проходивший путь и послужил основой для нанесения дороги на карту.

В одних местах экспедиция могла проходить по 15 миль в час, а в других те же 15 миль с трудом удавалось пройти за целый день. Иногда экспедиция была вынуждена разбивать лагерь в связи с внезапным разливом реки, мостить дорогу по пескам, чтобы не дать машинам завязнуть. С тех пор в Ла-Паз про-

Автомобиль американского каравана, застрявший в болоте при попытке пересечь поток на своем пути к югу.

ходили лишь немногие случайные машины. Но в таких случаях они должны были набирать с собою большие запасы горючего, масла, воды и запасных частей.

Воды здесь почти всегда нехватает. В некоторых селениях питьевую воду добывают из морской с помощью дистилляторов.

В стране ходят легенды о затерянных рудниках и зарытых сокровищах. Многие из них кажутся правдоподобными. Например, рассказывают, что высоко в горах Сан-Педро-Моргир ранние испанские пришельцы открыли чрезвычайно богатую золотом жилу и успели извлечь значительную часть запасов, а затем почему-то жила была заброшена. Время и потоки ливней смыли следы дороги, ведущей к ней, и никто из последующих золотоискателей не смог найти место, где испанцы когда-то обнаружили золото. По всей вероятности, действительно золота в Баджа-Калифорнии будет найдено немало. Но пока что туристы не забираются дальше Тихуаны и Агуа Калиенте. Остальная часть полуострова и поныне является страной тайн.

ВСТРЕЧЬ СОЛНЦА

В. САФОНОВ

Рисунки В. А. Фаворского

Очти четыре века тому назад, в царствование Ивана Грозного, совершилось событие огромной исторической важности. Казачье войско перевалило через Уральские горы, уничтожило в сибирских землях власть хана Кучума, который считал себя потомком Чингиз-хана, и открыло русскому народу путь в безграничные восточные просторы. Людей в этом войске недоставало бы и на один нынешний полк, а вел их атаман Ермак. Настолько удивителя был этот подвиг, что в памяти народной имя Ермака стало окруженным легендарной славой. С тех пор живут и не умирают песни о «взятии Сибири». Казачий вождь стал в этих песнях былинным богатырем, в котором воплотились сила и правда народная. И беспримерной чести удостоил его народ-песнетворец. Он считает Ермака племянником Ильи Муромца.

Страна за «Камнем» (так называли тогда Уральские горы) была до того неведомой. Сказки ходили о черной глуши ее лесов, о богатствах ее, о вершинах, упиравшихся в небо, о диковинных народах, будто бы живших там. Был казачий поход открытием нового мира, неизвещенного материка, более обширного, чем Америка.

Меньше четырех лет сражался Ермак, вел вперед свое войско, устраивал новые земли. Затем он погиб. Горсть русских осталась в Сибири. Но уж ничто не могло изменить то, что случилось.

Бывает так: весенний поток, отыскивая себе путь, натывается на преграду. Но прибывает вода, растет ее пока скрытая сила, растет до тех пор, пока не сравняется с силой преграды и не превзойдет ее, и вот хлынул поток через разметанную запруду...

Так случилось и тогда: словно прорвалась давно сдерживаемая, все прибывающая сила — через немощные пространства пошли шаг за шагом все дальше русские люди и в полвека вышагали весь материк. В эти полвека Московское государство стало Россией, упершейся в Тихий океан. — страной, равной которой не бывало на земном шаре.

И вот как совершилось все это.

Спорят и гадают историки, кто был Ермак, где родился, как жил до тех пор, пока не очутился в прикамских краях, в Перми Великой. По летописям можно понять, что вышел он из понизовых, коренных донских казачьих станиц. Но неизвестно, был ли он и родом оттуда или на Дон тоже забросила его бродячая судьба.

В ту пору много казаков жило и «гуляло» по рекам — Днепру, Дону, Волге и Яику — Уралу.

Были казаки «векочечные», у которых с Руси ушел лед или прадед; а другие только-только сами являлись попробовать казачьей доли.

Но кто бы ни попадал в казаки, а были это люди особого крепкого закала; так и отзывались о казаках: непокоримые, мол, бесстрашные к смерти и к нуждам тоскелювые.

Было казачество, как выплеснутая вперед волна русского народа, были они разведчиками и караульщиками Руси. Далеко залетали они: и на зеленую Кубань, и на пенистый Терек, и в пустынные заволжские степи.

Когда очень уж дожимало казачество лихими своими набегами «басурман», московские послы в Бахчисарае

и Стамбуле отрешивались от него: они-де «ведомые воры», в подданстве государя не состоят. И все же казаки считались «под государевой рукой» и справляли «царскую службу».

Необычная то была служба! Казаки караулили «дикое поле».

Дней на четыре-пять пути от самых южных городков выставлялись в степь сторожки и станицы. Двенадцатью цепями тянулись они от Суры до Сейма, от Сейма до Ворсклы и Северного Донца. Травы никогда не паханной земли почти закрывали всадника с конем; в них, как в лесу, гнездились тучи птиц; колебля медовый запах, ветер бежал по травам, с холма на холм, волнами и струями тусклого блеска. Ночью степь встречала заходящего человека голосами сверчков и высистами сусликов.

Далеко друг от друга высились одинокие дубы. Один из сторожей взбирался на самую вершину и, укрывшись в ветвях, оглядывал оттуда широко раздвинувшийся степной круг. У товарищей дозорного были под рукой нерасседланные кони. Зоркий глаз с вершины дерева примечал далеко в степи быстрые облачки пыли. Летели всадники: казачья станица. Еще издали показывали знаками: движется через «дикое поле» на Русь войско ордынцев. И тотчас вскакивал сторож в седло и мчался к другому дубу, маячившему на горизонте. Еще не доскакал туда, а уж, по его знакам, дальше во весь мах летел гонец к третьему сторожевому дереву. Так, словно на крыльях, неслась весть: «Степь идет! Готовься! Берегись!»

И ратники надевали кольчуги в городах Украины, обнесенных рвом и тыном, и воеводы садились на коней в Москве.

А казачьи доглядчики несли новую весть: сколько непрошенных гостей надо ждать, судя по следам на степных дорогах... А в то время, как одни скакали с вестями, другие казачьи отряды задерживали гостей.

Быстрые и потаенные, они рыскали вокруг стана кочевников и наносили часто ордынцам не меньший урон, чем регулярная армия.

Рубашка — узкие рукава, шаровары в сотни сборок, кафтанничко, подпоясанный кушаком, шапка — войлочная ермолка, круглая или высокая меховая. Дочерна выдубленное солнцем и ветром лицо; странное наречие — со множеством слов, не понятных домовитым северянам. Татарские седла, невысокие ногайские лошади. И пища в походах обычно та же, что и у кочевников-степняков: сыр из молока кобылиц, овсяные лепешки и черные измочаленные, выпревшие в лошадином поту под седлом ломти баранины. Вот каковы были казаки.

Иной раз донская «голытьба» отправлялась «погулять» на Волгу. Там бездельный люд, бурлаки, рабочие — «ярязжки» — с разграбленных купеческих судов вливались в казачьи ватаги.

Так с Дона перешел на Волгу и Ермак. Долго ли до этого он был на Дону, мы не знаем. Можно догадываться, что побродил он-таки по Руси, — много людей тогда бродило, отыскивая «правду», — был будто бы и в войсках Грозного на Ливонской войне. В конце шестидесятых годов XVI столетия русскому югу пришлось перенести страшное испытание. Султан Селам и крымский хан Девлет-Гирей двинули войска на Дон и на Астрахань. Тогда поднялось все казачество, отражая нашествие. Воевал тогда, надо думать, и Ермак. По крайней мере, следом за войной, отправляясь

на Волгу, он был уже атаманом, и при этом атаманом гольтубы, самой бездомной части казачества.

Десять лет гуляли удальцы Ермака по Волге, на легких стругах залетали и на Каспий.

На Волге было много вольных ватаг со своими атаманами. Но скоро Ермак стал выше других. Из-под его «руки» казачьи ватажки «разведывали» даже ногайскую столицу Сарайчик, на Яике.

Послал однажды царь казну шаху персидскому. Но казна не доплыла по Волге до шаха — «пошарпали» ее повольники. Ехали на разубранных коврами судах персидские послы. Вдруг заколыхались камыши — целый лес пик отделился от них, выпорхнули челны. Стража и рабы сопротивлялись недолго. Персы с завитыми и накрашенными бородами повисли на мачтах.

И стал Ермак настолько могучим, что собирался ити походом даже на Персию.

Тогда Грозный послал войско против вольницы. Повел войско стольник Иван Мурашкин.

И вот тут произошло вовсе неожиданное. Почти вся казачья волжская вольница снялась с привычных мест и ушла на Каму, на Урал — служить купцам Строгановым! И увел вольницу Ермак.

Мог Ермак поступить так, как поступали до и после него десятки казачьих атаманов: попытаться укрыться от воеводы на Дону, в поле или на самой Волге, а то и просто принести покаянную. Не в первый и не в последний раз царская гроза шла на Волгу.

А Ермак поступил так, как не поступал ни один атаман: увел казаков на край света. Всех ушло примерно пятьсот сорок человек, и с ними атаманы Иван Кольцо, Иван Гроза, Яков Михайлов, Матвей Мещеряк и Никита Пан.

Дело было под осень. Зазимовали где-то на Камне. По весне прибыл Ермак в строгановские вотчины. Строгановы жили в Пермской земле, как царьки. Им принадлежали по Каме и Чусовой горы и леса, посады и села. Они варили соль, тайком от Москвы копали руды; сами лили пули, делали порох. Только один царь мог судить Строгановых, но по послушнице, которую знали и тогда, — «до бога высоко, а до царя далеко» — все сходило с рук предприимчивым купцам. На три столетия стало поговоркой: «богат, как Аника Строганов».

Ермака и казаков зазвали к себе сын и два внука Аники; сам Аника к этому времени уже умер. Почти полтора года прослужили казаки Строгановым, берегли Пермскую землю. Враждебные племена из-за гор, из-за Камня делали набеги на Пермь. Казаки отразили один такой набег и взяли в плен мурузу Бегбелия.

Там за горами лежало Сибирское ханство. Сидел в нем хан Кучум. Было это ханство последним осколком

огромного чингизханова государства — орды, что железной своей пятой придушила некогда мир, смяла русские поля, смела долой сотни городов и деревень.

И сказочно богата была Сибирь. Одни говорят: купцы Строгановы послали Ермака на Сибирь. Другие говорят, что сам Ермак пошел путем былинных богатырских подвигов. А вернее всего — купцы подали мысль, а запала эта мысль крепко в головы волжским удальцам. Когда собрались казаки в поход, Ермак велел Кольцу «приступить» к Максиму Строганову. И Кольцо так «приступил», что Максим, перепуганный, настезь растворил амбары и дал казакам на дорогу все, что бы только те пожелали взять...

Речная дорога должна была повести казаков в сердце страны сухопутных кочевников. Жители сибирской тайги знали тропы и улазы так же хорошо, как лесные звери. Кочевники-степняки жили на коне, в седле и умирали. А казаки воевали с реки, с воды. Стружный флот шел войной на Кучумово ханство.

Вот кончены старательно обдуманые сборы, казаки рассаживаются по стругам. Начальный атаман — Ермак, возле него — меньшие атаманы. Под атаманами — четыре есаула, выборных из простых казаков. Войско поверстано по сотням, во главе каждой — сотник, и у каждой сотни — знаменщик со знаменем. Есаулы знали грамоту.

Везли легкие пушки, доспехи, сабли, копыя, бердыши, тяжелые семиядные пищали и луки.

К казачьему войску пристало немного охочих строгановских людей. Всего набралось 654 человека.

Атаман протрубил в рог. Грянули литавры, забил барабан. Прощайте, люди русские! Прощайте, купцы! Поплыли казаки биться за сторону русскую. Поплыли за своим казачьим счастьем... Случилось это 1 сентября 1581 года.

Нкруто пала с Уральских гор река Чусовая. Водовороты пеной били о скалистые берега. Медленно двигались против шальной воды казачьи струги. Ловили рыбу, стреляли зверя. Первые летучие нити осенней паутины сверкали на ярком еще солнце. На ночь раскладывали дымные костры. Так плыли вверх по Чусовой, среди черных хвойных и тронутых багрецом лиственных лесов, в которых никогда не раздавалось стука топора.

Суда были гружены тяжело, на быстрине и крутых поворотах черпали волну. А к верховью река мельчала. И, по преданьям, Ермак велел перегораживать реку парусами. Парус натягивали поперек реки позади стругов. Запруженная вода подымалась, и суда двигались, как от шлюза к шлюзу.

На Урале, на самом рубеже Азии, Ермак решил зазимовать. Острожек, по обычаю, обнесли стоячим ты-

ном. Место это до сих пор называют «Ермаковым городищем» или «Кокуй-городищем».

Вокруг стлалась охотничья страна. В лесах казачьи отряды ловили иногда «языков». От них допытывались путей в Сибирь.

Весть о пришельцах, каких не видала Сибирь, летела от стойбища к стойбищу. От вогулов к осяткам и татарам. Один казачий отряд забрел далеко, и татарский мурза перенял его и перебил. После зимовки много народу недосчитался Ермак.

Весной казаки спустились до Тагила, поставили здесь город, построили новые струги, погрузили на них запасы и поплыли вниз по Тагилу. Нигде не слышно было человеческого голоса. Но двигались осторожно, разведывая местность. Разведчики рассказывали о покинутых юртах. Земля лежала пуста. Казалось, ничто не преграждало пути казакам.

Воды Тагила вынесли струги в Туру.

Однажды несколько камней скатилось с высокого берега и в воздухе свистнула оперенная стрела. Толпа всадников в острых шапках, с круглыми щитами на руках показала на берегу. Казаки ответили залпом.

Всадники на берегу испугались огня, дыма и грохота.

А Ермак, не мешкая, двинулся дальше. Во встречаемых поселениях казаки собирали продовольствие и оповещали жителей, что больше нет власти Кучума. И в знак перехода селений под русскую власть брали поминки, небольшую дань мехами.

На малое время остановились в Тюмени, вперед выслали отряды.

Один отряд дошел до городка Тархан-Калла на Тоболе, близ устья Туры. Тут был в то время знатный Кучумов мурза Кутугай — приехал собирать дань. Казаки захватили его и привели к Ермаку. Ермак встретил Кутугая в своем лучшем платье. Он угостил мурзу изысканными яствами. Перед мурзой положили дорогие подарки. Пять лучших стрелков стали палить из пищалей. Кутугай увидел, что железная кольчуга пробита насквозь, будто сплетенная из травяных стеблей. Он был сбит с толку всем тем невероятным, что приключилось с ним.

И, смякши, он рассказал, что нелегко быть верным мурзой великого хана Кучума. Не песнями и плясками встречает народ мурзу. Хитростью и силой держится хан Кучум.

Кутугай вернулся к Кучуму. Одетый в дареное цветное платье, он поцеловал пыль у ног хана в столице, в городе Кашлыке, и разложил подарки Ермака. Затем он рассказал об удивительных гостях татарской страны, об их оружии. Впрочем, — сказал мурза, — вероятно, уже гребут казаки против течения по сибир-

ским рекам, — запоздали, спешат до осени вернуться на Русь...

А Ермак поспешно, не давая отдыха казакам, плыл не вверх, а вниз по Туре. Теперь он знал, что не только пищали да пушки его сила, есть у него и другие помощники против Кучума. Тысячи людей, загнанных в звериные логова, ждут избавителя от ханской неволи. Да и многие князьки, как видно, не станут биться до последней капли крови за своего повелителя...

При впадении Туры в Тобол казаков подстерегали шесть татарских князьков со своими войнами. Рвы и валы укрывали их от казачьих пуль. Оттуда татары засыпали казаков стрелами. Но Ермак никогда не давал противнику вести бой по-своему.

Отряды, высаженные в потайном месте, обошли врага. Тем временем сам Ермак открыто высадился со стругов на берег. Татары сосчитали: русских мало. И сами выскочили навстречу казакам. Тут-то они и оказались в железном кольце.

Ермак двинулся дальше.

Река сузилась, берег гребнем поднялся над ней. В этом месте, тесном и мрачном, Кучум приказал протянуть поперек Тобола железную цепь. Хан хотел загородить воду, на которой татары не умели противостоять казакам. А на берегу караулил с войском мурза Алышай, чтобы уничтожить струги, когда они наткнутся на цепь.

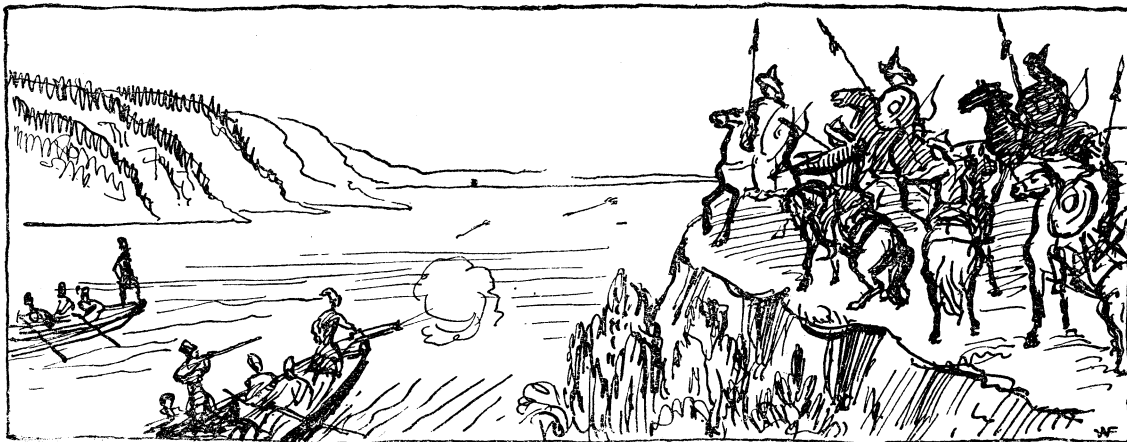
Но Ермак дал и этот бой по-своему. Он велел казакам связать ночью из хвороста пучки. На хворостяные вязанки надели зипуны. Ермак с дружиной впласть добрался до берега. На стругах с хворостяными людьми остались только гребцы. Увидели татары — снова плывут казаки, и встретили их градом стрел.

А пока происходил этот бой с соломенным войском, Ермак, далеко обойдя по суше, вышел в тыл Алышаю. Настал вечер. Казачье войско, приплывшее по реке, а теперь вдруг непостижимо возникшее на суше, показало татарам при свете молодого месяца бесчисленным, и они бежали. Снова свободен был путь.

В этих боях погибло немало казаков. А между тем все главное оставалось впереди. Хан Кучум только собирал войско.

Отборных всадников повел лучший воин ханства, Кучумов племянник, Махметкул. У Бабасанских юрт Махметкул встретился с Ермаком. Он засыпал стрелами передовой, ертаульный струг. Тогда все казачьи струги быстро подгребли к месту боя. Татарская конница тччей стояла на берегу. Концы коротких копий горели. И, подплыв, казаки заробели.

В это мгновение Ермак первым выскочил из струга и кинулся вперед. Он не дал врагам опомниться, а своим заробевшим поддаться малодушию. За атаманом уже выскакивали на берег казаки. Битва была жестокой. Пять дней подряд возобновлялась она.

Казаки стреляли, по рассказу летописца, из «пищалей и пушек скорострельных, и из дробовых и из затинных, и шпанских и из аркебузов». Махметкул стал отступать, заманивая казаков прочь от воды. Но когда казаки попали в ловушку, Ермак велел вырыть ров. Казаки встретили залом татарскую конницу и прыгнули в ров. Всадники перемахнули через них, а казаки опять стали стрелять им в спины. Теперь повел бой не Махметкул, а Ермак. На пятый день Махметкул повернул прочь коня. Но и казачье войско обессилело. Казаки ушли в лодки, в свою водяную крепость. Отдыхать долго было нельзя. Оставаться на месте значило позволить врагу собраться с силами. Многие в казачьем войске роптали и требовали повернуть назад. А Ермак снова поплыл дальше. Железная воля нужна была для этого решения.

Вся главная татарская рать со старым ханом еще только ожидала казаков на Иртыше, вблизи столицы ханства. Долго медлили казаки в маленьком городке на левом низменном берегу Иртыша. 23 октября 1582 года, когда сильный татарский отряд показался на высоком крутом Чувашском мысу, казаки пересекли реку и бросились на врага. Они открыли пальбу из всех ружей и пушек. Но ядра и пули не доставали татар за засекой, за громадным валом из вывороченных деревьев, укрепленных песком и землей, утыканных ключичим сушняком. А стрелы свистящим косым дождем сверху, с голы и черной горы, поражали русских. Казаки падали. Но некоторые, вырвав из своего тела вонзившуюся стрелу, вкладывали ее в лук и посылали обратно в татарский завал. Дерзкая удаля русских людей бесила врагов.

И вот оправдался расчет Ермака, хитрая, смелая его тактика. Татары сами в трех местах проломали засеку и хлынули, согнувшись, вперед с криками: «Алла! Алла!»

Выманив татар, казаки схватились с ними грудью к груди. Теперь не все ханское войско было перед ними, а только часть его. Хан Кучум стоял наверху горы. Столица виднелась позади. Издали она походила на большую муравьиную кучу, насыпанную на сером холме.

Но хан только слышал страшный лязг битвы у своих ног. Он ничем не мог помочь своим. Стрелки отложили луки: и соколиный глаз не выбрал бы мишени в этой сгрудившейся массе тел. Береговая полоска, где бились, была узка. Лишнему воину тут некуда было ступить. Десять тысяч там не имели преимущества над пятью сотнями. Только отвага решала дело.

Не с железными ли людьми бились татары? Грозный клич лучших воинов хана и самая смерть не устрашили их. Вокруг мертвых снова смыкались казачьи ряды. Плечистые бородачи, глядя в глаза, погибали, рубились с хохотом. Такой отваги татары еще

не видывали. Казаки бились друг за друга, за все казачье товарищество, за старшего, атамана, кем оно было крепко, за великую Русь. Они были куском Русской земли, закинутым в эту страну, которой владели ханы, исконные кровавые враги Руси. Мстя за упавшего товарища, они мстили за всю пролитую ханами русскую кровь.

Ермак и все атаманы рубились впереди. Горло горело от жажды. Люди, черпнув воды шапкой, снова кидались в свалку, пар стоял над ней. Багровый отсвет заката напитал небо и пустынную воду реки.

В бою пало сто семь казаков. Павших врагов не стали считать. Кучум бежал.

Казаки подошли к городу Кашлыку.

Стоя у подножия горы, они не верили еще, что город — их. Они совещались и подождали немного, опасаясь засады.

Но столица была пуста.

Три дня казаки собирали добычу. На четвертый пришел остяцкий князек с низовьев Иртыша. Приведенные им люди выгружали рухлядь и рыбу. Ермак поднял князька с земли и посадил рядом с собой. Он велел подать угощение. Остяцкий князек, понемногу оправившись от страха, рассказал атаману все, что знал: о беглом хане Кучуме, о делах в своем городке и в других соседних княжествах.

Слух о необычайном милостивом приеме быстро распространился. Остяки — ханты — везли этот удивительный слух на своих нартах с собачьими упряжками, татары — на скрипучих арбах, запряженных быками. К воротам Кашлыка стали возвращаться бежавшие жители. Из окрестных улусов приходили старшины. Они били себя в бороды и клялись в верности.

Казаки приветливо встречали простой народ. Сами они стали ездить по селениям окрестным. Болтали по-татарски, в аулах у них завелись кунаки и побратимы. Еще двое князей явились с повинной. Приведенные князьями обозы с добровольным ясаком стояли у ворот города. Войдя в этот город, который русские называли теперь Сибирью, князья простерлись перед Ермаком. Он их принял так, как некогда мурзу Кутугая, а потом остяцкого князя. Трубачи трубили, и пищальники палили из пищалей. Атаман богато одарил обоих князей. С тех пор и до конца своих дней эти князья верно и преданно служили русским.

И вот в счастливом для казаков декабре 1582 года Ермак сделал еще один необычайный шаг. Он не стал жить по старинному завету вольницы: «что урвали, то и добыча наша». Он не послал своих людей на поклон Строгановым. Нет, он отправил посольство в Москву: бить челом Сибирью русскому царю.

Послом поехал Иван Кольцо, с ним — пять казаков. Они повезли богатые подарки: соболей, чернобурых лис, бобров. 22 декабря 1582 года собачья упряжка тронула нарты с атаманова двора. В этот день Сибирская земля слилась с Русской землей.

Царь Иван Васильевич сразу оценил всю важность известия. За верную службу он простил казакам все вины и наградил жалованьем, сукнами, кольчугами. Ермаку же послал серебряный вызолоченный ковш, 100 рублей (по тем временам огромная сумма), собою шубу со своего плеча и два драгоценных панцыря. И, как говорят летописцы, объявил Ермака «князем Сибирским».

На подмогу Ермаку царь велел собираться воеводе с ратью.

А Ермак в это время продолжал свое единоборство с ханом Кучумом. Шайки кружили вокруг казачьего стана, выжигая аулы за то, что жители их стали держать сторону русских. Но и Ермак следил за каждым шагом хана; он отгонял его все дальше и дальше — и не только силой: он знал, что сердца сибирских народов отворачивались от Кучума — страна сбросила со своих плеч долой ханскую власть, как ветхую одежду.

Хан пробовал снова вступить на ту землю, которую еще недавно считал своей, но теперь земля горела под его ногами.

Так, с горсткой казаков держался Ермак в Сибири, ожидая царской подмоги. И не просто держался. Без удара меча росло казачье царство. Казачьи отряды пошли во все концы его. Узкий след оставляли на снегу лыжи и нарты. Одеты в оленьи шубы, длинной плетью погоняли казаки упряжных оленей, песней будили дремучую тайгу.

Удивительные вести сохранили летописи о казачьих походах: пятьдесят, тридцать, а то и двадцать человек покоряли целые княжества. Товарищи-побратимы чуть не сам-друг пускались в нехоженые места и открывали земли величиной с королевство.

А подмога долго не шла. В засадах, которые предательски устраивали оставшиеся верными Кучуму мурзы, русские гибли. Так погиб атаман Пан, изменнически был убит вернувшийся Иван Кольцо; Михайлов поехал, как всегда, с пятью казаками — их заманили в засаду и посекали. Атаман Гроза отправился в Москву отвозить пойманного Махметкула. Только Мещеряк остался с Ермаком.

Поздней осенью 1584 года воевода князь Болховской привел наконец 500 стрельцов. Но суровая, голодная зима погубила многих непривычных московских людей. Умер и сам воевода.

Летом 1585 года гонец прискакал к Ермаку с вестью, что Кучум стал и не пускает бухарский торговый караван, которого ждал Ермак. Атаман с полусотней выехал навстречу каравану. Поднялся по Вагаю до урочища Атбаш, что значит «лошадиная голова». Каравана не было. Ермак понял, что весть ложная, и повернул обратно. Пала ночь с 5 на 6 августа 1585 го-

да. Начался дождь с грозой и бурей. Ермак заночевал на островке при впадении Вагая в Иртыш.

Люди не спали трое суток. Они тотчас заснули.

Хан Кучум издали следил за Ермаком. Когда Ермак остановился на острове, Кучум стал на берегу против него

Татары знали брод, где можно через реку перебраться на лошадях.

Трижды посылал хан лазутчиков узнать, спят ли русские. Затем татары перешли реку и принялись резать и душить сонных. Но Ермака не резали сонным. Вскочив, он прорубил себе дорогу к реке. И уже отбился от наседавших — один от десятих, уже прочистил путь к воде, но волна отогнала струги от берега. Атаман прыгнул, оступился, на нем было две кольчуги, подаренных царем, — они потянули его книзу, и он утонул.

Множество легенд рассказывали в народе о Ермаке. Будто всплыл его труп через неделю, и чудесные явления стали происходить вокруг него. Когда похоронили тело, тихий свет зажегся над могилой — как бы свеча в головах. Только татары видели этот свет — для русских он был невидим. Волшебная сила жила в панцырях, в сабле и одежде Ермака. Они приносили удачу, делали владельца их неуязвимым, исцеляли болезни.

Так рассказывали о Ермаке простые татары. И видно по этим рассказам, что не был Ермак в глазах сибирских народов просто «завоевателем» и «покорителем».

Вот почему и после гибели его не могла зарости та широкая дорога на восточный простор, которую он открыл русскому народу.

Новым ратьям, присланным Москвой по следам Ермака, уже не приходилось вести почти никаких боев.

Первым русским городом, выстроенным в Сибири, была Тюмень. Ее заложили через год после смерти Ермака. А еще через год в восемнадцати верстах от Кашлыка, против устья Тобола, письменный голова Данила Чулков заложил Тобольск, который надолго затем стал главным городом русской Сибири.

Не набегом приходили русские люди в Сибирь. Они несли с собой свой жизненный уклад, обстраивались хозяйственно и крепко. Зимовья на волоках или возле речного устья обносили тыном из обтесанных кольев, строили город со стенами и башнями. Сажень стены стоила, по тем временам да по сибирским местам, 20 копеек, башня — 1 рубль.

Как сбегут буйные весенние ручейки и первым шестом наполнятся леса — двигались дальше. Что влекло их? Но скототив кочеток или дощаник, распрялив

сырую шкуру вместо паруса, а то и просто вздев самопал за плечи и сунув топорикошко за пояс, шли и шли на восток. «встречь солнца», отыскивая новые, еще неведомые приволья. Тут-то, на сибирских просторах, выработалось поразительное явление нашей истории, какого не знала больше ни одна страна, — «землепроходцами» метко назвали этих разведчиков неизведанных земель. И была жизнь их героичнее и удивительней приключений воителей с последними могиканами, о которых рассказывал Купер, и пионеров американского севера, прославленных Джеком Лондоном.

За соболями, за горностаями, за куньим и лисьим мехом шли в Сибирь промышленники. С луками, тетентами, западниками уходили с рек в лесные чащи. За рубали деревья, чтобы не сбиться; в ямах зарывали прокорм на обратный путь. Охотились по приметам. Придумывали свой язык, где все называлось «другим словом», чтобы не спугнуть удачу: конь назывался долгохвостым, ворона — верховым, змея — худой, кошка — запечанкой.

Это происходило 120 миллионов лет тому назад. Земля знала лишь вечное лето. Сырой теплый воздух окутывал нынешнюю Европу, Азию и Северную Америку.

Над обширными топками болотами, причудливо переплетаясь гигантскими ветвями, высились пышные тропические леса вечнозеленых хвойных деревьев и пальм.

По горло погрузившись в теплую болотную жижу, наслаждались покоем травяные гиганты-бронтозавры. От утренней зари до вечерней не жились они у берегов, лениво пережевывая сочные прибрежные травы. Болота давали им и пищу и надежное убежище от врагов. Только изредка вылезали они из воды повалиться в береговом песке и погреться под горячими солнечными лучами.

Около шестидесяти миллионов лет назад исчезли на земле эти гигантские ящеры. Климат земли стал холоднее, образовывались новые моря, среди океанов появлялись новые материки. Появились и начали широко расселяться более совершенные теплокровные животные. Происшедшие изменения оказались для пресмыкающихся гигантов роковыми. Все они вымерли, не оставив даже своих прямых потомков.

Восстановить для науки формы и размеры гигантских ящеров помогли их ископаемые остатки, во множестве разбросанные по земному шару.

Совсем недавно появившаяся находка обогатила наши сведения об образе жизни бронтозавров.

В 1938 году американский палеонтолог Берд начал производить раскопки на берегах небольшой речки в штате Техас. Внимание его привлекло несколько громадных углуб-

лений в прибрежной известняковой плите. Очистив ее от ила и песка, Берд пришел к выводу, что это следы, оставленные каким-то исполинским животным.

Тщательное изучение следов показало, что они принадлежали одному из самых крупных наземных животных, населявших когда-либо земной шар, — бронтозавру.

Находка, несомненно, заслуживала помещения в музей.

Очистка и перенесение следов были нелегким делом. Исследователей сразу же озадачил неприятный сюрприз. Оставив

Каждый отпечаток ног бронтозавра вмещал 80 литров воды. Юный участник экспедиции превратил след исполина в достаточно удобную ванну.

три-четыре отпечатка на берегу, след бронтозавра уходил под воду. Для осушения дна реки потребовалась постройка плотины. Следопыты превратились в ирригаторов. Закипела работа. Из мешков, наполненных песком, устроили ограду, отделяющую часть речного русла. Дни и ночи люди из огражденного участка ведрами черпали воду. По мере того как вода убывала, показывались следы. Река

Земля казалась беспредельной. Ее измеряли не верстами, а «днищами» переходов.

В 1609 году русские зазимовали на Енисее. В 1620 году мангазейский промышленник Пенда дошел до Лены.

В 1639 году с вершин Станового хребта, где мерзлый ветер крыл инеем черный камень, казак Иван Москвитин увидел спутанную гущу лесов Приморья. Он спустился по реке Улье. На изрезанном берегу белые венцы пены окружали обломки скал, раскиданные будто от удара гигантского молота. Живая гладь, седая, пустынно-свинцовая, подымалась в тусклом блеске до самого туманного неба.

То было Тунгусское море, позднее названное Охотским.

Так, в 58 лет русские прошли из конца в конец весь Азиатский материк.

В сороковых годах острожки появились на стелых реках сибирского северо-востока. И русские кочи проложили северный морской путь от Лены к Чукотке.

не раз затопливая отвоеванные у нее участки, перебарывая через плотину лавины воды. Работу тогда приходилось начинать сначала. Но вот последние ведра воды выброшены, и перед исследователями появились следы. Они оказались такими же отчетливыми, как были и 120 миллионов лет назад.

Плита, на которой запечатлелись следы, была когда-то илистым дном солоноватой лагуны, соединявшейся с морем. Превратившись с веками в известняк, вязкий ил прекрасно сохранил до наших дней след прошедшего по нему гиганта. Расположение отпечатков подтвердило, что бронтозавр ходил на четырех ногах. Отсутствие отпечатка хвоста указывало, что бронтозавр бродил в воде, неся свой хвост на поверхности воды и не касаясь им дна.

Вскоре новая неожиданность озадачила следопытов.

Пройдя по дну реки, цепочка следов исчезала под обрывистым берегом. Начались земляные работы. Прорыв сквозь скалу глубокий котлован и выбросив многие кубометры земли и камня, настойчивые исследователи наткнулись на продолжение следов. Отделить плиту со следами от грунта помогло то счастливое обстоятельство, что плита лежала на слое мягкой глины и толщина ее не превышала 24 сантиметров.

Это позволило вырубить долотами и отодвинуть в сторону

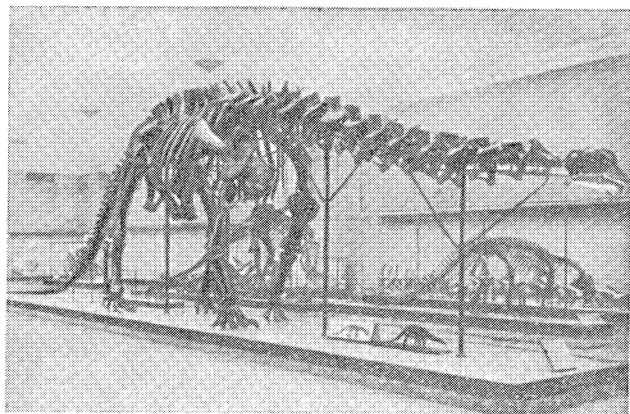

Части плиты со следами гигантского ящера нумеруются для отправки в музей.

участок ее, содержащий следы. Он имел 90 метров длины и 2,5 метра ширины. Для перевозки в музей плита была разбита на отдельные участки, предварительно тщательно пронумерованные.

Вся работа по очистке, отделению и перевозке следов заняла свыше двух лет. Только в 1941 году следы были выставлены рядом со скелетом самого бронтозавра в Американском национальном музее в Нью-Йорке.

Так была открыта новая страница в летописи о жизни на Земле.

Скелет бронтозавра.

ЗНАМЕНИТЫЙ РУССКИЙ ГЕОЛОГ

Широко раскинулась Русская равнина.

Она простирается от синих вод Черного моря до берегов Ледовитого океана и от Балтийского моря до самого Каменного пояса, как называли в старину Урал.

Русскую равнину с поверхности слагают мощные наслоения осадочных пластов глины, песка, песчаника и известняка.

Изучая эти пласты, геологи находят в них окаменелости — остатки морских животных, когда-то, миллионы лет назад, населявших безбрежные просторы древних морей.

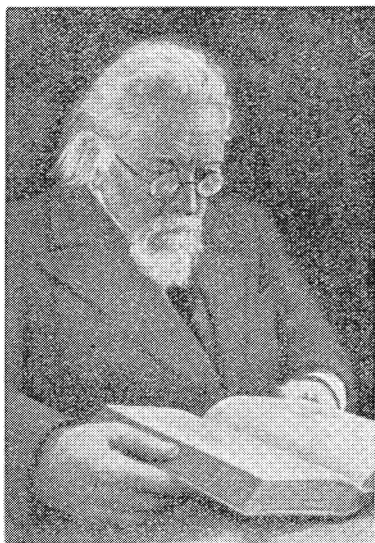
Характерна одна особенность наслоений Русской равнины. Они лежат почти горизонтально. А между тем по соседству, в Западной Европе, осадочные пласты измяты, собраны в складки гор. Потому так хорошо сохранились осадочные породы Русской равнины, что залегают они на поверхности мощной кристаллической плиты подобно слоеному пирогу, положенному на тарелку. Этот жесткий фундамент не поддавался смятию. Он лишь прогибался или слегка поднимался, образуя пологие впадины или, наоборот, поднятия.

Сейчас мы довольно хорошо представляем себе, как произошли осадочные породы великой Русской равнины — нашей земли, на которой мы с вами живем. И этим знанием, помогающим нам исследовать богатства наших недр, изучать их далекое прошлое и предвидеть будущее, мы во многом обязаны трудам выдающегося русского геолога Александра Петровича Карпинского.

Изучив наслоения Русской платформы, проследив, как сменялись в них окаменелости, Карпинский доказал, что в отдаленном геологическом прошлом Русскую равнину покрывали моря, которые вытягивались гигантскими языками то с севера на юг, то с запада на восток. Это происходило потому, как объяснил Карпинский, что кристаллическая плита Русской равнины время от времени местами изгибалась. Чем сильнее понижалась плита, тем дальше проникали на ее территорию морские воды. Изгибы и понижения плиты Карпинский связывал с процессами образования Уральских и Кавказских гор.

Замечательный русский ученый первый составил карту, на которой показаны разломы, прогибы, пологие изгибы и более узкие «валы» кристаллической плиты Русской платформы.

Эта карта помогла изучить строение европейской части нашей страны.

Александр Петрович Карпинский.

А. П. Карпинский родился в 1846 году. Окончив Горный институт, он начал свою научную работу с исследования восточных склонов Урала. Уральский хребет — древнее поднятие земной коры. Действие воздуха, воды и морозов в течение долгих миллионов лет разрушало его, сглаживало и округляло его рельеф. Текучие воды дождевых потоков, ручьев и рек переносили продукты разрушения горных пород в виде щебня, гравия, песка и ила в прилегающие моря. Верхние части складок горного хребта были уничтожены, а нижние

по краям погребены под осадочными отложениями прилегающих равнин.

И вот, изучив восточные склоны Урала, Карпинский восстановил картину когда-то существовавших складок, погребенных под отложениями Западно-Сибирской равнины. На основании этих наблюдений он составил геологическую карту восточного склона Урала, которая долго оставалась единственным источником знаний о геологическом строении этой части Уральского хребта.

Карпинский уделил много времени и сил изучению ископаемых богатств нашей страны.

Он первый высказал и доказывал мысль, что угольные пласты Донецкого бассейна могут залегать далеко за пределами, в которых велась в его время их разработка. Поэтому Карпинского, по справедливости, можно считать одним из создателей идеи «Большого Донбасса». Карпинский опубликовал также большую исследовательскую работу о роли водных растворов в образовании отложений драгоценной платины, месторождениями которой известен Урал.

Уже в возрасте 88 лет, престарелый ученый принял участие в экспедиции на далекий север, в бассейн реки Печоры, где позже были найдены богатые залежи каменного угля.

Александр Петрович Карпинский был избран членом Академии наук в 1886 году, а с 1918 года до самой смерти был ее президентом.

В этом году мы отмечаем десятилетие со дня смерти этого замечательного человека, одного из основателей русской геологии.

АЙСБЕРГ У БЕРЕГОВ ГРЕНЛАНДИИ

(К рисунку на обложке)

Айсберги — ледяные горы — встречаются и в Северном и в Южном полушариях, в арктических и антарктических морях. Все ледяные горы образуются от ледников, сползающих в море. На нашей обложке изображен айсберг, встреченный мореплавателями в северной части Атлантического океана, у берегов Гренландии. О величине этой плавающей ледяной глыбы можно судить по находящемуся вблизи нее судну. Следует иметь в виду, что над водой возвышается лишь восьмая или девятая часть айсберга.

Хрустальные замки айсбергов представляют незабываемое зрелище. То голубоватые, то окруженные трепетным желто-зеленым сиянием, плывут они, похожие на сказочные башни и изваяния. Трещины и изломы во внутренней

их массе дают нередко в ярких лучах солнца красочные эффекты отражения. Когда гладкая поверхность ледяной скалы сверкнет иной раз в блеске солнечного дня, приходится отводить в сторону ослепленный ярким светом взор.

Когда солнце в красном зареве садится, играя сумеречной гаммой цветов, бесшумно скользящая по воде ледяная гора кажется иной раз горящим замком, вокруг которого с неистовыми криками носятся стаи морских птиц.

Случается, что вода промывает глубокие пещеры в величественном айсберге. Они зияют, как триумфальные арки, а за ними открывается широкий вид на морские дали.

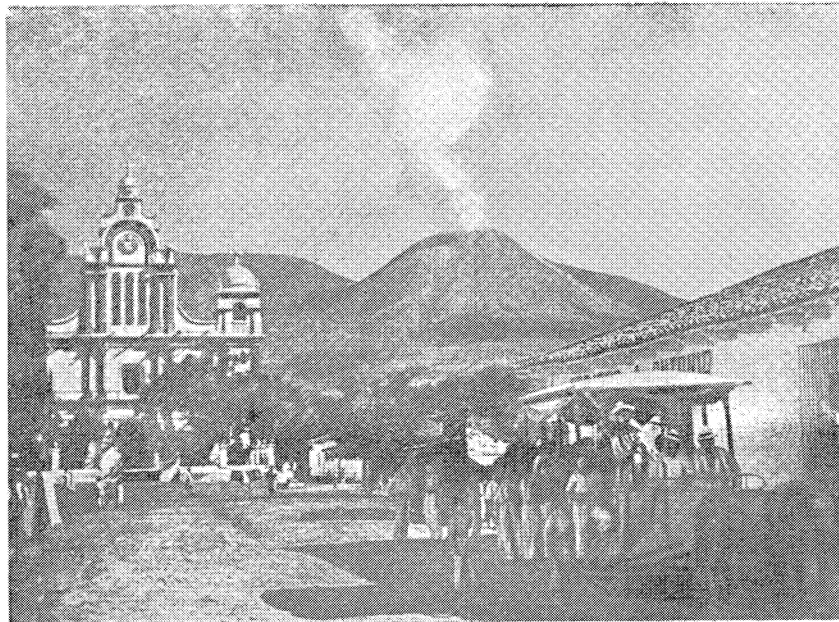
Г. С.

ИЗВЕРЖЕНИЕ ЧЕРЕЗ КАЖДЫЕ ВОСЕМЬ МИНУТ

Один из любопытнейших вулканов мира—это, несомненно, вулкан Ицалко в Центральной Америке. Его вершина, покрытая застывшими потоками лавы, вздымается почти на 2000 метров над тихоокеанским побережьем Сальвадора.

Каждые восемь минут раздается подземный гул, над кратером Ицалко появляется клуб дыма, который растет с каждым мгновением, превращаясь в огромный столб высотой метров в триста. Затем верхушка дымного столба начинает растекаться в воздухе, делаясь похожей на шляпку гриба. Ветер развеивает дым и пепел без следа; через восемь минут вновь раздается гул, опять вздымается дымный столб, и так беспрерывно следуют одно за другим извержения вот уже более 200 лет.

Моряки всего мира знают об этом естественном маяке, который служил

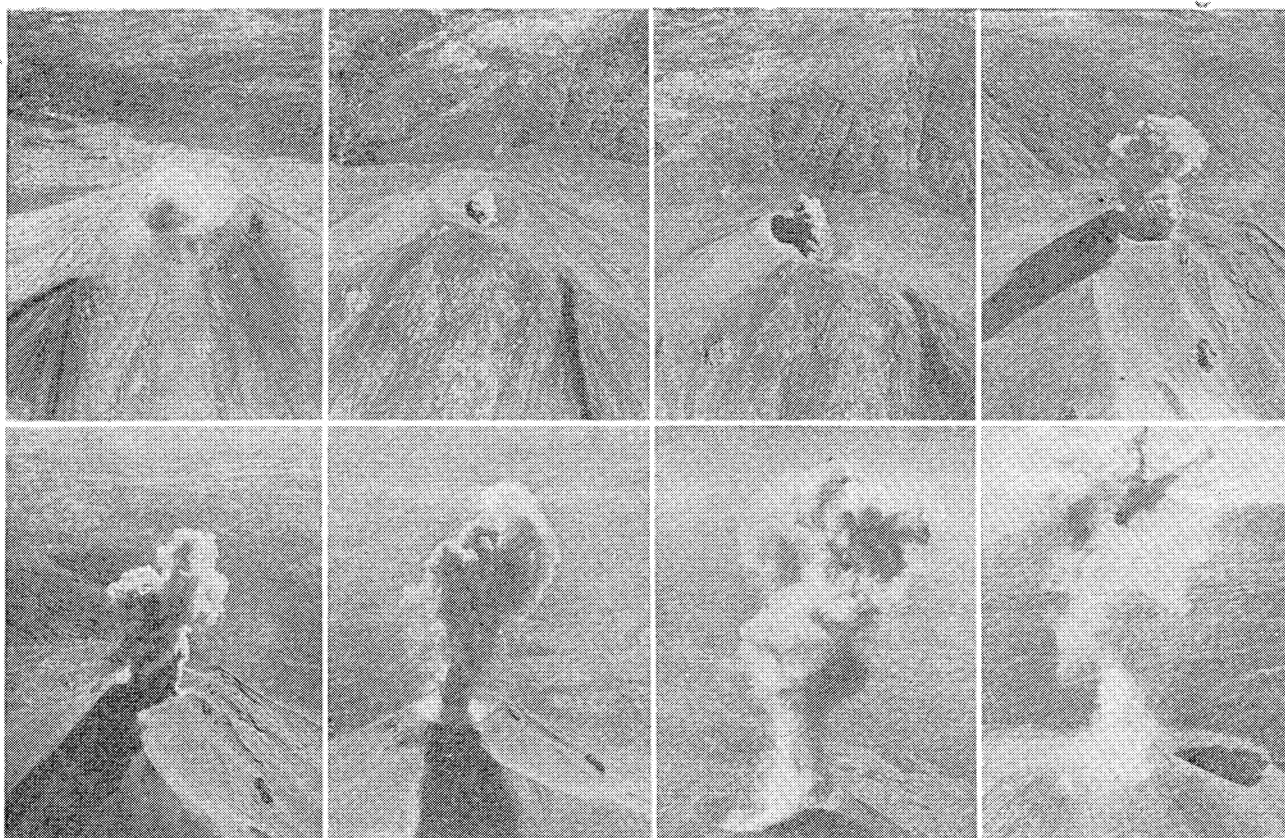
Огненный столб из вулкана Ицалко.

одним из ориентиров у берегов Сальвадора.

В темные тропические ночи мерцающие вспышки Ицалко видны за сотни километров, так как столб дыма освещается багровым отблес-

ком кипящей лавы. Из главного кратера вырываются только дым и пепел, а лава в ничтожных количествах выливается из боковой щели кратера.

Г. С.

Фазы извержения вулкана.

Вокруг света на велосипеде

Среди подвигов богатырей русского спорта, завоевавших себе мировую славу, почетное место в спортивном мире занимает кругосветное путешествие велосипедиста-сибиряка Онисима Панкратова.

Этому чрезвычайному событию минуло 35 лет. В раннем детстве, протекавшем в г. Уфе, у Панкратова развилась любовь к спорту. Мальчик занимался акробатическими упражнениями, мчался на неоседланной лошади, жонглировал тяжелыми снарядами, научился ходить на руках и совершал головокружительные прыжки.

В Харбине, куда переехала позже семья Панкратова, Онисим записался в общество спортсменов.

Он активно участвовал во всех спортивных соревнованиях и везде имел успех. Однажды в Харбине приехал кругосветный путешественник-велосипедист серб Райцевич. Однако ехать на велосипеде по опасным сибирским таежным дорогам Райцевич не рискнул и пересек Сибирь на поезде. Путешествие Райцевича так заинтересовало Панкратова, что молодой сибиряк и сам решил совершить пробег на велосипеде вокруг земного шара, но нигде и ни при каких обстоятельствах не прибегать к какому-либо иному способу передвижения по суще. Это было опасное и сложное предприятие, на которое мог решиться только человек чрезвычайно мужественный и упорный.

Панкратов познакомил с этим замыслом двух своих товарищей, велосипедных гощиков. Они согласились проехать с отчаянным путешественником до Петербурга.

Боясь остаться в пути без запасных частей и необходимого снаряжения, велосипедисты нагрузили каждого «стального коня» двухпудовым багажом. Езда на таком «велосипедном грузовике» по скверному сибирскому тракту, иной раз под дождем, в непролазной грязи, в снеговую пургу, была чрезвычайно трудным испытанием для путешественников.

Первые же сотни верст требовали от них чудовищной выносливости.

Доехав до Хайлара, они сбросили с велосипедов по одному пуду багажа, но ехать попрежнему было мучительно тяжело. Спутники Панкратова искали случая покинуть его. В Чите они заявили, что дальше не поедут.

Упорный Панкратов продолжал свой путь один.

Неприветливо встречали велосипедиста местные власти. Царские жандармы преследовали путеше-

ПЛАТОН ИПОПОЛИТОВ, заолуженный мастер спорта СССР

ственика за то, что его машина «пугала лошадей», а то просто так, «за здоровьем живешь». Но день за днем Панкратов приближался к Петербургу.

Из Харбина путешественник выехал летом 10 июля 1911 года. В Петербург он прибыл зимой — 23 ноября, потратив на первую часть велопробега четыре с половиной месяца.

К началу нового, 1912 года Панкратов приехал в Берлин, где определился его маршрут по Европе. По этому маршруту велосипедист должен был вдоль и поперек объездить европейские страны, совершив при этом пробег в виде гигантской цифры «8». Здесь, в Берлине, Панкратов получил от матери трогательное письмо, воодушевившее его на дальнейший подвиг.

«Прездлевай все трудности, мой милый сын, — напутствовала его мать, — не останавливаясь ни перед чем, добивайся намеченной цели, все претерпевай и никогда не отказы-

вайся от задуманного хорошего дела во славу родины. Пусть мое материнское слово поддерживает и воодушевляет тебя в самые трудные минуты твоего замечательного путешествия». Слова матери стали его путевой звездой. Много ободряющих писем он получал от друзей и неизвестных доброжелателей.

В Карлсруэ Панкратов познакомился с инженером Урусовым. Урусов очень тепло отнесся к отважному соотечественнику, помог ему деньгами и согласился заведывать перепиской Панкратова на время его путешествия. Урусов направлял в газеты путевые очерки Панкратова и возвращал ему гонорар. Только благодаря этой материальной поддержке Панкратову удалось избежать голода и нужды во время пробега по Европе.

За полмесяца он исколесил всю Швейцарию. В Северной Италии ему предстояло пересечь снежные Альпы. Никто не верил, что с велосипедным рулем в руках можно одолеть вершину высотой в два с половиной километра. Но и тут на помощь смелому путешественнику пришел его соотечественник — известный русский альпинист инженер Базырин.

Базырин принял на себя роль проводника.

Снежные Альпы были покорены. Это был мировой рекорд Панкратова в альпинистском спорте.

Северную Италию Панкратов проехал за десять дней, а оттуда попал в Австро-Венгрию. В этой стране путешественник неоднократно подвергался обыскам и лобоям, Польцейские подозревали Панкратова в шпионаже.

За Австро-Венгрией последовали Сербия и Болгария. Дороги здесь были хорошие, а прием — самый сердечный и дружественный.

Много горечи пришлось испытать путешественнику на дорогах Турции. Все здесь было плохо: и скверный путь и открытое недружелюбие властей.

Из Турции Панкратов приехал в Грецию. В этой стране путешественник вновь обрел народную ласку, всюду его встречали хорошо. Но поездка по Греции продолжалась недолго. По пелопонесскому маршруту Панкратов вновь должен был педалировать по дорогам Турции.

В то время шла турецко-итальянская война; турецкие отношения с Болгарией были обострены политической обстановкой. И вот около Битоми турецкие жандармы, приняв русского путешественника за шпиона, схватили и избили его прикладами. Иранского

О. П. Панкратов.

Панкратова увезли в больницу, там он пролежал 12 дней.

После злоключений в негостепримной Турции Панкратов снова приехал в Италию. Деньги путешественник израсходовал; он часто ночевал под открытым небом, питался хлебом и водой. Местность, по которой он передвигался с трудом, кишела малярийными комарами. Панкратову не удалось избежать малярии.

Обессиленный припадками лихорадки, он прибыл во Флоренцию уже в тяжелом состоянии и сразу попал в больницу. В больнице он пролежал 25 дней, а затем, еще не оправившись от болезни, направил свой путь во французскую Ривьеру. Но полицейские власти вновь приняли путешественника за шпиона, арестовали и заковали в ручные кандалы. Потребовалось вмешательство русского консула. Через пять дней сибиряк снова угодил на больницу койку: возле Специи на него налетел мотоциклист, сшиб его и сильно повредил ногу. Целый месяц находился Панкратов на излечении, пока не зажила нога.

Соотечественники Панкратова всюду оказывали ему всяческую помощь. В Италии к нему были очень внимательны жена и сын Алексея Максимовича Горького.

Пятнадцать дней Панкратов колесил по итальянской и французской Ривьерам, проехал в Испанию, Португалию, потом обратно через Пиренеи попал во Францию, миновав французские города Бордо и Париж, и к новому, 1913 году прибыл в Па-де-Кале. 3 января он переплыл Ламанш и начал велосипедные туры по городам Англии.

В Лондоне его тепло приняла дочь известного русского революционера и ученого Кропоткина. В Ливерпуле Панкратов пополнил опочивший кошелек, выступая с рассказами о своем необычайном путешествии.

Деньги были нужны на оплату пароходного билета в Америку. В радужном настроении вступил он на берег Нового Света, полагая, что самая трудная часть кругосветного путешествия осталась позади. Но путешествие по «обетованной земле» оказалось еще более тягостным и едва не привело к гибели отважного велосипедиста.

7 000-километровый путь через Чикаго до Сан-Франциско, занявший четыре месяца, был сплошным испытанием для Панкратова. Путешественника поражали скверные проселочные дороги. В городах повсюду были прекрасные вымощенные улицы, в пригородах отлично оборудованные шоссе и магистрали, но стоило переехать городскую черту, как велосипедист попадал в цепкие объятия бездорожья.

Пересекая пустыню Кобри, Панкратов сбился с пути и целых пять дней скитался без воды и пищи. Боясь быть укушенным ядовитыми змеями, кишачами в пустыне, Панкратов спал на деревьях, отдыхал стоя, опираясь на своего «коня». Питался он мясом зайцев, водившихся там в несметном количестве. Но пресной воды не было. Наконец на исходе пятых суток он набрал на реку и по оврагу добрался до железной дороги.

Миновав за полмесяца пески штата Небраска и перевалив скалистые горы Сиерра-Невады близ Калифорнии, Панкратов почувствовал, что громадная территория Америки осталась позади. Остальной путь к берегам Тихого океана до Сан-Франциско явился для него легкой прогулкой.

Восемнадцать дней ушло на путешествие на пароходе из Америки до Японских островов.

В Японии за Панкратовым неприятели следили полицейские, часто фотографировали. Панкратов с нетерпением ожидал, когда он покинет страну «восходящего солнца».

Японию он проехал через города Осака, Фузаи и Чамульпо.

В июле 1913 года Панкратов совершил третье, и последнее, путешествие на пароходе. Он высадился со своим неизменным велосипедом в Тяньцзинь и пересек китайскую территорию до станции Куанченцзы.

Вблизи была русская земля, родной дом, любимые родители. Сердце путешественника билось радостно, предвкушая неизъясимую теплоту встречи.

В Харбине Панкратову устроили торжественный прием. От границ города до циркострома двумя сплошными шеренгами стояли толпы народа, кричавшие знаменитому путешественнику громкое «ура». По старому русскому обычаю гостеприимства, из домов выходили жители с хлебом и солью.

Панкратов шел пешком, ведя велосипед,

окруженный огромной толпой восхищенных благожелателей.

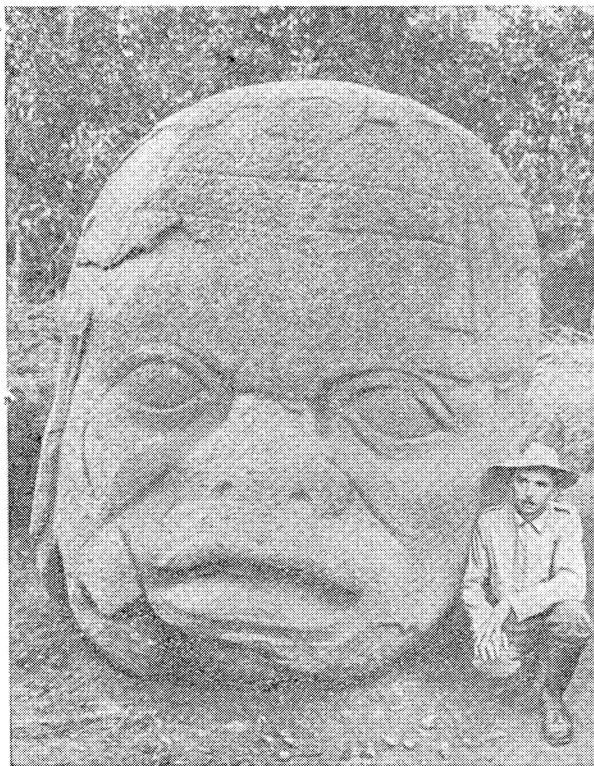
Кругосветное путешествие Онисима Панкратова продолжалось 2 года и 18 дней. За этот срок он совершил путь в 18 000 верст (1½ окружности экватора). За свою «прогулку» он сменил на велосипеде 52 шины, 36 камер, 9 цепей, 8 педалей, 4 седла, 2 руля, много фонарей, звонков.

Напрасно ждал Панкратов за свой подвиг, принесший ему мировую славу, поощрения от царского правительства. Высшей наградой ему была бриллиантовая звезда Международного слэртнвного конгресса.

Когда грянула первая мировая война, Панкратов выбрал самый опасный участок для борьбы с врагом — авиацию. В одном из боев в Восточной Пруссии с немцами «Таубе» сибиряк сбил врага и сам погиб смертью храбрых.

Так в расцвете сил закончилась героическая жизнь русского спортсмена.

МЕКСИКАНСКИЕ СФИНКСЫ

В джунглях Мексики американскими учеными обнаружены следы древней, не известной доселе культуры. Глубоко под поверхностью земли были найдены остатки предметов быта, посуды, украшений. Исключительный интерес представляют каменные жертвенники, покрытые богатой резьбой, а главное — головы человеческих фигур, искусно высеченные из гранита.

Большая из найденных голов имеет высоту 2 метра и 55 сантиметров и около 7 метров в окружности. Многие каменные головы слегка повреждены, очевидно, какими-то победителями или завоевателями, тщетно пытавшимися уничтожить эти памятники не известной нам древней цивилизации. Ученые продолжают работы, надеясь разгадать тайну мексиканских сфинксов.

ЗАБЫТАЯ КНИГА ЮНОШИ-ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Среди многочисленных старинных книг о русских путешественниках есть одна очень хорошая, несправедливо забытая книга.

Называется она так: «Двукратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанное сим последним». Автор этой книги, молодой русский моряк, мичман Гавриил Иванович Давыдов, со своим старшим другом, лейтенантом флота Хвостовым, дважды совершил путешествие (в 1802 и 1804 гг.) через всю Сибирь, а потом морем к северо-западным берегам Америки — на острова Кадьяк и Ситха. Побывали друзья и в Калифорнии.

Книгу о своем путешествии Давыдов написал по совету небезызвестного адмирала А. С. Шишкова, вернувшись в Петербург после долгих и трудных странствий по холодным морям, по скалистым, заросшим сумрачным лесом островам, населенным враждебными к европейцам индейскими племенами.

Адмирал Шишков рекомендовал книгу Давыдова морскому министру, и она была издана в 1810 году в Петербурге, по решению Ученого совета при Адмиралтейском департаменте.

«Двукратное путешествие», несмотря на архаизм языка, читается с неслабым интересом. Написана книга очень молодо, свежо, увлеченно. Давыдову было всего лишь 18 лет, когда он, обливаясь слезами, сел в дорожную кибитку и надолго простился с милыми его сердцу людьми и с привычным укладом жизни. Путешествие по глухой, бездорожной Сибири было долгим и трудным.

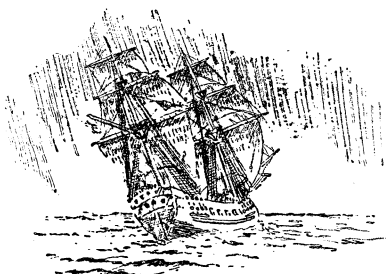
Очень просто и искренно, без всякой рисовки, но и очень увлекательно рассказывает он о разнообразнейших приключениях, которые довелось пережить путешественникам во время их сухопутного переезда через Сибирь, плавание из Охотска к острову Кадьяк и жизни на этом далеком острове. Давыдов умел наблюдать и хорошо рассказывать о виденном. Точность и конкретность в описаниях виденного почти всегда соединены у него с лирическим чувством, с волнением души. Вот, например, как он описывает плавание по реке Лене:

«...Вечер сделался прекрасный. Вершины высоких диких скал, коим мы проплывали, позлащались последними лучами солнца, сиявшего еще за хребтами гор. Небо начало покрываться темнотою; тишина воз-

духа прерывалась только шумом весел. Наконец ночь сделалась самая темная; черные и густые облака скопились над нашими головами; вдали глухо гремел гром и блистала молния. Сии величественные явления, столь скоро из позлащенных и великолепных превратившиеся в мрачные и ужасные, казалось, производили в душе моей подобные же перемены...»

«Двукратное путешествие» переносит читателя в мир, полный суровой романтики, которая до сих пор волнует нас и кажется такой привлекательной в романах Фенимора Купера. Но, помимо того, что книга Давыдова интересна, она богата и познавательным материалом. Пытливый и вдумчивый юноша сообщает множество сведений о географии, о нравах и обычаях «диких народов», об охоте на птиц и зверей. Примечательна книга и в историческом плане: она является одним из документов, свидетельствующих о великих и героических трудах русских людей, смело и самоотверженно прокладывавших путь на восток и дошедших одними из первых до диких в те времена берегов Северной Америки.

Б. Евгеньев

КНИГА О ДЕЖНЕВЕ

В № 3—4 нашего журнала помещен очерк М. Муратова «Сквозь туманы и льды» — о походе Семена Дежнева к устью реки Анадырь. Результатом этого похода было открытие пролива, отделяющего Америку от Азии.

В недавно вышедшей книге В. А. Самойлова «Семен Дежнев и его время»¹ рассказана подробная история этого выдающегося географического открытия. Автор широко использовал разнообразные источники и дал в этой книге величественную историю походов русских людей на крайний северо-восток Азии.

На протяжении семидесяти лет русские люди заняли одну из величайших стран света. Идя «встречь солнцу», мужественные предшественники Дежнева, служилые люди и землепроходцы, преодолевали бурные воды океанов, недоступные хребты и необозримые тундры. В невыносимо

¹ В. А. Самойлов, Семен Дежнев и его время. М., Издательство Главсевморпути, 1945. 150 стр.

тяжелых условиях, порою во враждебном окружении, они несли «дальние государевы службы», расширяя и укрепляя Русскую землю.

В знаменитой «челобитной» царю Алексею Михайловичу Семен Дежнев, добываясь от государя прибавочного жалованья, так писал о своих трудах и походах: «И будучи на тех твоих, государевых, службах в те

многие годы, всякую нужду и бедность терпел, и сосновую и лиственничную кору ел, и всякую скверну принимал—двадцать один год».

Но, промышляя драгоценную пушнину и моржовую кость, Дежнев не был только завоевателем «дальних земель». Ценность книги В. Самойлова в том, что она показывает нам и другие стороны личности Дежнева. Подобно многим своим русским предшественникам и современникам, Дежнев оставил краткое, но содержательное описание пройденных им мест. Он писал там: «А река Анадырь не лесна, и соборей по ней мало, и от Малого Маена, кроме талинка, нет леса никакого, а от берегов лесу не широко, все тундра да камень, а той реки Анадыре чертеж с Оноя реки и за Камень на вершину Анадыру и которые реки впади большие и малые и до моря и до той карги, где вылагает зверь». Дежнев упоминает здесь о составленном им чертеже, то есть карте Анадыря и реки Аноя.

Трудами таких людей, как Дежнев, Хабаров, Стадухин и многие другие, был подготовлен составленный уже впоследствии «чертеж всей Сибири» — географическая карта азиатских владений России. Так простые русские люди не только завоевали, но и открыли для просвещенного мира эту обширную и до того неизвестную страну.

н. п.

Тихоокеанские лососи

Среди сокровищ, тающихся в недрах Тихого океана, к числу наиболее ценных для человека относятся лососи — эти «живые алмазы» моря, приходиться искать, — они сами идут нам навстречу, даются прямо в руки.

Ежегодно в определенный срок, главным образом весной и летом, огромные стаи крупных красных рыб — кеты, кижуча, горбуни и чавычи — поднимаются из океана в устья рек Камчатки и Охотского края, в Амур и в реки Сахалина и Приморья. Скопления их бывают так огромны, ход их такой густой и интенсивный, что нижние рыбы выпирают верхних и над поверхностью воды выдаются плавники, — широкая полоса рыб, хорошо заметная для глаза, тянется вверх по реке на километры и движется без перерыва и день, и два, и три.

Для лососей, входящих в реки, чтобы отложить икру в верховьях, не существует никаких преград и препятствий. Самый крупный из лососей, чавыча, в больших американских реках проходит три-четыре тысячи километров против сильного течения, пока дойдет до мест нереста. Если встретится по пути завалы или даже водопады, лососи сильным ударом хвоста выбрасываются из воды и перелетают через препятствия. В верхнем течении рыбы нередко идут по таким мелким местам, что вода их едва покрывает, и рыбы, можно сказать, ползут по дну.

Самое удивительное, однако, в этих странствованиях то, что лососи всегда идут в «свою» реку, то есть в ту реку, из которой они когда-то, год, два, три назад, крохотными мальками спустились в море. Можно только изумляться той исключительной тонкости чувств, с помощью которой они распознают в море воду именно «своей» реки и отыскивают ту речку, где впервые увидели свет. Отыскав такое место, где сквозь грунт дна проходит постоянный ток подпочвенных вод, самка вырывает своим хвостом, телом и плавником довольно большую и глубокую яму, куда выметывает икру. Оплодотворенная икра забрасывается песком и галькой, так что сверху образуется холмик. В этом гнезде

икра защищена от хищников и от механических повреждений и, кроме того, находится в постоянном токе подземных вод и снабжается кислородом. Несколько дней самка караулит гнездо, но затем, истощенная долгим путешествием, во время которого она не принимала никакой пищи, обессиливает, сносится вниз течением реки и погибает. На следующую

Лосось перебирается через препятствие.

весну из-под песка и гальки выбираются крохотные мальки, они подрастают в реке и также густыми стаями отправляются вниз по течению, в море.

Такой цикл жизни тихоокеанских лососей ставит их в полную зависимость от человека: мы их можем сделать, так сказать, полудомашними животными. Численность их стаи всецело зависит от количества икры, отложенного в верховьях рек, и если охранять нерестилища, истреблять хищных рыб, питающихся икрой и мальками, заботиться о том,

чтобы нерестовые реки не засорились и не пересыхали, то можно поддерживать численность рыбьего стада на постоянном уровне.

Уже сейчас такие опыты успешно производятся нашей Камчатской рыбохозяйственной станцией в Петропавловске. Река перегораживается сетью с ловушками, через которые проходят лососи при подъеме.

Их не вылавливают, но точно просчитывают при проходе через ловушки, и, если рыбы идет слишком много, что может привести к перенаселению нерестилищ, проход закрывают. Весь избыток можно выловить без ущерба для запасов, так как рыбы все равно погибнут, — они не могут вернуться в море.

Мальков при спуске в море также просчитывают. Это дает возможность с довольно большой точностью предсказать, каков будет ход лососей, когда они вырастут, в море через год (горбуша) или через три-четыре года (другие виды). Если почему-нибудь мальков мало, их количество можно восполнить, выпуская молодых рыбок, искусственно выведенных на рыбоводном заводе.

Впоследствии, когда мы полностью овладеем знаниями всех подробностей жизни лососевых рыб, мы сможем распорядиться многомиллионными стадами лососей, открывающимися на обширных пастбищах океана совершенно так же, как сейчас животновод распоряжается своими стадами.

Уже в настоящее время наш Союз ежегодно получает на Дальнем Востоке больше 2 миллионов центнеров превосходной, жирной и вкусной лососевой рыбы, и количество это будет увеличено в ближайшем будущем.

Проф. П. Ю. Шмидт

ОТВЕТЫ

на географический чайнворд, помещенный в № 5—6

Географические названия следующие: 1. Ам-река. 2. Кура. 3. Арка. 4. Ахтуба. 5. Азия. 6. Якутск. 7. Куба. 8. Амвр. 9. Родос. 10. Сочи. 11. Ирак. 12. Ковров. 13. Васа. 14. Аравия. 15. Ямал. 16. Лима. 17. Алжир. 18. Ржев. 19. Визе. 20. Египет. 21. Тула. 22. Африка. 23. Аден. 24. Нант. 25. Гарту. 26. Уайт. 27. Тахо. 28. Охотск. 29. Кале. 30. Европа. 31. Айон. 32. Нева.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 7 И Ю Л Ь 1946

СОДЕРЖАНИЕ

В. Н. Образцов Путешествия прежде и теперь	2
Ф. Наседкин По дорогам Сербии.—Рис. К. Дорохова	5
П. Безруких Странствования молодого Горького	11
Ел. Викторова-Любарская Горький на Капри	14
Б. Иванов Через три материка	17
Д. Арманд В подземном мире.—Рис. В. Чернецова	26
Н. Емельянова Путешествие, которое нельзя повторить (рассказ).—Рис. П. Караченцова	31
Р. Фраерман, П. Зайкин Жизнь и необыкновенные приключения капитан-лейтенанта Головинина, путешественника и мореходца (морская повесть, продолжение).—Рис. Н. Витина	35
С. Юрин В лесах масличных	44
Ю. Ефремов Ущелье Юншара	43
В. Якубович Среди папуасов Новой Гвинеи	43
Таинственная страна Багда	52
В. Сафонов Встречь солнца.—Рис. В. А. Фаворского	53
П. Ипполитов Вокруг света на велосипеде	61
В мире книг	63

На обложке в рамке: иллюстрация к заметке «Айсберг у берегов Гренландии» (стр. 59).—Рис. П. Леонидова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Адрес редакции: Москва, Новая пл., д. 6. Тел. К 5-24-71.

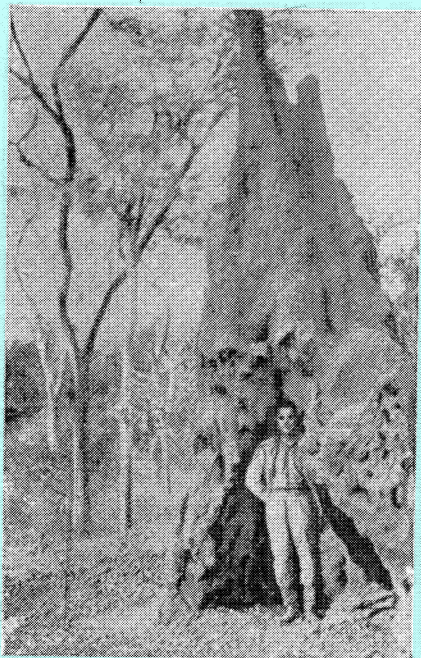
Непринятые рукописи не возвращаются.

Редакционная коллегия: И. А. Ефремов, И. В. Иноземцев (отв. редактор), А. П. Казанцев, Н. Н. Михайлов, акад. В. А. Обручев. Техред И. Солениов.

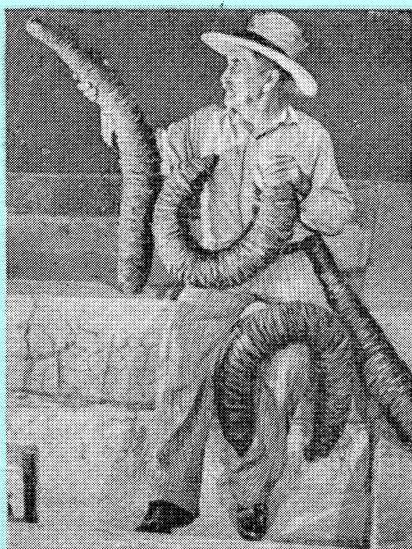
Подписано к печати 15/VI/1946 г. А04570. Бумага 60 × 92 см 1/8. 8 печатных листов по 63 тыс. знаков. Тираж 50 000 экз. Цена 6 руб. Заказ 1312. Типография «Красное знамя» издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, Сушевская ул., д. 21.

Что, зачем, почему?

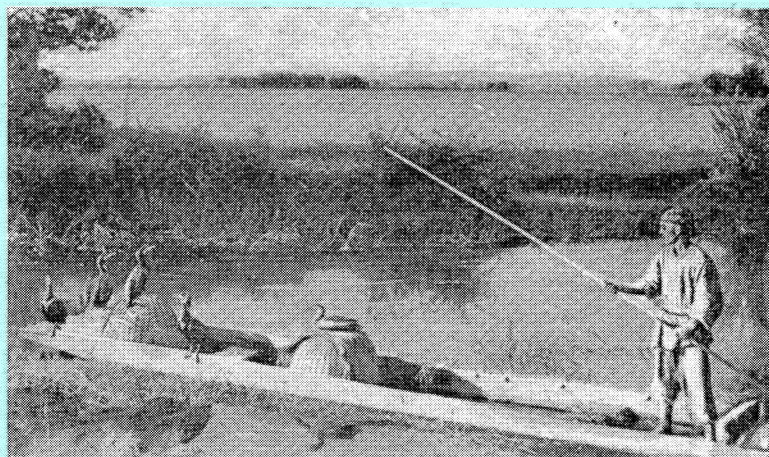
Вл. Янубович

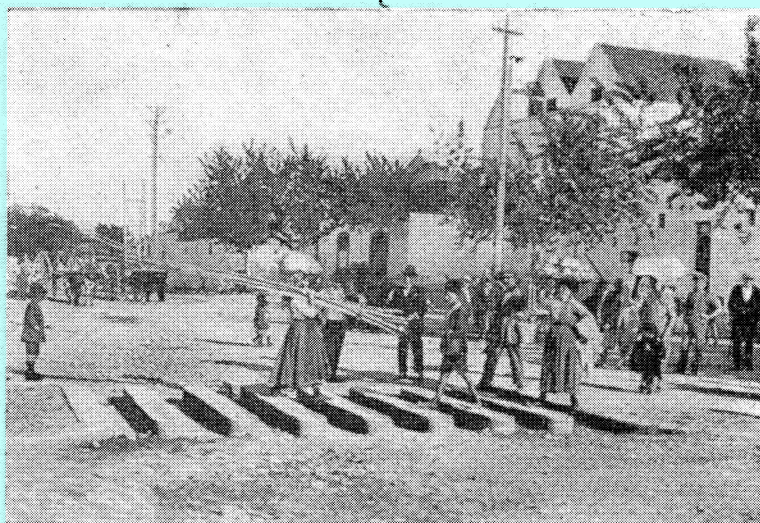
1. Эта фотография снята в Экваториальной Африке. Что она изображает?

2. Снимок сделан в Никарагуа — «стране вулканов, озер и каучуковых лесов». На фотографии вы видите старого жителя Никарагуа с какими-то гигантскими червями или гусеницами. Что это такое?

3. Фотография изображает китайского крестьянина, который на лодке пересекает затопленное рисовое поле. Почему в лодке сидят птицы и зачем они крестьянину?

4. Перед вами улица итальянского города Альберобелло. Зачем сделаны такие странные переходы на этой улице?

5. Фотография снята с самолета на севере Африки. Что запечатлено на этом снимке?

Во второй половине XVI века отважный атаман Ермак во главе небольшого казацкого отряда перешел через Уральские горы, уничтожил в Сибирских землях власть хана Кучума и открыл русскому народу путь к просторам востока. На рисунках заслуженного деятеля искусств В. А. Фаворского даны эпизоды исторического похода Ермака. (К очерку В. Сафонова «Встречь солнца»).